ЧАСТНОЕ ПРАВО

Научно-правовой журнал

№ 4 (ОКТЯБРЬ-ДЕКАБРЬ)
2026 ГОД

Учредитель: Грудцына И.В.
Издатель: Юридическое издательство «Юркомпани»
Журнал выходит с 2025 г.

Выходит один раз в три месяца

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС 77-90260 от 29 октября 2025 г.)

ЧАСТНОЕ ПРАВО

Научно-правовой журнал

Ежеквартальный научный РИНЦ-журнал, в котором публикуются статьи фундаментального и прикладного характера по актуальным проблемам гражданского, семейного, предпринимательского, наследственного и трудового права.
Основной целью научного издания является формирование научной площадки для эффективного обмена научными знаниями, практическим юридическим опытом и результатами научно-правовых исследований в области частного права, гуманитарных знаний, обобщения научных и научно-практических результатов в области гражданско-правовых исследований.

Главный редактор: Грудцына Людмила Юрьевна

Первый заместитель главного редактора (координатор региональных представительств): Гандалоев Руслан Баширович

Заместитель главного редактора: Шайхуллин Марат Селирович

Председатель Редакционного совета: Иванова Светлана Анатольевна

Редактор: Дребезгова Юлия Дмитриевна

Корректор и компьютерная верстка: Ерошина Екатерина Андреевна

Дизайн: Ерцев Роман Александрович

Адрес офиса редакции: 121596, г. Москва, ул. Горбунова, д. 2, стр. 3. Офис Б 218. Этаж 2. Бизнес-центр “Гранд Сетунь Плаза”.

Адрес для писем: 121614, г. Москва, ул. Крылатские Холмы, д. 28, к. 57.

Home page: https://private-law.moscow

E-mail: editor@law-books.ru

Многоканальный (по России): +8-800-700-45-88

WhatsApp: +7-926-125-33-23

При использовании опубликованных материалов ссылка на научно-правовой журнал «Частное право» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

Грудцына Людмила Юрьевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Почетный адвокат России, эксперт РАН (г. Москва, Россия)

Первый заместитель главного редактора
(координатор региональных представительств):

Гандалоев Руслан Баширович, кандидат политических наук, Почётный работник воспитания и просвещения Российской Федерации, Заслуженный юрист в Республике Ингушетии, член-корреспондент Российской академии естественных наук

Заместитель главного редактора:

Шайхуллин Марат Селирович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт МВД России» (г. Уфа, Россия)

• **Иванова Светлана Анатольевна,** доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации».

• **Сангаджиев Бадма Владимирович,** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)».

• **Стригунова Дина Павловна,** доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры международного и интеграционного права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

• **Усанов Владимир Евгеньевич,** доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии образования, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им Г.В. Плеханова.

• **Шинкарецкая Галина Георгиевна,** доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора международного права Института государства и права РАН, член Совета по международному праву при Министерстве иностранных дел Российской Федерации

• **Щербак Евгений Николаевич,** доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры финансового права Российского государственного гуманитарного университета.

• **Эриашвили Нодари Дарчоевич,** доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief:

Grudtsina Ludmila Yurievna, Doctor of Law, Professor, Professor

Department of Constitutional and International Law, All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

First Deputy Editor-in-Chief (Regional Office Coordinator):

Gandaloev Ruslan Bashirovich, Candidate of Political Sciences, Honorary Worker of Education and Enlightenment of the Russian Federation, Honored Lawyer in the Republic of Ingushetia, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences

Deputy Editor-in-Chief:

Shaikhullin Marat Selirovich, Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Federal State Educational Institution of Higher Education «Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia» (Ufa, Russia)

• **Ivanova Svetlana Anatolyevna,** Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Federal State Budgetary Institution of Higher Education «Finance University under the Government of the Russian Federation.»

• **Sangadzhiev Badma Vladimirovich,** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia).

• **Strigunova Dina Pavlovna,** Doctor of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of International and Integration Law of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

• **Usanov Vladimir Evgenievich,** Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov.

• **Shinkaretskaya Galina Georgievna,** Doctor of Law, Chief Researcher of the International Law Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Member of the Council on International Law under the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

• **Shcherbak Evgeny Nikolaevich,** Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor, Department of Financial Law, Russian State University for the Humanities.

• **Eriashvili Nodari Darchoevich,** Doctor of Economics, Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor, Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya, laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation in the field of science and technology.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель: **С.А. Иванова,** доктор юридических наук, профессор, заместитель первого проректора по учебной и методической работе, профессор ФГОБУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»,
Почетный адвокат России, эксперт РАН

• **А.П. Галоганов,** доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов.

• **В.Н. Жуков,** доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

• **В.В. Комарова,** доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права РФ Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

• **И.А. Конюхова,** доктор юридических наук, профессор, руководитель отдела конституционного права и профессор кафедры конституционного права Российской академии правосудия.

• **А.В. Рагулин,** доктор юридических наук, доцент, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, Председатель комиссии по защите прав адвокатов-членов адвокатских образований Гильдии Российских адвокатов.

• **Б.С. Эбзеев,** доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ (в отставке), член ЦИК России.

• **Н.Д. Эриашвили,** доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Академии Генеральной прокуратуры РФ, профессор кафедры предпринимательского и трудового права Институт государственного управления и права Государственного университета управления.

EDITORIAL BOARD

Chairman: **S.A. Ivanova,** Doctor of Law, Professor, Professor of the Federal State Budgetary Institution of Higher Education «Russian Economic University named after G.V. Plekhanov,» Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences

• **A.P. Haloganov,** Doctor of Law, Honored Lawyer of Russia, President of the Moscow Region Bar Association, President of the Federal Union of Lawyers of Russia, Vice President of the International Union (Commonwealth) of Lawyers.

• **V.N. Zhukov,** Doctor of Philosophy, Doctor of Law, Professor of the Department of Theory of State and Law and Political Science, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University.

• **V.V. Komarova,** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Russian Federation, Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy).

• **I.A. Konyukhova,** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional Law and Professor, Department of Constitutional Law, Russian Academy of Justice.

• **A.V. Ragulin,** Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for Research on Problems of Organization and Activities of the Bar of the Eurasian Research Institute of Law Problems, Chairman of the Commission for the Protection of the Rights of Lawyers-Members of Lawyers Guilds of Russian Lawyers.

• **B.S. Ebzeev,** Doctor of Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation (in resignation), member of the CEC of Russia.

• **N.D. Eriashvili,** Doctor of Economics, Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Business and Labor Law Institute of Public Administration and Law of the State University of Management.

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРАВО И ПОЛИТИКА

Черепанов И. Е. * Специфика государственных и муниципальных внебюджетных фондов в современной России 9

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Носенко А. Ю. * Конституционно-правовая защита прав предпринимателей в условиях цифровизации государственного управления 14

ТЕОРИЯ И СИСТЕМА ПРАВА

Кобзева Е. И., Панина С.А. * Дисбаланс в системе источников права: теоретико-правовой анализ и сравнительно-правовой контекст 19

ПРАВОПОНИМАНИЕ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ

Александрова А. С. * Дифференциация требований к политике в отношении обработки персональных данных на основе функциональной классификации персональных данных 24
Черепанов И. Е. * Особенности формирования и исполнения бюджета государственных внебюджетных фондов 28

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Епанчинцева Т. В. * Обонятельные товарные знаки в системе нетрадиционных товарных знаков 33

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Бойко Е. Г. * Оспаривание сделок по отчуждению общего имущества супругов в конкурсном производстве при отсутствии нотариального согласия 35
Григорьева Н. В. * Правовые последствия неисполнения родителями алиментных обязательств в Российской Федерации 38

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Керимов Н. И. * Правовые проблемы антимонопольного регулирования цифровых платформ в Российской Федерации 44
Черепанов И. Е. * К вопросу о правовом положении государственных и муниципальных внебюджетных фондов 49
Рыбакова Л. А. * Актуальные проблемы привлечения арбитражного управляющего к ответственности в Российской Федерации и пути их решения 54

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Голубева Ю. Д. * Зарубежный опыт противодействия наркобизнесу и основные проблемы его применения в современных условиях 59
Малков Д. В. * Эволюция понятийного аппарата в области искусственного интеллекта на федеральном уровне в Соединенных Штатах Америки 64

ВЛАСТЬ И БИЗНЕС

Капаев М. Р. * Досудебное урегулирование налоговых споров: проблемы эффективности 72

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И СУДОПРОИЗВОДСТВО

Быковская В. Д. * К вопросу об активной роли суда в процессе доказывания в административном судопроизводстве 77
Петров Р. В. * Психологические аспекты организации гражданского судопроизводства в Российской Федерации 80

CONTENT:

LAW AND POLITICS

Cherepanov I. E. * Specifics of state and municipal extra-budgetary funds in modern Russia 9

HUMAN RIGHTS

Nosenko A. Yu. * Constitutional and legal protection of entrepreneurs' rights in the context of the digitalization of public administration 14

THEORY AND SYSTEM OF LAW

Kobzeva E. I., Panina S. A. * Imbalance in the system of sources of law: a theoretical-legal analysis and comparative legal context 19

LEGAL UNDERSTANDING AND LAW ENFORCEMENT

Aleksandrova A. S. * Differentiation of requirements for policy regarding personal data processing based on the functional classification of personal data 24
Cherepanov I. E. * Features of the formation and execution of the budget of state extra-budgeary funds 28

CIVIL LAW

Epanchintseva T. V. * Olfactory trademarks in the non-traditional trademarks system 33

FAMILY LAW

Boyko E. G. * Challenging transactions involving the alienation of spouses' joint property in bankruptcy proceedings in the absence of notarized consent 35
Grigoryeva N. V. * Legal consequences of parents' failure to comply with alimony obligations in the Russian Federation 38

ISSUES IN RUSSIAN LEGISLATION

Kerimov N. I. * Legal issues in the antitrust regulation of digital platforms in the Russian Federation 44
Cherepanov I. E. * On the issue of the legal status of state and municipal extra-budgetary funds 49
Rybakova L. A. * Current issues regarding the liability of insolvency administrators in the Russian Federation and ways to address them 54

LEGISLATION OF FOREIGN COUNTRIES

Golubeva Yu. D. * Foreign experience in combating the drug trade and key challenges to its application in the contemporary context 59
Malkov D. V. * The evolution of the conceptual framework in the field of artificial intelligence at the federal level in the United States of America 64

GOVERNMENT AND BUSINESS

Kapayev M. R. * Pre-trial settlement of tax disputes: effectiveness issues 72

JUDICIAL POWER AND LEGAL PROCEEDINGS

Bykovskaya V. D. * On the active role of the court in the evidentiary process in administrative proceedings 77
Petrov R. V. * Psychological aspects of the organization of civil proceedings in the Russian Federation 80

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.11.2026 г.
DOI: 10.24412/3033-6724-2026-4-9-13

ЧЕРЕПАНОВ Илья Евгеньевич,
студент,
Московский финансово-юридический университет МФЮА,
г. Москва, Россия,
e-mail: sled.com.vsu@bk.ru

Научный руководитель:
ГОГРИЧИАНИ Майя Георгиевна,
кандидат юридических наук, доцент,
Московский финансово-юридический университет МФЮА,
г. Москва, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

СПЕЦИФИКА ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ВНЕБЮДЖЕТНЫХ ФОНДОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. *В статье раскрываются подходы к правовому пониманию государственных и муниципальных внебюджетных фондов. Обосновывается, что государственные внебюджетные фонды сохраняют значение самостоятельного звена публичных финансов. Особое внимание уделяется различию между действующими государственными фондами и муниципальными финансовыми инструментами, выполняющими обеспечительную функцию без приобретения статуса самостоятельного внебюджетного фонда. Проанализированы риски и перспективы развития государственных фондов и муниципальных целевых механизмов в Российской Федерации.*

Ключевые слова: *государственные внебюджетные фонды, муниципальные внебюджетные фонды, Социальный фонд России, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования, территориальные фонды ОМС, местный бюджет, инициативные платежи, публичные финансы, финансово-правовой статус.*

CHEREPANOV Ilya Evgenievich,
Student,
Moscow Financial and Law University MFUA,
Moscow, Russia

Academic Supervisor:
GOGRICHIANI Maya Georgievna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Moscow Financial and Law University MFUA,
Moscow, Russia

SPECIFICS OF STATE AND MUNICIPAL EXTRA-BUDGETARY FUNDS IN MODERN RUSSIA

Annotation. *The article examines approaches to the legal understanding of state and municipal extra-budgetary funds. It is substantiated that state extra-budgetary funds retain their significance as an independent component of public finance. Particular attention is paid to the distinction between operating state funds and municipal financial instruments that perform a supporting function without acquiring the status of an independent extra-budgetary fund. The risks and prospects for the development of state funds and municipal targeted mechanisms in the Russian Federation are analyzed.*

Key words: *state extra-budgetary funds, municipal extra-budgetary funds, Social Fund of Russia, Federal Compulsory Medical Insurance Fund, territorial compulsory medical insurance funds, local budget, initiative payments, public finance, financial and legal status.*

Бюджеты государственных внебюджетных фондов входят в бюджетную систему Российской Федерации. Их обособленность выражается в особом назначении, отдельной процедуре утверждения, целевом расходовании и специальном контроле.

Цель статьи – определить особенности правового положения государственных и муниципальных внебюджетных фондов и обосновать, почему муниципальные целевые механизмы не образуют самостоятельных фондов. Использованы формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы, анализ нормативных актов и доктринальных источников.

Статья 144 Бюджетного кодекса РФ закрепляет закрытую модель государственных внебюджетных фондов. На федеральном уровне к ним относятся:

1) бюджет Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации;

2) бюджет Федерального фонда обязательного медицинского страхования.

На территориальном уровне названы бюджеты территориальных фондов ОМС [1]. Бюджетным кодексом муниципальные внебюджетные фонды не предусмотрены, и это обстоятельство объясняет, что государственный и муниципальный уровни нельзя описывать одинаковыми правовыми категориями.

Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации (далее – СФР, Социальный фонд России) создан Федеральным законом от 14.07.2022 № 236-ФЗ «О Фонде пенсионного и социального страхования Российской Федерации» путем реорганизации Пенсионного фонда Российской Федерации с одновременным присоединением к нему Фонда социального страхования Российской Федерации.

Образование СФР с 1 января 2023 года стало изменением модели публичного социального управления.

Закон № 236-ФЗ определил СФР как государственный внебюджетный фонд, учреждаемый при Правительстве РФ и имеющий организационно-правовую форму государственного учреждения [2]. Тем самым фонд получил единую институциональную оболочку для пенсионного обеспечения, обязательного пенсионного страхования, социального страхования и мер социальной поддержки. Бюджет СФР утверждается отдельным федеральным законом [3].

Федеральный фонд обязательного медицинского страхования (далее – ФФОМС) имеет иную специализацию. Он связан не с пенсионным или социально-страховым блоком, а с финансовым обеспечением гарантий бесплатной медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию (далее – ОМС). Бюджет ФФОМС также утверждается отдельным федеральным законом [4].

Согласно Федеральному закону от 29.11.2010 № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» (далее – Закон № 326-ФЗ), ОМС является видом обязательного социального страхования: при наступлении страхового случая медицинская помощь оказывается за счет средств ОМС [5].

О. С. Забралова рассматривает государственные внебюджетные фонды как специализированные учреждения, образующие капитал денежных средств, и как субъекты финансовых правоотношений. По ее мнению, фонды выступают одновременно страховщиком и участником финансовой деятельности, связанной с аккумулированием, использованием и контролем публичных ресурсов [6, с. 40-55]. Данная позиция позволяет увидеть в фонде носителя публичной компетенции. Правовой статус СФР как единого страховщика и причины его создания анализирует А. А. Малышева, а бюджетно-правовые особенности фондов – О. С. Соболь [7, с. 7-10; 8, с. 96-104].

Территориальные фонды ОМС (далее – ТФОМС) занимают промежуточное место: они не являются муниципальными, хотя и привязаны к региональной системе здравоохранения. Для субъектов РФ ТФОМС обслуживают переданные и закрепленные публичные полномочия в страховой медицинской системе, тогда как на муниципальном уровне решаются вопросы местного значения, и муниципальное образование не выступает страховщиком по обязательному социальному страхованию.

Муниципальные внебюджетные фонды в прежних моделях местного самоуправления упоминались как самостоятельная возможность концентрации целевых средств. Действующая бюджетная конструкция и положения о финансовой основе местного самоуправления в Федеральном законе от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее – Закон № 33-ФЗ) описывают экономическую основу местного самоуправления через местные бюджеты и имущество, доходы и расходы, инициативные проекты и межбюджетные трансферты [9]. Отдельного муниципального внебюджетного фонда в этой архитектуре нет.

Дополнительный фонд на местном уровне потребовал бы самостоятельной отчетности, аппарата управления, контроля и особых правил возврата средств. Для многих муниципальных образований схема стала финансово тяжелой и юридически избыточной.

Практические задачи, которые могли бы связываться с муниципальной фондовой формой, сейчас решаются внутри местного бюджета. Наиболее заметны инициативные проекты, позволяющие жителям предложить конкретное мероприятие, указать ожидаемый результат, расчет расходов и форму участия. Закон № 33-ФЗ связывает инициативные платежи с перечислением средств в местный бюджет и устанавливает

возврат при нереализации проекта либо наличии остатка [9].

Сопоставление действующих финансово-правовых форм в таблице 1 показывает различие по юридическому механизму.

Таблица 1. Публичные целевые механизмы, смежные с институтом внебюджетных фондов

Элемент	Нормативная основа	Финансовая форма	Аналитический вывод
СФР	Федеральные законы № 236-ФЗ и № 427-ФЗ [2; 3]	Бюджет государственного внебюджетного фонда РФ	Фондовая модель федерального социального администрирования
ФФОМС	Федеральные законы № 326-ФЗ и № 428-ФЗ [5; 4]	Бюджет государственного внебюджетного фонда РФ	Страховая медицинская подсистема с межтерриториальным выравниванием
ТФОМС	БК РФ, закон субъекта РФ о бюджете ТФОМС [1]	Бюджет территориального государственного внебюджетного фонда	Региональный, а не муниципальный уровень страхового обеспечения
Инициативные платежи	Федеральный закон № 33-ФЗ, муниципальный правовой акт [9]	Целевое поступление в местный бюджет	Замещают фондовую форму без создания отдельного бюджета фонда
Самообложение граждан	Федеральный закон № 33-ФЗ, решение населения [9]	Муниципальный доход специального назначения	Создает локальный ресурс, но не меняет структуру бюджетной системы

Источник: составлено автором.

Муниципальные инструменты действуют внутри местного бюджета. Поэтому термин «муниципальный внебюджетный фонд» не должен подменять современные механизмы участия населения.

Сравнение государственного и муниципального уровней показывает асимметрию публичных финансов. Федерация и субъекты РФ используют фондовую форму там, где есть массовый страховой риск, постоянные обязательства и крупный поток взносов. Муниципальный уровень работает с локальными задачами благоустройства пространства или дорогами местного значения. Для них достаточно бюджетно-целевого инструмента, если он сопровождается открытой процедурой отбора, исполнения и возврата средств.

Цифровизация добавила к теме новое измерение: М. А. Голубитченко справедливо связывает развитие фондов с дистанционным форматом услуг [10, с. 52-61]. Параллельно возникают риски защиты персональных данных и потребность в устойчивом межведомственном взаимодействии [10, с. 52-61; 11, с. 44-49]. После создания СФР проблема стала острее, поскольку в одном институциональном контуре сосредоточены разные социальные сведения о гражданине.

В связи с изложенным необходимо зафиксировать переход к усложненной модели фондов, где правовое значение получает не только заявление гражданина, но и цифровое событие в информационной системе. Правительство РФ закрепило развитие цифровой инфраструктуры социальной сферы через ГИС «Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере», оператором которой является СФР. Положение о системе предусматривает [12]:

1) автоматизацию назначения мер социальной поддержки и пенсий;

2) персонифицированный учет и ведение единого реестра страхователей;

3) выявление жизненных событий и информирование граждан о положенных мерах;

4) межведомственное взаимодействие и доступ граждан к услугам через Единый портал государственных услуг.

Разграничение фондовой и бюджетно-целевой моделей представим через последовательность правовых признаков на рисунке 1. Государственные фонды обладают полным набором признаков действующего публично-финансового института. Они формируются за счет страховых взносов, трансфертов и иных поступлений, имеют законодательно утвержденный бюджет и расходуют средства на строго определенные цели. Их деятельность подчинена бюджетной отчетности и парламентскому утверждению, казначейскому сопровождению и внешнему финансовому контролю. Соответственно, слово «внебюджетный» здесь указывает на специальную бюджетную обособленность.

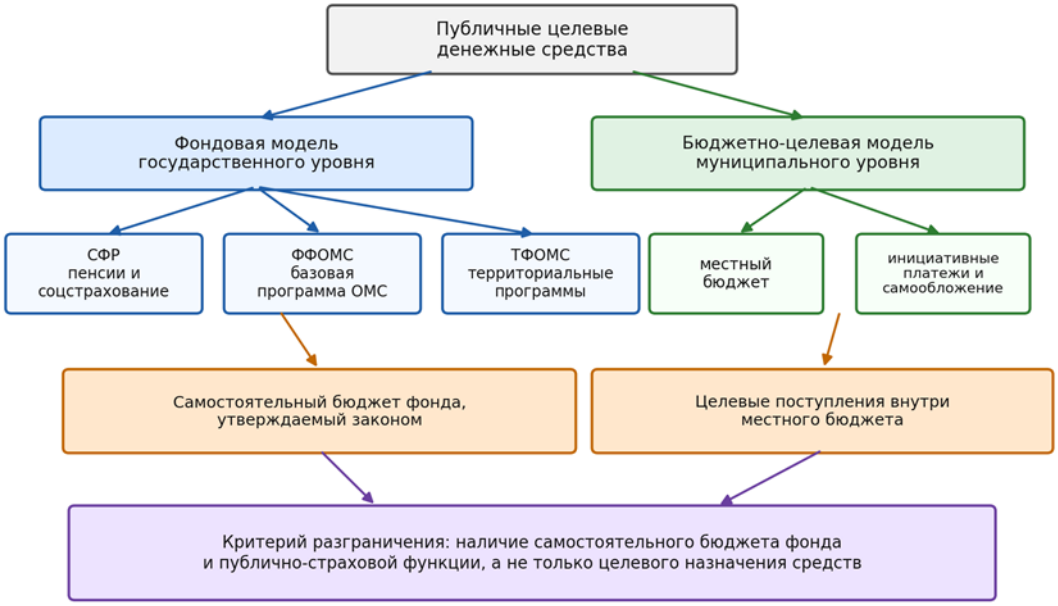

Рисунок 1. Логика дифференциации фондовой и бюджетно-целевой моделей в публичных финансах (составлено автором)

Схема показывает, что внешнее сходство целевого назначения не создает одинакового правового статуса.

На муниципальном уровне отсутствует аналогичная федеральной страховая база, и его финансовая проблема состоит в дефиците устойчивых доходов для локальных задач. Формальное восстановление муниципальных внебюджетных фондов едва ли решит эту проблему. Продуктивнее видится развитие прозрачных целевых поступлений за счет цифровых реестров инициативных проектов и обязательной публичной отчетности о движении средств.

В итоге целесообразно заключить, что дальнейшее развитие регулирования должно идти через усиление прозрачности без механического расширения числа фондов. На федеральном уровне нужна надежная цифровая защита социальных данных и проверяемость решений, принятых на основе межведомственного обмена. Власти на местах важнее открытый учет инициативных платежей, понятная процедура возврата и публичная связь каждого поступления с конкретным результатом. Только при обозначенном разделении терминология не будет расходиться с реальным состоянием российского финансового права.

Список литературы:

[1] Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 26.06.2026) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения: 09.07.2026).

[2] Федеральный закон от 14.07.2022 № 236-ФЗ «О Фонде пенсионного и социального страхования Российской Федерации» (ред. от 25.05.2026) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421786/ (дата обращения: 09.07.2026).

[3] Федеральный закон от 28.11.2025 № 427-ФЗ «О бюджете Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов» // Собрание законодательства РФ, 01.12.2025, № 48 (Часть III), ст. 7238.

[4] Федеральный закон от 28.11.2025 № 428-ФЗ «О бюджете Федерального фонда обязательного медицинского страхования на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru, 28.11.2025. (дата обращения: 09.07.2026).

[5] Федеральный закон от 29.11.2010 № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107289/ (дата обращения: 09.07.2026).

[6] Забралова, О. С. Государственные внебюджетные фонды как субъекты финансовых правоотношений // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 3. С. 40–55.

[7] Малышева, А. А. Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации: причины создания и особенности финансово-правового статуса // Налоги. 2023. № 2. С. 7-10.

[8] Соболь, О. С. Бюджеты государственных внебюджетных фондов: правовое регулирование в современный период // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 7 (119). С. 96-104.

[9] Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного са-

моуправления в единой системе публичной власти» (ред. от 09.04.2026) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501319/ (дата обращения: 09.07.2026).

[10] Голубитченко, М. А. Особенности финансово-правового регулирования деятельности государственных внебюджетных фондов в цифровую эпоху: проблемы и перспективы // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 4. С. 52–61.

[11] Петюкова, О. Н. , Гузов Д. И. Финансово-правовое регулирование обязательного социального страхования в России: вызовы цифровизации и направления совершенствования // Проблемы экономики и юридической практики. 2025. Т. 21. № 5. С. 44–49.

[12] Постановление Правительства РФ от 29.12.2023 № 2386 «О государственной информационной системе “Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере”» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 13.10.2026).

References:

[1] Budget Code of the Russian Federation No. 145-FZ of July 31, 1998 (as amended on June 26, 2026) // ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (accessed: July 9, 2026).

[2] Federal Law No. 236-FZ of July 14, 2022, «On the Pension and Social Insurance Fund of the Russian Federation» (as amended on May 25, 2026) // ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421786/ (accessed: July 9, 2026).

[3] Federal Law No. 427-FZ of November 28, 2025, «On the Budget of the Pension and Social Insurance Fund of the Russian Federation for 2026 and for the Planning Period of 2027 and 2028» // Collected Legislation of the Russian Federation, December 1, 2025, No. 48 (Part III), Art. 7238.

[4] Federal Law No. 428-FZ of November 28, 2025, «On the Budget of the Federal Compulsory Medical Insurance Fund for 2026 and for the Planning Period of 2027 and 2028» // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://publication.pravo.gov.ru, November 28, 2025 (accessed: July 9, 2026).

[5] Federal Law No. 326-FZ of November 29, 2010, «On Compulsory Medical Insurance in the Russian Federation» // ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107289/ (accessed: July 9, 2026).

[6] Zabralova, O. S. State Extra-Budgetary Funds as Subjects of Financial Legal Relations // Actual Problems of Russian Law. 2023. Vol. 18. No. 3. pp. 40–55.

[7] Malysheva, A. A. The Pension and Social Insurance Fund of the Russian Federation: Reasons for Its Creation and Specifics of Its Financial-Legal Status // Taxes. 2023. No. 2. pp. 7–10.

[8] Sobol, O. S. Budgets of State Extra-Budgetary Funds: Legal Regulation in the Contemporary Period // Bulletin of the O. E. Kutafin University (MSAL). 2024. No. 7 (119). pp. 96–104.

[9] Federal Law No. 33-FZ of March 20, 2025, «On General Principles for the Organization of Local Self-Government within a Unified System of Public Authority» (as amended on April 9, 2026) // ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501319/ (accessed: July 9, 2026). [10] Golubitchenko, M. A. Specifics of the Financial and Legal Regulation of State Extra-Budgetary Funds in the Digital Era: Challenges and Prospects // Electronic Supplement to the «Russian Law Journal». 2023. No. 4. pp. 52–61.

[11] Petyukova, O. N., Guzov, D. I. Financial and Legal Regulation of Compulsory Social Insurance in Russia: Challenges of Digitalization and Directions for Improvement // Problems of Economics and Legal Practice. 2025. Vol. 21. No. 5. pp. 44–49.

[12] Decree of the Government of the Russian Federation dated December 29, 2023, No. 2386 «On the State Information System ‘Unified Centralized Digital Platform in the Social Sphere’» // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://publication.pravo.gov.ru (accessed: October 13, 2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.11.2026 г.
DOI: 10.24412/3033-6724-2026-4-14-18

НОСЕНКО Андрей Юрьевич,
аспирант кафедры международного права и теории государства и права,
Приднестровский Государственный Университет им. Т.Г. Шевченко,
г. Тирасполь,
e-mail: smmnosenko@gmail.com

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности реализации и защиты конституционных прав предпринимателей в процессе цифровизации государственного управления. Цель работы состоит в выявлении правовых рисков и недостатков нормативного регулирования, возникающих при использовании цифровых платформ, автоматизированных систем и алгоритмов во взаимодействии государства и бизнеса, а также в определении возможностей конституционно-правовых гарантий, предусмотренных прежде всего ст. 8, 34, 35 и 46 Конституции РФ. Методологическую основу исследования составляют формально-юридический, сравнительно-правовой и системно-структурный методы, анализ судебной практики и стратегического планирования. В качестве эмпирических материалов использованы акты Конституционного Суда РФ, профильное законодательство, включая федеральные законы «Об электронной подписи» и «О персональных данных», документы стратегического характера и примеры правоприменительной практики. В ходе исследования рассмотрены основные риски, с которыми сталкиваются предприниматели при использовании цифровых инструментов, в том числе ошибки алгоритмов, неопределённость правового статуса платформ, недостаточная прозрачность автоматизированных решений и трудности их обжалования. Предложены направления совершенствования правовой защиты, предусматривающие разработку процедур оспаривания алгоритмических решений, уточнение правового положения цифровых платформ и усиление гарантий сохранности персональных данных. Выводы исследования могут использоваться при совершенствовании законодательства, в правоприменительной деятельности и дальнейшей разработке вопросов конституционной экономики и цифрового права.*

Ключевые слова: *конституционно-правовая защита, предприниматели, цифровизация, государственное управление, цифровые платформы, алгоритмические решения, персональные данные, Конституционный Суд РФ, прозрачность правоприменения, баланс публичных и частных интересов.*

NOSENKO Andrei Yuryevich,
Postgraduate Student,
Department of International Law and Theory of State and Law,
Taras Shevchenko Pridnestrovian State University,
Tiraspol

CONSTITUTIONAL AND LEGAL PROTECTION OF ENTREPRENEURS' RIGHTS IN THE CONTEXT OF THE DIGITALIZATION OF PUBLIC ADMINISTRATION

Annotation. *The article examines the specifics of implementing and protecting the constitutional rights of entrepreneurs in the process of digitalizing public administration. The aim of the work is to identify the legal risks and shortcomings of regulatory frameworks that arise when using digital platforms, automated systems, and algorithms in the interaction between the state and business, as well as to determine the possibilities of constitutional and legal guarantees, primarily provided for in Articles 8, 34, 35, and 46 of the Constitution of the Russian Federation. The methodological basis of the study consists of formal-legal, comparative-legal, and system-structural methods, as well as the analysis of judicial practice and strategic planning. The empirical materials used include acts of the Constitutional Court of the Russian Federation, relevant legislation, including the federal laws "On Electronic Signature" and "On Personal Data," strategic documents, and examples of law enforcement practice. The study examines the main risks that entrepreneurs face when using digital tools, including algorithmic errors, the uncertainty of the legal status of platforms,*

insufficient transparency of automated decisions, and difficulties in appealing them. Directions for improving legal protection are proposed, including the development of procedures for challenging algorithmic decisions, clarification of the legal status of digital platforms, and strengthening guarantees for the protection of personal data. The findings of the study can be used to improve legislation, in law enforcement activities, and in the further development of issues related to constitutional economics and digital law.

Key words: *constitutional and legal protection, entrepreneurs, digitalization, public administration, digital platforms, algorithmic solutions, personal data, Constitutional Court of the Russian Federation, transparency of law enforcement, balance of public and private interests.*

Введение. Цифровизация государственного управления стала одним из устойчивых направлений преобразования публичного сектора и существенно повлияла на сложившиеся формы взаимодействия органов власти с предпринимателями [5, с. 43]. Использование электронных сервисов, цифровых платформ и автоматизированных систем направлено на повышение эффективности государственного управления, сокращение административных барьеров и обеспечение открытости процедур. Вместе с тем внедрение новых технологий сопровождается появлением правовых рисков, связанных с ошибками алгоритмов, непрозрачностью принимаемых решений, защитой персональных данных и неопределённостью правового положения цифровых посредников [8, с. 34].

Для предпринимателей происходящие изменения имеют непосредственное практическое значение. Получение государственных услуг, участие в закупках, прохождение проверок, оформление лицензий и обращение за субсидиями всё чаще осуществляются посредством электронных сервисов. При этом использование цифровых способов взаимодействия не должно приводить к снижению уровня правовых гарантий. Закреплённая в ст. 34 Конституции РФ свобода предпринимательской деятельности, предусмотренное ст. 35 право собственности, установленное ст. 46 право на судебную защиту и закреплённый ст. 8 принцип единства экономического пространства сохраняют своё значение независимо от формы взаимодействия с государством — традиционной или электронной [7].

Цель статьи заключается в изучении особенностей функционирования конституционно-правового механизма защиты прав предпринимателей в цифровой среде, определении возникающих на практике проблем и поиске путей повышения эффективности правовой защиты. Для достижения поставленной цели необходимо рассмотреть содержание конституционных гарантий применительно к цифровым инструментам, установить основные правовые риски для предпринимательской деятельности, проанализировать значение правовых позиций Конституционного Суда РФ и определить возможные направления совершенствования законодательства.

Научная новизна работы связана с комплексным исследованием конституционно-правовой защиты предпринимателей в условиях цифровой трансформации государственного управления. Основное внимание уделяется вопросам использования алгоритмов при принятии управленческих решений, определению правового статуса цифровых платформ и обеспечению равновесия между открытостью государственных данных и необходимостью сохранения конфиденциальности информации.

Литературный обзор. Защита прав предпринимателей в условиях цифровизации представляет собой одно из направлений современных юридических исследований. В научных публикациях подчёркивается, что применение цифровых технологий не отменяет действия конституционных гарантий, однако требует учитывать изменения в способах взаимодействия бизнеса и государства и уточнять подходы к практической реализации соответствующих прав [1; 9].

В конституционно-правовой литературе значительное внимание уделяется соотношению частных и публичных интересов. Свобода предпринимательской деятельности и возможность получения необходимой информации должны обеспечиваться с учётом требований безопасности, осуществления государственного контроля и соблюдения правил обращения с данными [6, с.21]. Одновременно автоматизация управленческих процессов может затруднять установление причин принятия конкретного решения. В таких случаях возникает так называемый «эффект чёрного ящика», при котором предприниматель испытывает на себе последствия алгоритмической обработки информации, но не располагает достаточными сведениями о логике работы системы и критериях, повлиявших на результат. Подобные обстоятельства способны осложнять обжалование решения и восстановление нарушенных прав [8, с. 35].

Отдельное место в научных исследованиях занимает вопрос о правовом положении цифровых платформ и экосистем, используемых для взаимодействия предпринимателей с государственными органами. В литературе обращается внимание на недостаточную определённость правового режима таких платформ, а также на сложности, связанные с распределением ответственности за технические сбои, ошибки обработки информации и последствия использования цифровых сервисов. Отсутствие ясных правил в этой области может затруднять установление ответственных лиц и применение предусмотренных законом способов защиты [7].

Существенное значение для обеспечения конституционных прав имеют правовые позиции

Конституционного Суда РФ. В постановлениях и определениях Суда отражены принципы, которые сохраняют актуальность и при использовании цифровых технологий. К ним относятся соразмерность ограничений, недопустимость умаления существа конституционных прав и необходимость наличия эффективных средств правовой защиты [4]. Указанные положения позволяют исходить из того, что переход к алгоритмизированному управлению не освобождает государственные органы от обязанности соблюдать конституционные требования.

Таким образом, анализ научных подходов свидетельствует о необходимости комплексного рассмотрения возможностей конституционного законодательства и судебной практики в сфере защиты предпринимателей при переходе к цифровым формам взаимодействия с государством. Особого внимания требует вопрос о практическом обеспечении конституционных гарантий в ситуациях, когда решения принимаются с использованием автоматизированных систем.

Материалы и методы. Материальную основу исследования составили положения Конституции Российской Федерации, в частности ст. 8, 34, 35, 46 и 55 [1], Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [2] и Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» [3]. Кроме того, были рассмотрены акты Конституционного Суда РФ, затрагивающие вопросы соразмерности ограничений и обеспечения судебной защиты, документы стратегического планирования в сфере цифровой трансформации, а также научные публикации и аналитические материалы, посвящённые проблемам цифрового права и защите прав предпринимателей.

При проведении исследования применялся формально-юридический метод, позволивший изучить содержание правовых норм и определить возможные недостатки действующего регулирования. Сравнительно-правовой метод использовался для сопоставления подходов к защите прав в различных правовых режимах. Благодаря системно-структурному методу конституционно-правовой механизм рассматривался как совокупность взаимосвязанных элементов, включающих нормативные гарантии, деятельность государственных органов и способы восстановления нарушенных прав. Анализ судебной практики был направлен на выявление основных тенденций и изучение правовых позиций Конституционного Суда РФ. Обобщение и синтез полученных материалов позволили систематизировать результаты исследования и сформулировать выводы относительно совершенствования правовой защиты предпринимателей.

Результаты. Проведённое исследование выявило ряд проблем, влияющих на реализацию и защиту конституционных прав предпринимателей при цифровизации государственного управления. Одной из них является недостаточная определённость правового статуса цифровых платформ, посредством которых осуществляется взаимодействие бизнеса с государственными органами. Речь идёт, в частности, о государственных реестрах, порталах государственных услуг и системах электронных закупок. При возникновении технических сбоев или ошибок обработки информации не всегда удаётся однозначно установить, кто должен нести ответственность за наступившие последствия. В результате отказ в предоставлении услуги или включение сведений о предпринимателе в «чёрный список» может оказаться следствием технической неисправности, а не фактического нарушения требований законодательства [5, с. 44].

Другой существенной проблемой выступает использование алгоритмических решений в государственном управлении. Автоматизированные системы могут применяться при обработке сведений о предпринимателях, решении вопросов о блокировке счетов, включении информации в реестр недобросовестных поставщиков и определении оснований для проведения проверок. При этом предприниматель не всегда имеет возможность выяснить, какие именно данные и критерии повлияли на принятое решение. Недостаточная доступность такой информации затрудняет проверку обоснованности выводов автоматизированной системы и представление доказательств добросовестного поведения. Кроме того, действующие механизмы обжалования не во всех случаях учитывают особенности решений, сформированных с использованием алгоритмов [8, с. 36].

Отдельного рассмотрения требует соотношение открытости государственных данных и необходимости обеспечения конфиденциальности. Доступ к государственным информационным ресурсам позволяет предпринимателям получать сведения, необходимые для оценки деловой среды и принятия хозяйственных решений. Однако расширение обработки информации, включая персональные и коммерческие данные, одновременно увеличивает риск утечек и неправомерного использования сведений. В этой связи возникает необходимость учитывать специфику цифровых государственных платформ при применении законодательства о персональных данных и обеспечении безопасности информационных систем [6, с. 23].

Исследование также показало, что развитие цифрового управления требует совершенствования процедур судебной и внесудебной защиты. Правовые позиции Конституционного Суда РФ исходят из необходимости соблюдения требований соразмерности и необходимости ограничений, а также недопустимости умаления существа конституционных прав [4]. Вместе с тем применение этих критериев в цифровой среде предполагает учёт особенностей автоматизированного принятия решений, включая возможность проверить основания решения и добиться его пересмотра. Поэтому существующие процедуры защиты, в том числе механизмы досудебного обжалования, нуждаются

в дополнительной адаптации к новым условиям.

На эффективность правовой защиты влияет и уровень цифровой грамотности предпринимателей. Использование электронных сервисов требует не только технических навыков, но и понимания правовых последствий действий, совершаемых в цифровой среде. Если предприниматель не обладает достаточными знаниями для работы с соответствующими инструментами, это может создавать дополнительные препятствия при обращении в государственные органы, затруднять соблюдение установленных процедур и снижать вероятность своевременного восстановления нарушенных прав.

Обсуждение. Выявленные обстоятельства подтверждают, что конституционно-правовой механизм защиты предпринимателей должен развиваться с учётом особенностей цифрового государственного управления. При этом внедрение технологических решений не меняет содержания основных конституционных принципов. Любое ограничение прав должно иметь законное основание, преследовать конституционно значимую цель и соответствовать требованиям соразмерности [4]. Данные условия должны соблюдаться и в тех случаях, когда государственный орган использует автоматизированную систему для подготовки или принятия решения.

Важное значение в обеспечении указанных требований имеют правовые позиции Конституционного Суда РФ. Они позволяют определить пределы допустимого вмешательства в права предпринимателей и служат ориентиром для судов и органов власти при применении законодательства в условиях технологических изменений. В частности, принцип соразмерности может использоваться для оценки обоснованности автоматизированных решений, последствия которых существенно ограничивают свободу предпринимательской деятельности или затрагивают имущественные интересы хозяйствующего субъекта.

Совершенствование правовой защиты предполагает прежде всего более чёткое определение статуса цифровых платформ, используемых для взаимодействия бизнеса с государством. Законодательное регулирование должно устанавливать распределение ответственности за ошибки и технические сбои, а также предусматривать понятный порядок оспаривания решений, принятых с использованием таких платформ. Не менее важным представляется создание специальных процедур обжалования алгоритмических решений. Предпринимателю необходимо предоставить возможность получить информацию об основаниях принятого решения, выяснить, какие обстоятельства повлияли на результат обработки данных, и потребовать проверки решения уполномоченным лицом [10, с.57].

Дополнительного внимания требует обеспечение сохранности персональных и коммерческих данных, обрабатываемых государственными информационными системами. Повышение уровня защиты должно сопровождаться развитием механизмов предупреждения утечек, выявления неправомерного доступа и установления ответственности за нарушения правил обращения с информацией. Одновременно целесообразно совершенствовать процедуры досудебного урегулирования споров и деятельность уполномоченных по защите прав предпринимателей, учитывая риски, связанные с использованием цифровых технологий. Важным направлением остаётся повышение цифровой и правовой грамотности представителей бизнеса, поскольку понимание принципов работы электронных сервисов и правовых последствий совершаемых действий способствует более эффективному использованию предусмотренных законом способов защиты.

Последовательная реализация указанных направлений позволит согласовать технологическое развитие государственного управления с требованиями конституционной законности. При этом эффективность цифровых инструментов должна оцениваться не только с точки зрения скорости обработки информации и сокращения административных издержек, но и с учётом возможности предпринимателей понимать основания принимаемых решений, оспаривать их и добиваться восстановления нарушенных прав.

Заключение. Цифровизация государственного управления меняет условия реализации конституционных прав предпринимателей, однако не устраняет обязанность государства обеспечивать их защиту. Использование цифровых платформ и алгоритмических систем требует совершенствования действующих правовых механизмов с учётом особенностей автоматизированного принятия решений, правового положения цифровых посредников и необходимости соблюдения требований прозрачности и конфиденциальности информации.

Важная роль в данном процессе принадлежит Конституционному Суду РФ, правовые позиции которого позволяют определить общие критерии допустимого ограничения прав и обеспечить применение принципов соразмерности, недопустимости умаления существа конституционного права и эффективности правовой защиты в условиях цифровизации. Вместе с тем реализация этих принципов предполагает дальнейшее развитие законодательства и правоприменительной практики. Особого внимания требуют установление специальных процедур оспаривания алгоритмических решений, уточнение правового статуса цифровых платформ и повышение эффективности механизмов защиты предпринимателей.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с анализом конкретных инструментов цифрового государственного управления, включая государственные реестры, электронные закупки и автоматизированные системы назначения проверок. Изучение практики применения таких

инструментов позволит точнее определить существующие пробелы регулирования и выработать правовые решения, обеспечивающие необходимый баланс между эффективностью государственного управления и защитой конституционных прав предпринимателей.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 31. — Ст. 4398.

[2] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (ч. 1). — Ст. 3451.

[3] Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 15. — Ст. 2036.

[4] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18.05.2015 № 10-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 21.1 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Отделсервис» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. — URL: ksrf.ruhttps://ksrf.ru (дата обращения: 10.10.2026).

[5] Аникин, С. В. Правовые риски цифровизации государственных услуг для субъектов предпринимательской деятельности / С. В. Аникин // Право и экономика. — 2023. — № 5. — С. 42–48.

[6] Васильева, Е. Н. Защита персональных данных в условиях цифровой трансформации государственного управления / Е. Н. Васильева // Информационное право. — 2022. — № 3. — С. 19–25.

[7] Государственная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: утв. распоряжением Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: pravo.gov.ruhttp://pravo.gov.ru (дата обращения: 11.10.2026).

[8] Иванов, Д. К. Алгоритмические решения в государственном управлении: правовые проблемы и пути их преодоления / Д. К. Иванов // Вестник административного права. — 2024. — № 2. — С. 33–40.

[9] Концепция цифровой трансформации государственного управления: аналитический доклад / Институт государственного и муниципального управления. — М., 2023.

[10] Шаповалов, А. М. Цифровые платформы как новый субъект публичного управления: проблемы правового статуса / А. М. Шаповалов // Государство и право. — 2023. — № 8. — С. 56–63.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by nationwide vote on December 12, 1993 (with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2014. — No. 31. — Art. 4398.

[2] Federal Law No. 152-FZ of July 27, 2006, «On Personal Data» // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2006. — No. 31 (Part 1). — Art. 3451.

[3] Federal Law No. 63-FZ of April 6, 2011, «On Electronic Signatures» // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2011. — No. 15. — Art. 2036.

[4] Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 10-P of May 18, 2015, «In the case concerning the review of the constitutionality of Clause 2 of Article 21.1 of the Federal Law 'On State Registration of Legal Entities and Individual Entrepreneurs,' in connection with a complaint filed by the limited liability company 'Otdelservis'» // Official website of the Constitutional Court of the Russian Federation. — URL: https://ksrf.ru (accessed: October 10, 2026).

[5] Anikin, S. V. Legal Risks of the Digitalization of Public Services for Business Entities / S. V. Anikin // Law and Economics. — 2023. — No. 5. — pp. 42–48.

[6] Vasilyeva, E. N. Protection of Personal Data in the Context of the Digital Transformation of Public Administration / E. N. Vasilyeva // Information Law. — 2022. — No. 3. — pp. 19–25.

[7] State Program «Digital Economy of the Russian Federation»: approved by the Order of the Government of the Russian Federation dated July 28, 2017, No. 1632-r // Official Internet Portal of Legal Information. — URL: pravo.gov.ru (accessed: October 11, 2026).

[8] Ivanov, D. K. Algorithmic Solutions in Public Administration: Legal Challenges and Ways to Overcome Them / D. K. Ivanov // Bulletin of Administrative Law. — 2024. — No. 2. — pp. 33–40.

[9] Concept for the Digital Transformation of Public Administration: Analytical Report / Institute for Public and Municipal Administration. — Moscow, 2023.

[10] Shapovalov, A. M. Digital Platforms as a New Subject of Public Administration: Issues of Legal Status / A. M. Shapovalov // State and Law. — 2023. — No. 8. — pp. 56–63.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.11.2026 г.
DOI: 10.24412/3033-6724-2026-4-19-23

КОБЗЕВА Е.И.,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры «Теория права, гражданское право
и гражданский процесс» РУТ МИИТ,
e-mail: mail@law-books.ru

ПАНИНА С.А.,
старший преподаватель
кафедры «Теория права, гражданское право
и гражданский процесс» РУТ МИИТ,
e-mail: mail@law-books.ru

ДИСБАЛАНС В СИСТЕМЕ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ И СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ КОНТЕКСТ

Аннотация. *В статье исследуется проблема дисбаланса в современной системе источников права, выражающаяся в гипертрофии нормативного правового акта (НПА) и маргинализации иных форм права (судебного прецедента, обычного права, мягкого права). На основе трудов отечественных ученых Белоусова и Репьева анализируются внутренние противоречия российской правовой системы, связанные с инфляцией законодательства и дефектами юридической техники. В сравнительно-правовом аспекте привлекаются концепции зарубежных исследователей (Г. Кельзена, Дж. Гриффитса, Р. ван Канегема), что позволяет выявить универсальные тенденции трансформации источников права в условиях глобализации и плюрализма права.*

Ключевые слова: *система источников права, нормативный правовой акт, судебный прецедент, правовой плюрализм, инфляция законодательства, юридическая техника, мягкое право, сравнительное правоведение.*

KOBZEVA E.I.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Theory of Law, Civil Law,
and Civil Procedure, RUT (MIIT)

PANINA S.A.,
Senior Lecturer
at the Department of Theory of Law, Civil Law,
and Civil Procedure, RUT (MIIT)

IMBALANCE IN THE SYSTEM OF SOURCES OF LAW: A THEORETICAL-LEGAL ANALYSIS AND COMPARATIVE LEGAL CONTEXT

Annotation. *This article examines the issue of imbalance within the modern system of sources of law, manifested as the hypertrophy of the normative legal act (statute/regulation) and the marginalization of other forms of law (judicial precedent, customary law, and «soft law»). Drawing on the work of Russian scholars Belousov and Repyev, the authors analyze internal contradictions within the Russian legal system, specifically those related to legislative inflation and defects in legal technique. From a comparative legal perspective, the article incorporates concepts from foreign scholars (H. Kelsen, J. Griffiths, R. van Caenegem) to identify universal trends in the transformation of sources of law amidst globalization and legal pluralism.*

Key words: *system of sources of law, normative legal act, judicial precedent, legal pluralism, legislative inflation, legal technique, soft law, comparative legal studies.*

Современная правовая система находится в состоянии постоянной трансформации, вызванной изменениями в социальной, экономической и политической сферах. Одним из наиболее острых вопросов теории и практики права является проблема дисбаланса в системе источников права. Под дисбалансом понимается нарушение пропорциональности, соразмерности

и гармонии между различными формами права, а также внутри иерархии нормативных правовых актов.

Традиционная отечественная доктрина, опираясь на романо-германскую правовую традицию, исторически отводит доминирующую роль нормативному правовому акту. Однако современные реалии демонстрируют, что такая модель перестает адекватно отражать сложность и многообразие общественных отношений. Дисбаланс проявляется в том, что формально признанные источники утрачивают регулятивный потенциал, в то время как неформальные или маргинализированные источники (судебная практика, обычаи, акты мягкого права) фактически берут на себя функцию правового регулирования.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью теоретического осмысления природы дисбаланса источников права и разработки практических рекомендаций по его преодолению.

Дисбаланс в системе источников права — это многомерное явление, которое можно рассматривать на различных уровнях правовой системы. В теории права выделяют несколько видов дисбаланса:

Внешний (межвидовой) дисбаланс проявляется в непропорциональном развитии различных форм права. Доминирование нормативного правового акта сопровождается маргинализацией иных источников: судебного прецедента, правового обычая, доктринальных источников, договоров. В результате система источников права становится одномерной, неспособной адекватно реагировать на многообразие общественных отношений.

Внутренний (внутрииерархический) дисбаланс выражается в нарушении субординации между законами и подзаконными актами. Акты нижестоящих уровней (ведомственные акты, акты регионального нормотворчества) фактически подменяют собой законы, детализируя их до такой степени, что размываются границы между правотворческой и правоприменительной компетенцией.

Функциональный дисбаланс заключается в разрыве между «правом в книгах» (формальными источниками) и «правом в действии» (реальными регуляторами общественных отношений). Формально признанные источники оказываются неэффективными, в то время как неформальные практики фактически регулируют социальные отношения.

Временной дисбаланс связан с неравномерностью обновления различных источников права. Некоторые нормы устаревают, но продолжают формально действовать, в то время как новые общественные отношения остаются нерегулированными.

Отечественный ученый А.Г. Репьев, являясь признанным специалистом в области юридической техники и систематизации законодательства, рассматривает проблему дисбаланса источников права преимущественно через призму дефектов нормотворчества и нарушения правил юридической техники. По Репьеву, система источников права не является просто механическим набором документов; это сложная, логически выверенная конструкция, где каждый элемент должен занимать строго определенное место и выполнять специфическую функцию.

А.Г. Репьев обращает внимание на то, что дисбаланс в системе источников часто порождается не столько объективными социальными факторами, сколько субъективными ошибками законодателя, связанными с низким уровнем юридической техники. К числу таких дефектов, ведущих к дисбалансу, ученый относит:

- Дублирование и конкуренция норм: Когда одни и те же отношения регулируются одновременно законом и подзаконным актом, причем нормы не дополняют, а дублируют или, что хуже, противоречат друг другу. Это разрушает иерархический баланс, превращая подзаконный акт в квази-закон.
- Чрезмерная детализация и казуистичность: Стремление законодателя урегулировать мельчайшие детали в тексте закона приводит к тому, что закон теряет свой абстрактно-императивный характер, сближаясь по форме с индивидуальным правоприменительным актом. Это искажает саму природу закона как источника права.
- Отсутствие системных связей (инкорпоративные и кодификационные дефекты): Репьев подчеркивает, что новый нормативный акт часто принимается без должного учета уже существующего массива. Возникают «правовые швы» — коллизии между новыми и старыми нормами. В результате система источников права превращается в хаотичный массив, где формальный приоритет закона нивелируется его внутренней противоречивостью.

Таким образом, по А.Г. Репьеву, дисбаланс источников права — это во многом следствие кризиса юридической техники. Формальное признание того или иного акта источником права не гарантирует его интеграции в единую систему. Если акт создан с нарушением правил системности, он выпадает из общего контекста, создавая «мертвые зоны» или, наоборот, зоны гиперрегулирования, что и составляет суть функционального дисбаланса. Репьев делает важный вывод: для восстановления баланса необходимо не просто сокращать количество принимаемых актов (борьба с инфляцией права), а повышать качество их внутренней структуры, обеспечивая строгое соответствие формы акта его правовой природе.

Дополняет и расширяет картину дисбаланса подход С.А. Белоусова, который исследует проблему через категорию системности правового регулирования и иерархии норм. Белоусов акцентирует внимание на количественно-качественном

дисбалансе, который он характеризует термином «инфляция законодательства».

По мнению С.А. Белоусова, дисбаланс в системе источников права в современной России носит структурный характер и выражается в смещении акцентов с ядра правовой системы (федеральных законов, кодифицированных актов) на ее периферию (подзаконные акты, акты ведомственного и регионального нормотворчества). Ученый отмечает, что парламентская практика часто ограничивается принятием рамочных законов, которые отсылают к подзаконным актам для урегулирования ключевых вопросов. В результате фактический объем и регулятивная значимость подзаконных актов многократно превышают объем законов.

Белоусов выделяет несколько аспектов этого дисбаланса:

1. Утрата законом статуса основного регулятора: Закон все чаще выполняет не регулятивную, а легитимирующую функцию, открывая дорогу для детального регулирования на уровне правительства или министерств.

2. Коллизионность регионального и федерального массивов: Дисбаланс усугубляется наличием огромного пласта региональных законов, которые зачастую вступают в противоречие с федеральными, но продолжают применяться в силу инерции правоприменительной практики.

3. Размывание границ между правотворчеством и правоприменением: Белоусов указывает, что акты официального толкования (разъяснения высших судов, письма министерств) фактически создают новые нормы, но формально не признаются источниками права. Это порождает скрытый дисбаланс: граждане и юристы вынуждены руководствоваться актами, которые теоретически не обладают нормативной силой.

Синтезируя подходы А.Г. Репьева и С.А. Белоусова, можно констатировать, что отечественная доктрина видит корень дисбаланса в нарушении системности: Репьев указывает на внутренние дефекты формы и структуры актов (юридическая техника), а Белоусов — на нарушение внешних пропорций и иерархии между различными видами актов (инфляция и подмена уровней регулирования).

Зарубежная юридическая наука предлагает иной концептуальный аппарат для осмысления дисбаланса, выходящий за рамки позитивистского понимания источника права. Если отечественная доктрина фокусируется на «починке» системы НПА, то зарубежные авторы ставят под сомнение саму парадигму государственного монополизма в праве.

Классическая теория иерархии источников права была сформулирована Гансом Кельзеном в его «Чистой теории права». Кельзен рассматривал право как ступенчатую структуру, где каждая нижестоящая норма черпает свою силу из вышестоящей, вплоть до «основной нормы». Дисбаланс, по Кельзену, возникает в момент дерогации — когда акт, не соответствующий высшей норме, продолжает действовать. Однако современные зарубежные исследователи (например, Н. Боббио) указывают, что в условиях современного «государства всеобщего благосостояния» и постиндустриального общества кельзеновская жесткая иерархия трансформируется. Появляется множество актов «гибкого регулирования», которые не вписываются в классическую пирамиду. Дисбаланс здесь заключается в том, что классическая теория источников права просто не способна описать реальную архитектуру современного права.

Фундаментальный удар по идее сбалансированной государственной системы источников наносит концепция правового плюрализма, ярко представленная в работах Джона Гриффитса и Брайана Таманахи. Гриффитс критикует «юридический централизм» — идеологию, при которой право тождественно государственному праву. С точки зрения правового плюрализма, дисбаланс, который так тревожит позитивистов (игнорирование обычаев, корпоративных норм, религиозных предписаний), является не болезнью системы, а ее естественным состоянием. Гриффитс показывает, что реальное регулирование социальных отношений осуществляется множеством пересекающихся нормативных порядков. Государственный закон (статут) — лишь один из них, и его доминирование часто является искусственным, навязанным силой принуждения. Таким образом, зарубежная доктрина предлагает не «восстанавливать баланс» путем интеграции негосударственных норм в государственную иерархию, а признать полицентричность права как данность.

В условиях глобализации классический дисбаланс источников усугубляется появлением транснационального «мягкого права». Исследователи Гюнтер Тебнер и Фрэнсис Снайдер обращают внимание на то, что в глобальной экономике колоссальную регулятивную силу имеют стандарты ISO, принципы UNIDROIT, правила Incoterms, директивы и рекомендации международных организаций. Эти акты не имеют формальной государственной санкции, они не являются «правом» в классическом позитивистском смысле (по Остину или Кельзену), но они фактически обязательны для субъектов рынка. Возникает колоссальный дисбаланс между национальным статутным правом (которое формально признается источником) и транснациональным мягким правом (которое фактически регулирует отношения, но игнорируется официальной доктриной). Отечественная система, опирающаяся на догмы XIX-XX веков, оказывается неспособной адекватно интегрировать эти источники, что ведет к отрыву теории от практики.

Особый интерес представляет сравнительно-правовой анализ соотношения закона и судебного прецедента. Рене ван Канегем в своих

исследованиях по истории европейских правовых систем, а также Джон Генри Мерримен подчеркивают, что искусственное разделение романо-германской и англосаксонской систем создает иллюзию дисбаланса. В странах континентального права (включая Россию) суды де-юре не являются источниками права. Однако *де-факто* именно судебные акты (постановления Пленумов Верховного Суда, обзоры практики, прецеденты ЕСПЧ в прошлом, а ныне — акты Конституционного Суда) выполняют правотворческую и правокорректирующую функции. Возникает парадокс, описанный зарубежными компаративистами: система испытывает дисбаланс из-за отрицания прецедентной природы судебных актов. Это порождает правовую неопределенность, поскольку юристы вынуждены ориентироваться на негласные, но обязательные к применению судебные толкования, которые формально не входят в систему источников права.

Одним из наиболее очевидных проявлений дисбаланса является количественный перевес одних источников над другими. В современной России ежегодно принимается тысячи федеральных законов, десятки тысяч подзаконных актов, сотни тысяч региональных и муниципальных нормативных актов. При этом судебная практика, обычаи и иные источники остаются на периферии официального правового регулирования.

Такой количественный перевес ведет к «инфляции права» — ситуации, когда увеличение количества норм не сопровождается повышением их качества и эффективности. Напротив, избыточное регулирование снижает предсказуемость права и увеличивает транзакционные издержки.

Качественный дисбаланс проявляется в том, что формально признанные источники права часто оказываются неэффективными регуляторами. Законы принимаются, но не работают; подзаконные акты детализируют, но противоречат друг другу; региональные нормы существуют, но игнорируются.

В то же время неформальные источники (судебная практика, деловые обыкновения, корпоративные стандарты) фактически регулируют общественные отношения, но не признаются официальной доктриной. Это создает разрыв между формальной системой источников и реальной практикой правового регулирования.

Функциональный дисбаланс выражается в том, что различные источники права выполняют не свойственные им функции. Законы, которые должны устанавливать общие правила поведения, превращаются в детальные инструкции. Подзаконные акты, которые должны детализировать законы, фактически создают новые нормы. Судебные акты, которые должны применять право, фактически его создают.

Такая подмена функций ведет к размыванию границ между различными уровнями правового регулирования и снижает общую системность права.

Временной дисбаланс связан с тем, что право не успевает за изменениями в обществе. Новые технологии, экономические отношения, социальные практики возникают быстрее, чем принимаются соответствующие нормативные акты. В результате формальные источники права оказываются устаревшими, а реальные регуляторы (обычаи, деловые практики, стандарты) не признаются официально.

Особенно остро этот дисбаланс проявляется в сфере цифровых технологий, где право постоянно отстает от технологических инноваций.

Дисбаланс в системе источников права носит системный, многомерный и универсальный характер. Как показывают исследования А.Г. Репьева и С.А. Белоусова, в отечественной юриспруденции этот дисбаланс выражается в инфляции нормативных актов, дефектах юридической техники и подмене законов подзаконными актами, что ведет к утрате системности и отрыву закона от социальной реальности.

Зарубежные авторы демонстрируют, что эта проблема не ограничивается рамками национального правотворчества. Кризис кельзеновской иерархии, феномен правового плюрализма (Дж. Гриффитс) и глобальное распространение «мягкого права» (Г. Тебнер) свидетельствуют о том, что классическая модель с доминированием писаного статутного права исчерпала себя.

Преодоление дисбаланса требует отказа от жесткого статутного доминирования и юридической слепоты по отношению к негосударственным нормативным порядкам. Современная система источников права должна эволюционировать в сторону признания судебного прецедента, интеграции обычая и деловых обыкновений, а также выработки четких критериев юридической силы транснациональных актов.

Только полицентричная, гибкая и технически безупречная система источников способна обеспечить необходимый баланс между стабильностью закона и динамикой современных общественных отношений. Это требует не только совершенствования юридической техники и законодательного процесса, но и фундаментального переосмысления самой концепции источников права в условиях постиндустриального общества и глобализации.

Список литературы:

[1] Белоусов С.А. Инфляция законодательства и кризис правовой определенности: теоретико-правовой анализ // Государство и право. 2022. № 9. С. 55-67.

[2] Белоусов С.А. Системность нормативного правового регулирования: проблемы иерархии и коллизии источников права // Журнал российского права. 2021. № 4. С. 15-28.

[3] Гриффитс Дж. Что такое правовой плюрализм? // Пер. с англ. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2019. 48

с.

[4] Кельзен Г. Чистая теория права // Пер. с нем. М.: Юнити-Дана, 2020. 512 с.

[5] Лукова В.А. Система источников права: теоретико-правовое исследование. М.: Юрлитинформ, 2019. 384 с.

[6] Марченко М.Н. Источники права: учебное пособие. М.: Проспект, 2020. 752 с.

[7] Репьев А.Г. Дефекты юридической техники и пути их преодоления в законотворческом процессе // Законодательство. 2018. № 11. С. 3-11.

[8] Репьев А.Г. Систематизация законодательства как фактор обеспечения единства правового пространства // Журнал российского права. 2015. № 3. С. 14-22.

[9] Репьев А.Г. Юридическая техника: учебное пособие. М.: Волтерс Клувер, 2008. 416 с.

[10] Таманаха Б.З. Реалистическая теория правового плюрализма // Пер. с англ. М.: Норма, 2021. 320 с.

[11] Bobbio N. Teoria dell'ordinamento giuridico. Torino: Giappichelli, 1960. 210 p.

[12] Merryman J.H., Pérez-Perdomo R. The Civil Law Tradition: An Introduction to the Legal Systems of Europe and Latin America. Stanford University Press, 2019. 173 p.

[13] Snyder F. Soft Law and Institutional Practice in the European Community // The Construction of Europe. Springer, 1994. P. 197-225.

[14] Teubner G. Global Law without a State. Dartmouth Publishing / Ashgate, 1997. 305 p.

[15] Van Caenegem R.C. Judges, Legislators and Professors: Chapters in European Legal History. Cambridge University Press, 1987. 205 p.

References:

[1] Belousov S.A. Inflation of Legislation and the Crisis of Legal Certainty: A Theoretical and Legal Analysis // State and Law. 2022. No. 9. pp. 55–67.

[2] Belousov S.A. The Systematic Nature of Normative Legal Regulation: Issues of Hierarchy and Conflict Among Sources of Law // Journal of Russian Law. 2021. No. 4. pp. 15–28.

[3] Griffiths J. What Is Legal Pluralism? // Translated from English. Moscow: HSE Publishing House, 2019. 48 p.

[4] Kelsen H. Pure Theory of Law // Translated from German. Moscow: Unity-Dana, 2020. 512 p.

[5] Lukova V.A. The System of Sources of Law: A Theoretical and Legal Study. Moscow: Yurlitinform, 2019. 384 p.

[6] Marchenko M.N. Sources of Law: A Textbook. Moscow: Prospekt, 2020. 752 p.

[7] Repyev A.G. Defects in Legal Technique and Ways to Overcome Them in the Law-Making Process // Legislation. 2018. No. 11. pp. 3–11.

[8] Repyev A.G. Systematization of Legislation as a Factor in Ensuring the Unity of the Legal Space // Journal of Russian Law. 2015. No. 3. pp. 14–22.

[9] Repyev A.G. Legal Technique: A Textbook. Moscow: Wolters Kluwer, 2008. 416 p.

[10] Tamanaha B.Z. Realistic theory of legal pluralism // Trans. from English M.: Norma, 2021. 320 p.

[11] Bobbio N. Teoria dell'ordinamento giuridico. Torino: Giappichelli, 1960. 210 p.

[12] Merryman J.H., Pérez-Perdomo R. The Civil Law Tradition: An Introduction to the Legal Systems of Europe and Latin America. Stanford University Press, 2019. 173 p.

[13] Snyder F. Soft Law and Institutional Practice in the European Community // The Construction of Europe. Springer, 1994, pp. 197-225.

[14] Teubner G. Global Law without a State. Dartmouth Publishing/Ashgate, 1997. 305 p.

[15] Van Caenegem R.C. Judges, Legislators and Professors: Chapters in European Legal History. Cambridge University Press, 1987. 205 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.11.2026 г.
DOI: 10.24412/3033-6724-2026-4-24-27

АЛЕКСАНДРОВА Анна Сергеевна,
аспирант,
Самарский национальный исследовательский
Университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Россия,
anna.alex2000@yandex.ru

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ТРЕБОВАНИЙ К ПОЛИТИКЕ В ОТНОШЕНИИ ОБРАБОТКИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ НА ОСНОВЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Аннотация. *Статья посвящена проблеме дифференциации требований к содержанию политики в отношении обработки персональных данных. Отмечается, что универсальная модель, закрепленная Федеральным законом от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», утратила эффективность: политика превращается в формальный барьер, легитимирующий сбор данных. Автор обосновывает необходимость функционального подхода, основанного на классификации персональных данных по их роли в цифровой репрезентации личности (идентифицирующие, профилирующие и статусные данные). Для каждого типа данных выявлены специфические риски и сформулированы дифференцированные требования к полноте и доступности раскрываемых сведений об осуществляемой обработке персональных данных. Предлагаются критерии содержательного контроля со стороны Роскомнадзора: дифференциация требований к понятности, оценка полноты раскрытия алгоритмической логики, мониторинг «темных паттернов», оценка доступности информации о правах. Автор приходит к выводу о необходимости закрепить дифференцированные требования к политике в отношении обработки персональных данных на уровне законодательства о персональных данных, а также добиться, чтобы раскрываемая в ней информация была полной. Работа продолжает линию, начатую в более ранних публикациях автора, посвящённых функционально-сущностной классификации персональных данных и принципам их обработки.*

Ключевые слова: *обработка персональных данных, политика в отношении обработки персональных данных, законодательство, Роскомнадзор, функциональная классификация, идентифицирующие данные, профилирующие данные, статусные данные, дифференциация требований, риск-ориентированный подход, алгоритмическая прозрачность, человеческий пересмотр решений.*

ALEKSANDROVA Anna Sergeevna,
postgraduate,
Samara National Research University,
Samara, Russia

DIFFERENTIATION OF REQUIREMENTS FOR POLICY REGARDING PERSONAL DATA PROCESSING BASED ON THE FUNCTIONAL CLASSIFICATION OF PERSONAL DATA

Annotation. *The article addresses the issue of differentiating requirements for the content of a policy on personal data processing. It is noted that the universal model established by Federal Law No. 152-FZ of 27 July 2006 «On Personal Data» has lost its effectiveness: the policy is turning into a formal barrier legitimizing data collection. The author substantiates the need for a functional approach based on the classification of personal data according to their role in the digital representation of the individual (identifying, profiling, and status data). For each type of data, specific risks are identified and differentiated requirements are formulated regarding the completeness and accessibility of disclosed information about the personal data processing carried out. Criteria for substantive control by Roskomnadzor are proposed: differentiation of requirements for comprehensibility, assessment of the completeness of disclosure of algorithmic logic, monitoring of «dark patterns,» and assessment of the accessibility of information about rights. The author concludes that it is necessary to consolidate differentiated requirements for the Policy at the level of personal data legislation, as*

well as to ensure that the information disclosed therein is complete. This work continues the line initiated in the author's earlier publications on the functional-substantive classification of personal data and the principles of their processing.

Key words: *personal data processing, policy on personal data processing, legislation, Roskomnadzor, functional classification, identifying data, profiling data, status data, differentiation of requirements, risk-based approach, algorithmic transparency, human review of decisions.*

Введение. Политика в отношении обработки персональных данных, или, как её обычно называют, «политика конфиденциальности» (далее – Политика), являясь императивным требованием статьи 18.1 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее – Закон № 152-ФЗ) [1], призвана обеспечивать баланс технологических возможностей обработки персональных данных и гарантий частной жизни, выполняя функции прозрачности и формирования доверия в отношениях между субъектом и оператором персональных данных. Правовая природа Политики реализуется в трех аспектах: как локальный акт оператора персональных данных, фиксирующий процедуры и меры защиты; как публичное обязательство по информированию субъектов, необходимое для получения согласия; как средство раскрытия информации для Роскомнадзора как органа, контролирующего соблюдение законодательства о персональных данных.

Требование разместить на интернет-сайте Политику сегодня соблюдают почти все операторы. Однако наличие документа ещё не означает, что субъект понимает, какие сведения о нём собираются. Пользователь обычно не читает политику до конца – мешают объём, язык, структура. Причина не сводится к одной лишь привычке: даже внимательное прочтение документа не всегда позволяет установить, какие сведения собираются, кому они передаются и какие решения принимаются на их основе.

Закон требует, чтобы Политика была доступна субъекту персональных данных. Доступность при этом трактуется буквально – как возможность открыть документ. Насколько понятно и полно его содержание, во внимание не принимается. Формально субъект информирован, фактически же он дал согласие на то, о чём ему не сообщили.

Разрыв между формальным соблюдением и реальным информированием обусловлен рядом факторов:

– избыточная детализация зачастую приводит лишь к формальному исполнению требований законодательства;

– алгоритмизация скрывает логику автоматизированных решений;

– коммерческие соображения побуждают операторов к неполному раскрытию информации: развернутое и понятное описание обработки данных требует дополнительных издержек, снижает возможности монетизации персональных данных, а также увеличивает риск оспаривания правомерности обработки этих данных оператором.

Ключевой методологический пробел – отсутствие дифференцированного подхода к раскрытию информации. Персональные данные функционально неоднородны и порождают различные риски – от подмены идентичности до дискриминации. Следовательно, требования к раскрытию информации должны быть соразмерны этим рискам, что достигается применением функционального подхода [4] к содержанию Политики. Такой подход согласуется с логикой риск-ориентированности, которая уже реализована в подзаконном техническом регулировании. Постановление Правительства РФ от 01.11.2012 № 1119 и Приказ ФСТЭК России от 18.02.2013 № 21 устанавливают четыре уровня защищенности информационных систем, а также дифференцированный состав мер для каждого из них [2; 3]. Представляется логичным распространить ту же логику соразмерности и на содержание Политики [5].

Основная часть. Требования к Политике, установленные статье 18.1 Закона № 152-ФЗ [1], сформулированы одинаково для всех видов обрабатываемых сведений и не учитывают их функциональных различий и связанных с ними рисков. Исключение составляют лишь отдельные категории: специальные и биометрические данные, для которых закон устанавливает более строгий режим. Однако цифровая среда показывает обратное: разные сведения выполняют в ней разные функции. Одни служат для того, чтобы отличить одного человека от другого, – это идентифицирующие данные (ФИО, паспортные данные, СНИЛС, биометрические верификаторы). Другие складываются в описание привычек и предпочтений – профилирующие данные (история запросов, геолокация, метаданные коммуникаций). Третьи представляют собой готовую оценку, присвоенную алгоритмом, – статусные данные (кредитные рейтинги, скоринговые баллы, уровни доступа к сервисам) [4].

Предлагаемое разграничение не следует понимать как жёсткое. Границы между типами подвижны: поведенческий профиль, собранный для персонализации интерфейса, при смене цели превращается в основание для скоринга, а значит, переходит в разряд статусных данных. Именно эта способность данных менять функцию и создаёт основную сложность для регулирования, построенного на статических перечнях.

Функциональные различия между типами данных проявляются и в характере угроз, которые они создают. Идентифицирующие данные уязвимы к подмене личности. Профилирующие – к скрытому воздействию на поведение. Что касается статусных, основной риск здесь – алгоритмическая дискриминация личности [4; 5]. Именно

разнородность этих рисков и обусловливает необходимость дифференциации требований к содержанию Политики.

Рассмотрим эти требования применительно к каждому типу данных.

Например, если данные используются для идентификации и аутентификации субъекта, ключевое значение имеет информирование о конкретном перечне собираемых идентификаторов. Отдельного раскрытия требуют цели их сбора. При этом важно указать, ограничиваются ли они только идентификацией или включают иные задачи. Политика должна также указывать сроки хранения, порядок уточнения, блокирования и уничтожения сведений, а равно меры защиты от несанкционированного доступа и подмены.

Следовательно, в данном случае Политика должна четко разграничивать обязательные и добровольные идентификаторы, а при использовании биометрических данных – раскрывать, применяются ли они для верификации или идентификации, поскольку это определяет уровень риска.

Данные, формирующие профилирующий (поведенческий) профиль пользователя. Процесс их сбора часто носит скрытый характер, а ценность представляет не каждый отдельный факт, а их совокупность.

Именно поэтому требования к раскрытию информации о профилирующих данных должны быть особенно конкретными.

Политика должна содержать:

1) явное указание на факт сбора профилирующих данных, а не общие фразы о «технической информации»;

2) раскрытие конкретных целей сбора: персонализация, маркетинговые исследования, таргетирование рекламы;

3) информацию о передаче данных третьим лицам (рекламным сетям, аналитическим платформам, информационным брокерам);

4) понятную инструкцию о возможности отказа от сбора данных с указанием способов реализации такого отказа.

Особого внимания требует информирование об использовании интерфейсных решений, манипулирующих выбором пользователя в пользу более интенсивного сбора данных («темные паттерны»). Регуляторная практика должна ориентировать операторов на добросовестное раскрытие всех способов сбора такого типа информации.

Наиболее высокие требования к прозрачности предъявляют статусные данные, выступающие результатом алгоритмической обработки и непосредственно определяющие правовое или экономическое положение субъекта: кредитные рейтинги, балльные оценки платежеспособности, репутационные категории, уровни доступа к сервисам. При обработке таких данных в Политику также целесообразно включить:

1) указание на факт принятия автоматизированных решений, затрагивающих права субъекта;

2) описание логики алгоритма – основных факторов, влияющих на принятие решений (даже если полная математическая логика остается коммерческой тайной);

3) информацию о мерах по обеспечению справедливости модели: проводилась ли валидация на предмет предвзятости, принимались ли меры для минимизации дискриминационных эффектов;

4) четкую процедуру реализации права на человеческий пересмотр автоматизированного решения;

5) порядок оспаривания дискриминационных решений (обращение к оператору, в надзорный орган, в суд) [5].

Накопленные противоречия ведут к тому, что Политика начинает работать не на защиту субъекта, а против него. Вместо информирования она обеспечивает лишь юридическое оформление уже состоявшегося сбора данных. На сегодняшний день Роскомнадзор оценивает лишь наличие документа, структуру и полноту сведений, а ответственность наступает только за сам факт отсутствия политики, но не за ее нечитаемость или сокрытие алгоритмической обработки. В результате юридически безупречный, но намеренно усложненный текст успешно проходит контроль, не достигая цели закона – информированности субъекта персональных данных.

Предлагаемый функциональный подход позволяет сформулировать несколько критериев содержательного контроля.

Во-первых, требования к понятности изложения должны дифференцироваться. Если речь идёт об обработке данных, влекущих наиболее серьёзные риски, прежде всего алгоритмических оценок. Следовательно, информация о них должна излагаться максимально доступно, с примерами и пояснениями.

Во-вторых, должна подлежать проверке полнота раскрытия алгоритмической логики. Роскомнадзор оценивает, достаточно ли субъекту предоставлено сведений, чтобы понять, как формируется затрагивающая его алгоритмическая оценка.

В-третьих, необходим мониторинг «тёмных паттернов». Речь идёт о выявлении интерфейсных приёмов, которые незаметно склоняют пользователя к согласию на сбор склоняют пользователя к согласию на избыточный сбор его персональных данных.

Наконец, в-четвёртых, необходимо оценивать реальную доступность инструкций по реализации прав. Политика должна содержать понятные пошаговые указания, охватывающие каждое право субъекта персональных данных, с указанием порядка обращения, сроков, способов связи с оператором и порядка обжалования его решений.

Заключение. Таким образом, Политика должна перестать быть универсальным документом и стать дифференцированным инструментом информирования субъектов персональных данных.

Объем и характер раскрываемой информации должны определяться функциональным типом обрабатываемых данных, а не универсальным шаблоном. Соответствующие изменения целесообразно закрепить в статье 18.1 Закона № 152-ФЗ, дополнив их критериями содержательного контроля со стороны Роскомнадзора. Такой подход позволит преодолеть формализацию согласия, а Политика вновь начнет работать именно в интересах самих субъектов персональных данных.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 05.09.2026).

[2] Постановление Правительства РФ от 01.11.2012 № 1119 «Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_137356/ (дата обращения: 05.09.2026).

[3] Приказ ФСТЭК России от 18.02.2013 № 21 «Об утверждении Состава и содержания организационных и технических мер по обеспечению безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_146520/a6615f7b0ffcc68aa0e0796336836d16febbfb4b/ (дата обращения: 05.09.2026).

[4] Александрова А.С. Дифференциация правового регулирования обработки персональных данных: обоснование на основе функционально-сущностной классификации // Юридические исследования. 2026. № 1. С. 47-59.

[5] Александрова А.С. Принципы обработки персональных данных: функциональная классификация как основа дифференцированного правового регулирования // Юридические исследования. 2026. № 3. С. 1-16.

References:

[1] Federal Law No. 152-FZ of July 27, 2006, «On Personal Data» // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (accessed: 05.09.2026).

[2] Decree of the Government of the Russian Federation No. 1119 of November 1, 2012, «On Approval of Requirements for the Protection of Personal Data During Their Processing in Personal Data Information Systems» // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_137356/ (accessed: 05.09.2026).

[3] Order of the FSTEC of Russia No. 21 of February 18, 2013, «On Approval of the Composition and Content of Organizational and Technical Measures to Ensure the Security of Personal Data During Their Processing in Personal Data Information Systems» // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_146520/a6615f7b0ffcc68aa0e0796336836d16febbfb4b/ (accessed: 05.09.2026).

[4] Aleksandrova A.S. Differentiation of Legal Regulation of Personal Data Processing: A Rationale Based on a Functional-Essential Classification // Legal Studies (Yuridicheskie issledovaniya). 2026. No. 1. pp. 47–59.

[5] Aleksandrova A.S. Principles of Personal Data Processing: Functional Classification as a Basis for Differentiated Legal Regulation // Legal Studies (Yuridicheskie issledovaniya). 2026. No. 3. Pp. 1–16.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.11.2026 г.
DOI: 10.24412/3033-6724-2026-4-28-32

ЧЕРЕПАНОВ Илья Евгеньевич,
студент,
Московский финансово-юридический университет МФЮА,
г. Москва, Россия,
e-mail: sled.com.vsu@bk.ru

Научный руководитель:
ГОГРИЧИАНИ Майя Георгиевна,
кандидат юридических наук, доцент,
Московский финансово-юридический университет МФЮА,
г. Москва, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ БЮДЖЕТА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ВНЕБЮДЖЕТНЫХ ФОНДОВ

Аннотация. *Статья посвящена анализу особенностей формирования и исполнения бюджетов государственных внебюджетных фондов Российской Федерации. Рассматриваются правовая природа фондов, соотношение бюджетного и страхового начал, формирование доходной части за счет единого тарифа страховых взносов и межбюджетных трансфертов. Отдельное внимание уделено асимметрии бюджетов на 2026 год (профицит бюджета Социального фонда России при дефиците бюджета Федерального фонда обязательного медицинского страхования) и нетипичным механизмам исполнения бюджетов: возможности направления страхователями части взносов на предупредительные меры и обусловленному порядку предоставления субвенций территориальным фондам обязательного медицинского страхования. Сформулированы предложения по совершенствованию бюджетно-правового регулирования.*

Ключевые слова: *государственные внебюджетные фонды, бюджетный процесс, страховые взносы, межбюджетные трансферты, дефицит бюджета, бюджетное право.*

CHEREPANOV Ilya Evgenievich,
Student,
Moscow Financial and Law University MFUA,
Moscow, Russia

Academic Supervisor:
GOGRICHIANI Maya Georgievna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Moscow Financial and Law University MFUA,
Moscow, Russia

FEATURES OF THE FORMATION AND EXECUTION OF THE BUDGET OF STATE EXTRA-BUDGEARY FUNDS

Annotation. *The article analyses the specifics of forming and executing the budgets of the state extra-budgetary funds of the Russian Federation. It considers the legal nature of the funds, the interplay of budgetary and insurance principles, and the formation of revenue through the unified insurance-contribution rate and inter-budgetary transfers. Particular attention is given to the asymmetry of the 2026 budgets (a surplus of the Social Fund of Russia alongside a deficit of the Federal Compulsory Medical Insurance Fund) and to atypical execution mechanisms: the possibility for policyholders to allocate part of their contributions to preventive measures, and the conditional procedure for granting subventions to territorial compulsory medical insurance funds. Proposals for improving budgetary-legal regulation are formulated.*

Key words: *state extra-budgetary funds, budgetary process, insurance contributions, inter-budgetary transfers, budget deficit, budget law.*

С 1 января 2023 года российская система государственного социального страхования прошла структурную перестройку: Пенсионный фонд Российской Федерации (ПФР) и Фонд социального страхования Российской Федерации (ФСС) объединены в единую структуру – Фонд

пенсионного и социального страхования Российской Федерации (далее – СФР). Создание фонда закреплено Федеральным законом от 14.07.2022 № 236-ФЗ «О Фонде пенсионного и социального страхования Российской Федерации» [1]. Реформа изменила административную архитектуру, а вместе с ней порядок формирования доходов, распределения расходов и кассового обслуживания бюджета. Параллельно действует Федеральный фонд обязательного медицинского страхования (далее – ФФОМС), обеспечивающий финансирование системы обязательного медицинского страхования (ОМС).

Оба фонда сохраняют статус государственных внебюджетных фондов: их бюджеты входят в бюджетную систему Российской Федерации, а перечень закреплен в статье 144 Бюджетного кодекса РФ (глава 17) [2]. Бюджеты фондов утверждаются отдельными федеральными законами и не входят в состав федерального бюджета. В ноябре 2025 года приняты законы о бюджетах СФР и ФФОМС на 2026 год и плановый период 2027–2028 годов [3; 4]. Эти акты дают материал для анализа актуальных параметров системы.

Сопоставление бюджетов выявляет асимметрию: финансовые результаты фондов противоположны. Бюджет СФР на 2026 год утвержден с профицитом, бюджет ФФОМС – с дефицитом. Различие объясняется разными страховыми моделями, структурой источников дохода и механизмами межбюджетного выравнивания; логика распределения единого тарифа делает такой контраст закономерным.

Цель статьи – выявить особенности формирования и исполнения бюджетов государственных внебюджетных фондов на примере СФР и ФФОМС и сформулировать предложения по совершенствованию их правового регулирования. Методологическую основу составили формально-юридический и сравнительно-правовой методы, а также анализ параметров законов о бюджетах фондов на 2026 год и плановый период 2027–2028 годов.

Бюджетная политика в отношении фондов меняется практически каждый год. Меняются нормативы распределения взносов, условия предоставления трансфертов, порядок формирования резервов. Правоприменителю и научному сообществу нужно знать состояние правовых конструкций на конкретный финансовый год. Размеры трансфертов, соотношение доходов и расходов, нормативы распределения утверждаются заново каждым бюджетным циклом. Эти параметры не выводятся из одних кодифицированных норм.

В правовой доктрине государственный внебюджетный фонд понимается как форма образования и расходования денежных средств вне федерального бюджета и бюджетов субъектов РФ, предназначенных для реализации конституционных прав граждан на пенсионное обеспечение, социальное страхование и охрану здоровья. Н. А. Поветкина подчеркивает единство бюджетно-правового режима фондов при различии их организационных форм [5, с. 10-12], а А. А. Малышева характеризует СФР одновременно как государственное учреждение, страховщика и участника бюджетных отношений [6, с. 7-10]. Бюджеты фондов входят в бюджетную систему Российской Федерации (статья 10 Бюджетного кодекса РФ); перечень федеральных фондов установлен статьей 144 БК РФ, и после реформы 2023 года в него входят СФР и ФФОМС. Порядок составления, рассмотрения, утверждения и исполнения бюджетов фондов регулирует глава 17 Бюджетного кодекса. Бюджеты фондов проходят основные стадии бюджетного процесса, утверждаются самостоятельными законодательными актами и получают из федерального бюджета межбюджетные трансферты.

Специальное законодательство дополняет кодифицированные нормы. Помимо Закона № 236-ФЗ финансовую архитектуру ФФОМС и территориальных фондов ОМС определяет Федеральный закон от 29.11.2010 № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» [7]. Глава 34 Налогового кодекса РФ устанавливает единые тарифы страховых взносов, введенные с 2023 года [8].

Кассовое обслуживание исполнения бюджетов обоих фондов ведет Федеральное казначейство через единый казначейский счет. Казначейская модель унифицирует технологию исполнения и снижает риски кассовых разрывов. Внешний государственный аудит исполнения бюджетов внебюджетных фондов проводит Счетная палата РФ [9]; порядок внешней проверки бюджетной отчетности определяется главой 25.1 Бюджетного кодекса. Ежегодные законы о бюджетах фондов вносят в условия исполнения точечные изменения, которые кодифицированные акты не отражают. Накопление точечных норм постепенно усложняет правовую конструкцию.

Соотношение бюджетного и страхового начал в природе фондов заслуживает отдельного разбора. С формальной точки зрения средства фондов являются публичной собственностью. Они расходуются по правилам бюджетного законодательства, через лимиты бюджетных обязательств, кассовые планы и отчетность перед Счетной палатой. По существу эти средства формируются за счет целевых страховых взносов конкретных плательщиков в пользу конкретных застрахованных лиц. Совпадение целевого взноса и конкретного получателя сближает правовой режим фондов со страховым [10, с. 759].

Права застрахованных лиц не зависят от фактического поступления взносов за них в бюджет фонда. Обязательства перед гражданином носят публично-правовой характер. В классических страховых организациях объем выплат жестко связан с объемом собранных премий. Формулировка закона о правах застрахованных не упоминает бюджетный дефицит как основание для снижения выплат, и здесь видна принципиальная

граница между бюджетным правом и страховым делом [11, с. 44].

Доходная база государственных внебюджетных фондов строится на страховых взносах. С 2023 года действует единый тариф: работодатели платят 30 % с выплат в пределах предельной величины базы и 15,1 % с выплат сверх нее. Норма закреплена статьей 425 НК РФ [8].

Поступившие суммы распределяются между фондами по нормативам: на обязательное пенсионное страхование направляется 72,8 %, на обязательное медицинское страхование – 18,3 %, на страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством – 8,9 %. Единый тариф заменил три самостоятельных платежа, что упростило администрирование.

Бюджет СФР на 2026 год утвержден с доходами 19 086,2 млрд рублей [3], что составляет около 8,1 % ВВП. Межбюджетные трансферты из федерального бюджета занимают в структуре доходов 4 692 млрд рублей – почти четверть поступлений; основную часть остальных доходов образуют страховые взносы. Расходы утверждены в сумме 18 748,2 млрд рублей, профицит составляет 338,0 млрд рублей. Плановые показатели на 2027–2028 годы сохраняют профицит СФР на всем трехлетнем горизонте (таблица 1). Значительный объем трансфертов объясняется тем, что часть обязательств – прежде всего нестраховых выплат – исполняется за счет общих налоговых доходов государства, поскольку страховых взносов для этого недостаточно.

Бюджет ФФОМС на 2026 год запланирован с доходами 4 712,56 млрд рублей [4]. Трансферты из федерального бюджета составляют 481,36 млрд рублей. Платежи на ОМС формируют 88,7 % доходов фонда. Расходы запланированы в объеме 4 794,62 млрд рублей, что создает дефицит около 82 млрд рублей. По плановым показателям дефицит сокращается в 2027 году, но в 2028 году вновь увеличивается (таблица 1). Эти цифры не показывают системного решения проблемы несбалансированности.

Таблица 1. Основные параметры бюджетов СФР и ФФОМС на 2026 год и плановый период 2027–2028 годов, млрд руб.

Показатель	СФР	ФФОМС
Доходы, 2026 год	19 086,2	4 712,56
Расходы, 2026 год	18 748,2	4 794,62
Результат, 2026 год	профицит 338,0	дефицит 82,1
в т.ч. межбюджетные трансферты из федерального бюджета, 2026 год	4 692,4	481,36
Результат, 2027 год (плановый, округленно)	профицит ≈ 235	дефицит ≈ 80
Результат, 2028 год (плановый, округленно)	профицит ≈ 322	дефицит ≈ 85

Источник: составлено автором по данным законов о бюджетах СФР и ФФОМС на 2026 год и плановый период 2027–2028 годов [3; 4].

Структура расходов СФР распределена по нескольким направлениям: выплата страховых пенсий, охрана семьи и детства, пособия по временной нетрудоспособности, производственному травматизму и другие социальные выплаты. Концентрация средств на пенсионном направлении отражает демографическую структуру страны. Ежегодная индексация предельной величины базы влияет на объем поступлений. Номинальные зарплаты растут при неизменных тарифах, поэтому доля выплат, облагаемых по пониженной ставке 15,1 %, увеличивается. Структурный риск для доходной базы фондов растет при опережающем росте высоких заработков.

Закон о бюджете СФР на 2026 год устанавливает специальное правило для взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний: Фонд вправе разрешить страхователям направлять до 20 % сумм страховых взносов на финансирование предупредительных мер (до 30 % – при дополнительном финансировании санаторно-курортного лечения работников, занятых на вредных и опасных работах) (часть 4 статьи 6 Закона № 427-ФЗ) [3]. Речь идет о закупке средств индивидуальной защиты, медицинских осмотрах, обучении охране труда. Норма стимулирует работодателей вкладывать средства в профилактику, а не уплачивать взносы пассивно.

Закон о бюджете ФФОМС на 2026 год устанавливает особый порядок предоставления субвенций территориальным фондам ОМС: они предоставляются после перечисления в бюджет ФФОМС из бюджета субъекта РФ суммы ежеме-

сячного страхового взноса на ОМС неработающего населения (часть 2 статьи 4 Закона № 428-ФЗ) [4]. Федеральный центр обычно перечисляет межбюджетные средства авансом; здесь принцип обратный: трансферт зависит от встречного исполнения обязательства регионом.

Подобный порядок создает кассовые риски для территориальных фондов. Если регион задерживает уплату взноса за неработающее население, территориальный фонд автоматически задерживает получение субвенции, а медицинские организации продолжают оказывать помощь застрахованным несмотря на задержку. Разрыв между обязательствами и финансированием ложится на территориальный фонд, у которого нет инструментов принудительного взыскания взноса с региона. Получается, что меры, призванные дисциплинировать региональный бюджет, фактически адресованы территориальному фонду ОМС, не имеющему рычагов влияния на регион.

Структурный дефицит бюджета ФФОМС при профицитном бюджете СФР отражает системное противоречие. Оба фонда финансируются за счет единого тарифа страховых взносов, однако доля тарифа, направляемая на ОМС, и объем федеральных трансфертов не обеспечивают полного покрытия расходов на медицинскую помощь: даже при трансферте 481,36 млрд рублей бюджет ФФОМС на 2026 год остается дефицитным.

Отсутствие единой методики оценки результативности расходования межбюджетных трансфертов создает правовую неопределенность. Межбюджетные трансферты из федерального бюджета в бюджет СФР на 2026 год превышают 4,6 трлн рублей (пункт 1 части 1 статьи 1 Закона № 427-ФЗ) [3]. В тексте закона о бюджете СФР критерии результативности использования этих средств не закреплены.

Правовой статус резерва СФР после объединения фондов остается дискуссионным. До 2023 года ПФР и ФСС формировали резервы раздельно, по разным правилам. Закон № 427-ФЗ учитывает резерв по обязательному пенсионному страхованию (в 2026 году резерв по ОПС в части, не связанной с накопительной пенсией, не создается) и разрешает Фонду формировать и расходовать резерв средств на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний (части 14–16 статьи 7) [3]. При этом порядок использования резерва при страховом случае, превышающем плановые расходы, закреплен недостаточно определенно [12, с. 99].

Ежегодная корректировка норматива распределения единого тарифа несет риск дестабилизации доходной базы. Изменение норматива даже на один процентный пункт в пользу ФФОМС существенно перераспределяет поступления между фондами и сокращает доходы СФР. Обязательная актуарная оценка последствий подобных корректировок в российском законодательстве не предусмотрена.

Объединение ПФР и ФСС повлекло организационно-правовые последствия. Слияние двух ведомств с разными управленческими традициями и информационными системами потребовало унификации регламентов приема отчетности, назначения выплат и взаимодействия со страхователями. Переходный этап порождал отдельные технические сбои и задержки, однако нормы закона о правопреемстве обеспечили непрерывность выплат.

Изложенные проблемы дают основания для следующих предложений по совершенствованию законодательства. Во-первых, целесообразно закрепить нормативную долю федерального трансферта в доходах ФФОМС (например, не ниже 10 % доходов, что соответствует уровню 2026 года – 10,2 %) и дополнить ее правилом о покрытии планового дефицита: это снизит риск структурной несбалансированности бюджета фонда. Во-вторых, перечень целевых показателей социального результата, оформленный обязательным приложением к закону о бюджете фонда, позволит оценивать результативность трансфертов. В-третьих, следует закрепить порядок формирования резерва СФР и условия его использования при превышении плановых выплат; количественные параметры (например, резерв не менее 5 % расходов) нуждаются в актуарном обосновании. В-четвертых, обязательное заключение актуария перед изменением норматива распределения взносов снизит риски таких изменений. Предложения носят характер точечных поправок: масштабная перестройка нормативной базы после объединения ПФР и ФСС недавно завершилась, поэтому новая волна реформирования до стабилизации правоприменительной практики создаст правовую неопределенность.

Система государственных внебюджетных фондов РФ прошла трансформацию в 2022–2023 годах. Объединение ПФР и ФСС в СФР изменило институциональную архитектуру, но часть правовых противоречий не устранило. Бюджеты СФР и ФФОМС на 2026 год отражают разные модели финансовой устойчивости. Профицит СФР обеспечивается высоким объемом страховых взносов и федеральных трансфертов, а дефицит ФФОМС указывает на недостаточность действующих механизмов – норматива распределения взносов и трансфертов – для покрытия расходов на медицинскую помощь.

Особенности исполнения бюджетов фондов в 2026 году сводятся к двум нетипичным механизмам. Страхователи по решению Фонда направляют до 20 % взносов на предупредительные меры, отступая от общего принципа полного зачисления взносов в бюджет. Субвенции ФФОМС территориальным фондам зависят от своевременности исполнения регионами своих обязательств. Оба механизма требуют дополнительного правового осмысления. Предложения авторов касаются нор-

мативной доли федеральных трансфертов в бюджете ФФОМС, оценки результативности трансфертов СФР, порядка формирования резерва и актуарной оценки изменений норматива распределения взносов.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 14.07.2022 N 236-ФЗ (ред. от 25.05.2026) «О Фонде пенсионного и социального страхования Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 14.07.2022. (дата обращения: 06.10.2026).

[2] «Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 N 145-ФЗ (ред. от 26.06.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2026) // «Собрание законодательства РФ», 03.08.1998, N 31, ст. 3823.

[3] Федеральный закон от 28.11.2025 N 427-ФЗ «О бюджете Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов» // «Собрание законодательства РФ», 01.12.2025, N 48 (Часть III), ст. 7238.

[4] Федеральный закон от 28.11.2025 N 428-ФЗ «О бюджете Федерального фонда обязательного медицинского страхования на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов» // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 28.11.2025. (дата обращения: 06.10.2026).

[5] Поветкина, Н. А. Государственные внебюджетные фонды: специфика бюджетно-правового статуса // Финансовое право. 2024. № 11. С. 10-12.

[6] Малышева, А. А. Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации: причины создания и особенности финансово-правового статуса // Налоги. 2023. № 2. С. 7-10.

[7] Федеральный закон от 29.11.2010 N 326-ФЗ (ред. от 20.02.2026) «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 06.12.2010, N 49, ст. 6422.

[8] «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 05.08.2000 N 117-ФЗ (ред. от 25.05.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2026) // «Собрание законодательства РФ», 07.08.2000, N 32, ст. 3340.

[9] Федеральный закон от 05.04.2013 N 41-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О Счетной палате Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 08.04.2013, N 14, ст. 1649.

[10] Бадина, О. А. Бюджеты государственных внебюджетных фондов: особенности формирования и правового регулирования // Экономика и социум. 2021. № 11-2 (90). С. 759-764.

[11] Забралова, О. С. Государственные внебюджетные фонды как субъекты финансовых правоотношений // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 3 (148). С. 40-55.

[12] Соболь, О. С. Бюджеты государственных внебюджетных фондов: правовое регулирование в современный период // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 7 (119). С. 96-104.

References:

[1] Federal Law No. 236-FZ of July 14, 2022 (as amended on May 25, 2026) «On the Pension and Social Insurance Fund of the Russian Federation» // Official Internet Portal of Legal Information http://pravo.gov.ru, July 14, 2022. (accessed: October 6, 2026).

[2] «Budget Code of the Russian Federation» No. 145-FZ of July 31, 1998 (as amended on June 26, 2026) (with amendments and additions, effective as of July 1, 2026) // «Collected Legislation of the Russian Federation,» August 3, 1998, No. 31, Art. 3823.

[3] Federal Law No. 427-FZ of November 28, 2025, «On the Budget of the Pension and Social Insurance Fund of the Russian Federation for 2026 and for the Planning Period of 2027 and 2028» // «Collected Legislation of the Russian Federation,» December 1, 2025, No. 48 (Part III), Art. 7238.

[4] Federal Law No. 428-FZ of November 28, 2025, «On the Budget of the Federal Compulsory Medical Insurance Fund for 2026 and for the Planning Period of 2027 and 2028» // Official Internet Portal of Legal Information http://pravo.gov.ru, November 28, 2025. (accessed: October 6, 2026). [5] Povetkina, N. A. State Extra-Budgetary Funds: Specifics of Their Budgetary-Legal Status // Financial Law. 2024. No. 11. pp. 10–12.

[6] Malysheva, A. A. The Pension and Social Insurance Fund of the Russian Federation: Reasons for Its Creation and Specifics of Its Financial-Legal Status // Taxes. 2023. No. 2. pp. 7–10.

[7] Federal Law No. 326-FZ of November 29, 2010 (as amended on February 20, 2026) “On Compulsory Medical Insurance in the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation, December 6, 2010, No. 49, Art. 6422.

[8] “Tax Code of the Russian Federation (Part Two)” No. 117-FZ of August 5, 2000 (as amended on May 25, 2026) (with amendments and additions, effective from July 1, 2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation, August 7, 2000, No. 32, Art. 3340.

[9] Federal Law No. 41-FZ of April 5, 2013 (as amended on December 28, 2025) “On the Accounts Chamber of the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation, April 8, 2013, No. 14, Art. 1649.

[10] Badina, O. A. Budgets of State Extra-Budgetary Funds: Specifics of Formation and Legal Regulation // Economy and Society. 2021. No. 11-2 (90). pp. 759-764.

[11] Zabralova, O. S. State Extrabudgetary Funds as Subjects of Financial Legal Relations // Actual Problems of Russian Law. 2023. No. 3 (148). pp. 40-55.

[12] Sobol, O. S. Budgets of State Extrabudgetary Funds: Legal Regulation in the Contemporary Period // Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2024. No. 7 (119). pp. 96-104.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.11.2026 г.
DOI: 10.24412/3033-6724-2026-4-33-34

ЕПАНЧИНЦЕВА Татьяна Викторовна,
студент, 5 курс, Гуманитарный институт,
Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого,
г. Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: poor_molli0721@mail.ru

ОБОНЯТЕЛЬНЫЕ ТОВАРНЫЕ ЗНАКИ В СИСТЕМЕ НЕТРАДИЦИОННЫХ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ

Аннотация. *В статье анализируются предпосылки возникновения нетрадиционных товарных знаков как отдельной категории. Описываются характерные черты обонятельных товарных знаков и обозначаются трудности, возникающие при их регистрации. Приводятся примеры успешной регистрации обонятельных товарных знаков в России и за рубежом. Сформулирован вывод о том, что обонятельные товарные знаки набирают популярность среди современных предпринимателей, но все же их численность остается наименьшей среди иных нетрадиционных товарных знаков.*

Ключевые слова: *товарные знаки, средства индивидуализации, обонятельные товарные знаки, различительная способность.*

EPANCHINTSEVA Tatyana Viktorovna,
student, 5th year, Institute of Humanities,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
Saint Petersburg, Russia

OLFACTORY TRADEMARKS IN THE NON-TRADITIONAL TRADEMARKS SYSTEM

Annotation. *The article analyzes the prerequisites for the emergence of non traditional trademarks as a separate category. It describes the characteristic features of olfactory trademarks and outlines the difficulties that arise when registering them. Examples of successful registration of olfactory trademarks in Russia and abroad are provided. The conclusion is formulated that olfactory trademarks are gaining popularity among modern businesses, but their number still remains the smallest among other non traditional trademarks.*

Key words: *trademarks, means of individualization, olfactory trademarks, distinctiveness.*

В современных условиях в погоне за вниманием потребителя на экономическом рынке юридические лица и индивидуальные предприниматели стараются произвести все более инновационные и неординарные средства индивидуализации товаров и услуг – названия брендов, логотипы, визуальные концепции. В связи с данной тенденцией, огромной конкуренцией и желанием «бизнесов» приумножать свои активы посредством привлечения клиентов круг вариаций товарных знаков расширился соразмерно количеству новых смелых бизнес-идей и концепций находчивых предпринимателей. Таким образом, с течением времени, помимо словесных, изобразительных товарных знаков, привычных обществу, сформировались нетрадиционные товарные знаки, которые смогли вызывать запоминающиеся ассоциации с товаром и более продуктивно выполнять свою функцию по привлечению потребителей.

Действующее российское законодательство предоставляет право зарегистрировать следующие виды товарных знаков: словесные, объемные, изобразительные, комбинированные, а также другие виды обозначений, тем самым не ограничивая свободу творчества в данном направлении. Следствием этого стало выделение в научной литературе так называемых нетрадиционных товарных знаков, в число которых входят цветовые, обонятельные, звуковые, световые, голографические, вкусовые, жестикуляционные и иные товарные знаки.

В данной статье более подробно рассмотрим обонятельные товарные знаки, являющиеся одними из самых неординарных среди нетрадиционных товарных знаков и чаще всего вызывающие проблемы в их регистрации.

Можно выделить несколько основных характеристик обонятельного товарного знака [1]:

1. Ключевым признаком является ориги-

нальность запаха, отражающая факт наличия специфического аромата, который не является естественным свойством самого товара. Таким образом, правовой защите должен подлежать маркетинговый элемент, а не сущность товара;

2. Запах должен помогать потребителю отличать товары одного производителя от товаров другого – то есть иметь устойчивую ассоциативную связь с конкретным товаром, брендом – различительную способность;

3. Каждый человек имеет отличную от других способность восприятия запахов, что не всегда позволяет объективно оценивать схожесть или различие обонятельных товарных знаков, что делает восприятие сугубо субъективным;

Трудности регистрации товарных знаков данной категории заключаются в том, что существуют сложности в графическом описании обонятельного товарного знака. [2] Даже если предусмотреть определенные условия при подаче заявки на его регистрацию, которые обязывали бы предоставить образец вещества или материала, обладающий следами регистрируемого знака – запаха, герметичность которого обеспечена и он огражден от постороннего воздействия иных запахов, а также состав, химическую формулу и иную информацию для подробнейшего описания запаха и его «фиксации», поскольку регистрация товарного знака подразумевает возможность его репродуцирования – восприятие запахов людей разнится, от чего теряется различительная способность. Также вышеперечисленные условия достаточно проблематичны в реализации ввиду того, что на явление «запаха» влияет не только герметичность источника запаха, но и различные иные факторы, такие как температура воздуха, стерильность ёмкости, в которой находится источник, и так далее.

Ввиду описанной специфики обонятельных товарных знаков случаи их регистрации достаточно редки даже в современных реалиях, когда экономический рынок перенасыщен различными маркетинговыми инструментами. Это ресурсозатратный процесс, который по своей сути является больше «рекламным проектом», чем способом обезопасить бизнес от попыток фальсификации.

В России был лишь единичный случай успешной регистрации обонятельного товарного знака, что подтверждает его проблематичность. В 2012 году натуропарфюмер Наталья Коляго подала заявление на регистрацию товарного знака «кожаный аромат» и получила на него свидетельство (номер регистрации - № 470375). Указанный аромат использовался для ароматизации бирки в сфере аромамаркетинга и аромодизайна. Целью создания «кожаного аромата» являлось создание у потребителей устойчивой ассоциации с брендом через запах. На данный момент товарный знак является не действительным, поскольку действие свидетельства не продлевалось.

Обращаясь к зарубежному опыту, можно увидеть, что обонятельные товарные знаки являются более популярным и распространенным средством индивидуализации среди американских и европейских компаний. Например, компания Hasbro Inc. зарегистрировала аромат игрушечной массы для лепки Play-Doh, официальное описание которого звучит как «запах сладкого, слегка мускусного, ванильного аромата с лёгкими нотами вишни в сочетании с запахом слоеного пшеничного теста». По словам бренд-менеджера Hasbro они «официально зарегистрировали культовый аромат, чтобы сохранить связь с поклонниками», что отражает основную роль обонятельного товарного знака – сильный маркетинговый ход, а не реальный инструмент против подделок. [3] Британская компания Unicorn Products Limited обладает обонятельным товарным знаком на аромат горького пива, нанесенный на дротики для дартса. Аромат вызывает ассоциацию с местом использования товара – баром, что является еще одним ярким примером вышеупомянутого тезиса.

Таким образом, предприниматели, стараясь внедрить все более инновационные и необычные способы привлечения потребителей все чаще обращаются к преимуществам обонятельных товарных знаков, но сталкиваются с определенными сложностями в процессе их регистрации, которые заключаются в различительной способности ароматов и субъективности восприятия запахов людьми. В связи с чем популярность обонятельных товарных знаков набирает обороты в сфере маркетинга, но с юридической стороны все еще остается одним из самых непопулярных способов защиты средств индивидуализации товаров и услуг.

Список литературы:

[1] Хаустова Юлия Юрьевна Особенности регистрации нетрадиционных товарных знаков // Вопросы российской юстиции. 2024. №30. С. 218.

[2] Галкина У. В. Перспектива существования обонятельного товарного знака//Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 10. С. 79.

[3] Панкова М.Н. Нетрадиционные товарные знаки: виды и особенности регулирования // Интерактивная наука. 2018. №10 (32). С. 50.

References:

[1] Khaustova, Yulia Yuryevna. Specifics of Registering Non-Traditional Trademarks // Issues of Russian Justice. 2024. No. 30. P. 218.

[2] Galkina, U. V. The Prospect of the Existence of an Olfactory Trademark // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. No. 10. P. 79.

[3] Pankova, M. N. Non-Traditional Trademarks: Types and Regulatory Specifics // Interactive Science. 2018. No. 10 (32). P. 50.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.11.2026 г.
DOI: 10.24412/3033-6724-2026-4-35-37

БОЙКО Екатерина Геннадьевна,
магистрантка 1-го курса,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: katyaboyko0509@gmail.com

ОСПАРИВАНИЕ СДЕЛОК ПО ОТЧУЖДЕНИЮ ОБЩЕГО ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ В КОНКУРСНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПРИ ОТСУТСТВИИ НОТАРИАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ

Аннотация. *Статья сопоставляет основание недействительности по пункту 3 статьи 35 СК РФ с основаниями статьи 61.2 Закона о банкротстве для сделок должника-гражданина с общим имуществом супругов, совершенных без нотариального согласия. Для каждого основания указаны круг лиц, вправе оспаривать сделку (ст. 213.32 Закона о банкротстве), срок и предмет доказывания. Статья разбирает, какое значение имеет отсутствие согласия при доказывании осведомленности приобретателя о цели причинить вред кредиторам. Последствия недействительности рассмотрены по статье 61.6: контрагент получает требование к должнику вместо возврата встречного предоставления.*

Ключевые слова: *общее имущество супругов; нотариальное согласие; оспаривание сделок; банкротство; конкурсная масса; добросовестный приобретатель.*

BOYKO Ekaterina Gennadyevna,
1st-year Master's student,
St. Petersburg State University of Economics,
St. Petersburg, Russia

CHALLENGING TRANSACTIONS INVOLVING THE ALIENATION OF SPOUSES' JOINT PROPERTY IN BANKRUPTCY PROCEEDINGS IN THE ABSENCE OF NOTARIZED CONSENT

Annotation. *The article compares the grounds for invalidity under paragraph 3 of Article 35 of the Family Code of the Russian Federation with the grounds under Article 61.2 of the Bankruptcy Law for transactions by a debtor-individual involving the spouses' joint property, which were carried out without notarially obtained consent. For each ground, the list of persons entitled to challenge the transaction (Article 213.32 of the Bankruptcy Law), the time limit, and the subject of proof are specified. The article examines what significance the absence of consent has in proving that the purchaser was aware of the intention to harm the creditors. The consequences of invalidity are addressed under Article 61.6: the counterparty receives a claim against the debtor instead of the return of the consideration provided.*

Key words: *common property of spouses; notarized consent; challenging transactions; bankruptcy; bankruptcy estate; bona fide purchaser.*

Банкротство одного из супругов почти всегда обнажает сделки, заключенные незадолго до финансового краха. Финансовый управляющий при проверке сделок должника-гражданина сталкивается с отчуждением общего имущества без согласия второго супруга. Пункт 2 статьи 35 Семейного кодекса РФ [2] предполагает, что супруг, распоряжающийся общим имуществом, действует с согласия другого. Согласно п. 3 той же статьи требует нотариально удостоверенного согласия для сделки по распоряжению имуществом, права на которое подлежат государственной регистрации, для сделки, для которой закон установил обязательную нотариальную форму, и для сделки, подлежащей обязательной государственной регистрации. Супруг, чье согласие не получено, вправе оспорить сделку в течение года со дня, когда он узнал или должен был узнать о ее совершении.

Право на такой иск принадлежит самому супругу. Финансовый управляющий и кредиторы оспаривают сделку по другим основаниям: по пункту 1 статьи 61.2 Закона о банкротстве [3] (неравноценное встречное исполнение, сделка совершена в течение года до принятия заявления о банкротстве), по пункту 2 той же статьи (цель причинить вред кредиторам, срок три года) и по статьям 10 и 168 ГК РФ [1]. Калис М. Н. и Рожко-

ва С. М. описали сочетание специальных норм о брачном договоре с общими основаниями недействительности сделок при защите кредиторов от злоупотреблений супругов [6]. Статья сопоставляет основание из пункта 3 статьи 35 СК РФ с банкротными основаниями применительно к сделкам, совершенным без нотариального согласия.

Статья 34 СК РФ относит к общему имуществу супругов все нажитое в браке, включая доходы и доли в капитале организаций. При распоряжении этим имуществом согласие второго супруга предполагается (п. 2 ст. 35 СК РФ). Оспорить сделку по этому основанию вправе лишь сам супруг, если доказано, что контрагент знал или заведомо должен был знать о несогласии.

Также требуется нотариально удостоверенное согласие для «сделки по распоряжению имуществом, права на которое подлежат государственной регистрации, сделки, для которой законом установлена обязательная нотариальная форма, или сделки, подлежащей обязательной государственной регистрации». Без него сделка оспорима.

Конституционный Суд РФ в постановлении от 13.07.2021 № 35- проверил пункт 1 статьи 302 ГК РФ. Суд признал его не противоречащим Конституции в той мере, в какой жилое помещение нельзя истребовать у добросовестного приобретателя, возмездно купившего его по данным ЕГРН. Иск в таком случае подан бывшим супругом, который своевременно не принял мер по контролю над общим имуществом и оформлению своего права, а сделка уже признана недействительной по его требованию [4].

Финансовый управляющий вправе подать заявление об оспаривании сделки должника-гражданина по статьям 61.2 и 61.3 Закона о банкротстве по своей инициативе либо по решению собрания или комитета кредиторов. Конкурсный кредитор или уполномоченный орган могут подать его сами, если их требования составляют более десяти процентов реестра. Требования кредитора, в отношении которого сделка оспаривается, и его заинтересованных лиц в расчет не входят (п. 1 ст. 213.32). Супруга, не давшего согласия, в этом перечне нет.

Пункт 1 статьи 61.1 разрешает применять и Гражданский кодекс. Для иска по пункту 3 статьи 35 СК РФ вместе со статьей 173.1 ГК РФ нужно доказать, что контрагент знал или должен был знать об отсутствии согласия (п. 2 ст. 173.1 ГК РФ). Иск подают в течение года со дня, когда супруг узнал или должен был узнать о сделке. Статья 61.2 устанавливает другие сроки: один год для неравноценных сделок (п. 1) и три года для сделок с целью причинить вред кредиторам (п. 2) [3].

Согласно мнению Е.С. Лиуконен, сделку, подпадающую под составы статей 61.2 или 61.3, нужно оспаривать только по ним. Применение статей 10 и 168 ГК РФ она называет неправомерным [7]. По нашему мнению, данные статьи распространяются на сделки без нотариального согласия, подпадающие под статью 61.2.

Финансовый управляющий может использовать отсутствие нотариального согласия как доказательство по пункту 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве. Эта норма требует доказать цель причинить вред кредиторам, сам вред и осведомленность другой стороны об этой цели. Закон предполагает такую осведомленность, если другая сторона признана заинтересованным лицом либо знала или должна была знать об ущемлении интересов кредиторов, о признаках неплатежеспособности или о недостаточности имущества должника.

В случае, если покупатель дома получил договор без нотариального согласия супруга, которого требует пункт 3 статьи 35 СК РФ, то он должен уточнить, почему согласия нет. Мы считаем, что покупатель, не задавший такой вопрос, проявил недостаточную осмотрительность. Сасыкин К. Ю. в статье «Спорные вопросы оспаривания сделок должника по п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве» называет ошибочной практику некоторых судов при оценке осведомленности контрагента [8].

Пункт 7 статьи 213.26 Закона о банкротстве регулирует продажу общего имущества супругов. Оно продается целиком. Выручка делится пропорционально долям, которые по общему правилу признаются равными (п. 7 постановления Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 48 [5]). По нашему мнению, если суд признает недействительной сделку по отчуждению всего объекта, в конкурсную массу возвращается сам объект, а компенсацию супругу определяют при распределении выручки.

При признании сделки недействительной применяется статья 61.6 Закона о банкротстве. Все, что должник передал или что у него изъяли по сделке, возвращается в конкурсную массу в натуре. Если вернуть имущество невозможно, приобретатель возмещает его действительную стоимость на момент приобретения и убытки от последующего изменения стоимости (п. 1 ст. 61.6). Встречное предоставление контрагент назад не получает. Он приобретает право требования к должнику, которое удовлетворяется в порядке, предусмотренном законодательством о банкротстве (п. 2 ст. 61.6).

Чупрунов И. С. описывает реституцию как возврат сторон в первоначальное положение [9]. Мы полагаем, что в банкротстве этот принцип действует частично. Покупатель недвижимости, признанный добросовестным, теряет имущество, если сделка оспорена по пункту 1 статьи 61. В этом случае осведомленность контрагента не проверяется. Взамен он получает требование в очереди кредиторов, и его удовлетворение зависит от размера конкурсной массы.

Вне банкротства приобретатель может защищаться от виндикационного иска супруга по пункту 1 статьи 302 ГК РФ [1]. Конституционный Суд РФ в постановлении от 13.07.2021 № 35-П приме-

нил эту норму к жилью. Его нельзя истребовать у добросовестного возмездного приобретателя, полагавшегося на данные ЕГРН, по иску бывшего супруга, который не принял мер по контролю над общим имуществом [4]. В деле о банкротстве реституции требует финансовый управляющий, и приобретатель отвечает по статье 61.6.

Иск по пункту 3 статьи 35 СК РФ подает супруг, не давший согласия, в течение года со дня, когда он узнал или должен был узнать о сделке. Финансовый управляющий оспаривает ту же сделку по пункту 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве. Период подозрительности составляет три года. Привлекать супруга не требуется. Предполагается, что при совпадении обоих оснований финансовый управляющий выберет банкротный состав. Отсутствие нотариального согласия используется как довод о недостаточной осмотрительности покупателя недвижимости.

Открытым остается вопрос о порядке доказывания при одновременном оспаривании сделки по пункту 3 статьи 35 СК РФ и по пункту 2 статьи 61.2. По пункту 2 статьи 173.1 ГК РФ проверяется, знал ли контрагент об отсутствии согласия. По пункту 2 статьи 61.2 проверяется его осведомленность о цели причинить вред кредиторам. Единого подхода судов к оценке недостатка прямых доказательств по каждому из этих предметов в изученной практике не выявлено.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // «Российская газета», N 238-239, 08.12.1994.

[2] Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026, с изм. от 15.05.2026) // «Собрание законодательства РФ», 01.01.1996, N 1, ст. 16.

[3] Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 04.08.2026) «О несостоятельности (банкротстве)» // «Собрание законодательства РФ», 28.10.2002, N 43, ст. 4190.

[4] Постановление Конституционного Суда РФ от 13.07.2021 N 35-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.В. Мокеева» // «Собрание законодательства РФ», 19.07.2021, N 29, ст. 5753.

[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 N 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» // «Бюллетень Верховного Суда РФ», N 2, февраль, 2019.

[6] Калис М. Н., Рожкова С. М. Способы защиты прав кредиторов в случае их нарушения в результате заключения брачного договора // Ленинградский юридический журнал. 2023. №2 (72). С. 222-241.

[7] Лиуконен Е. С. Пределы диспозиции статей 61.2, 61.3 Закона о банкротстве для целей оспаривания в соответствии со статьями 10, 168 ГК РФ // Вестник науки. 2025. №10 (91). С. 309-316.

[8] Сасыкин, К. Ю. Спорные вопросы оспаривания сделок должника по п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве // Актуальные проблемы государства и права. – 2024. – Т. 8, № 1(29). – С. 94-106.

[9] Чупрунов И. С. Реституция при недействительности сделок и защита добросовестного приобретателя в российском гражданском праве. Часть 1 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 9. С. 90-91.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994, No. 51-FZ (as amended on June 10, 2026) // *Rossiyskaya Gazeta*, No. 238–239, December 8, 1994.

[2] Family Code of the Russian Federation dated December 29, 1995, No. 223-FZ (as amended on March 23, 2026, with revisions dated May 15, 2026) // *Collected Legislation of the Russian Federation*, January 1, 1996, No. 1, Art. 16.

[3] Federal Law dated October 26, 2002, No. 127-FZ (as amended on August 4, 2026) «On Insolvency (Bankruptcy)» // *Collected Legislation of the Russian Federation*, October 28, 2002, No. 43, Art. 4190.

[4] Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated July 13, 2021, No. 35-P «In the case concerning the review of the constitutionality of Clause 1 of Article 302 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with a complaint filed by citizen E. V. Mokeev» // *Collected Legislation of the Russian Federation*, July 19, 2021, No. 29, Art. 5753.

[5] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 25, 2018, No. 48, «On Certain Issues Related to the Specifics of Forming and Distributing the Bankruptcy Estate in Cases Involving the Bankruptcy of Individuals» // *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, No. 2, February 2019.

[6] Kalis M. N., Rozhkova S. M. «Methods for Protecting Creditors' Rights in the Event of Their Violation Through the Conclusion of a Prenuptial Agreement» // *Leningrad Legal Journal*. 2023. No. 2 (72). pp. 222–241.

[7] Liukonen E. S. «Limits of the Dispositive Scope of Articles 61.2 and 61.3 of the Bankruptcy Law for the Purpose of Challenging Transactions under Articles 10 and 168 of the Civil Code of the Russian Federation» // *Vestnik Nauki* (Bulletin of Science). 2025. No. 10 (91). pp. 309–316.

[8] Sasykin K. Yu. «Controversial Issues Regarding the Challenging of a Debtor's Transactions under Clause 2 of Article 61.2 of the Bankruptcy Law» // *Current Problems of State and Law*. 2024. Vol. 8, No. 1 (29). pp. 94–106.

[9] Chuprunov I. S. «Restitution in Cases of Invalid Transactions and the Protection of a Bona Fide Purchaser in Russian Civil Law. Part 1» // *Herald of Economic Justice of the Russian Federation*. 2024. No. 9. pp. 90–91.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.11.2026 г.
DOI: 10.24412/3033-6724-2026-4-38-43

ГРИГОРЬЕВА Наталья Виталиевна,
аспирант кафедры конституционного и международного права,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
Донецк, Россия,
e-mail: n.v.grigoreva01@mail.ru

Научный руководитель:
ОДЕГОВА Людмила Юрьевна,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой конституционного и международного права,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
Донецк, Россия,
e-mail: milaodegova17@mail.ru

ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НЕИСПОЛНЕНИЯ РОДИТЕЛЯМИ АЛИМЕНТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Данная работа посвящена исследованию последствий неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств со стороны родителей по выплате алиментов в Российской Федерации. Отмечается, что уклонение от уплаты алиментов может привести к привлечению обязанного лица к гражданско-правовой, административной или уголовной ответственности. Рассматриваются нормы законодательства, регулирующие применение каждого из названных видов ответственности, раскрывается их специфика. Анализируется судебная практика привлечения к административной и уголовной ответственности лиц, не исполняющих алиментные обязательства. Сделан вывод, что законодательство предусматривает достаточный комплекс мер ответственности. Вместе с тем их применение к должникам не всегда обеспечивает результативное взыскание алиментов. Решение данной проблемы требует комплексного подхода, который предусматривает не только привлечение к ответственности лиц, уклоняющихся от исполнения алиментных обязательств, но и проведение профилактических мероприятий, направленных на формирование у граждан более ответственного отношения к своим обязанностям, а также обязательное применение механизмов досудебного урегулирования семейных конфликтов.*

Ключевые слова: *алиментные обязательства, родители, несовершеннолетние дети, последствия за неуплату алиментов, меры ответственности, виды наказаний.*

GRIGOREVA Natalia Vitalievna,
Postgraduate student at the Department of Constitutional and International Law
Donetsk State University,
Donetsk, Russia

Academic Supervisor:
ODEGOVA Lyudmila Yurievna,
Candidate of Law, Associate Professor,
Head of the Department of Constitutional and International Law,
Donetsk State University,
Donetsk, Russia

LEGAL CONSEQUENCES OF PARENTS' FAILURE TO COMPLY WITH ALIMONY OBLIGATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *This work is devoted to studying the consequences of parents' failure to fulfill or improperly fulfilling their obligations to pay alimony in the Russian Federation. It is noted that evading the payment of alimony may lead to the obligated person being held liable under civil, administrative, or criminal law. The legislative norms regulating the application of each of these types of liability are examined, and their specific features are revealed. The judicial practice of holding persons who fail to fulfill alimony obligations liable under administrative and criminal law is analysed. It is concluded that the legislation provides for a sufficient range of liability measures. However, their application to debtors does not always ensure effective collection of alimony. Solving this problem requires a comprehensive approach that involves not only holding accountable*

those who evade their alimony obligations, but also carrying out preventive measures aimed at fostering a more responsible attitude among citizens towards their duties, as well as the mandatory use of mechanisms for pre trial settlement of family conflicts.

Key words: *Alimony obligations, parents, minor children, consequences for non payment of alimony, measures of liability, types of penalties.*

Введение

Одним из приоритетных направлений государственной политики в России является защита прав детей и гарантирование им достойного детства. Данная деятельность осуществляется комплексно посредством системы правовых, экономических и организационных мер. Так, в Семейном кодексе Российской Федерации (далее – СК РФ) закреплена обязанность родителей содержать своих несовершеннолетних детей, независимо от того, сохранён ли брачный союз или прекращён (ст. 80 СК РФ) [1]. Кроме того, закон наделяет ребёнка правом на получение средств на содержание в виде алиментов от своих родителей (ст. 60 СК РФ) [1]. Однако на практике нередки случаи, когда после расторжения брака родитель, не проживающий совместно с ребёнком, отказывается от его содержания. Это выражается не только в отсутствии добровольной помощи, но и в уклонении от выплаты алиментов, установленных судебным решением. В такой ситуации требуется государственное вмешательство, направленное на принуждение недобросовестного родителя к исполнению возложенных на него обязанностей. В Российской Федерации принудительным взысканием алиментов занимается Федеральная служба судебных приставов Российской Федерации (далее – ФССП РФ), а в качестве мер воздействия выступают правовые нормы СК РФ, Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) и Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). К сожалению, следует признать, что, несмотря на значительное количество правовых норм, анализ данных Судебного департамента свидетельствует о большом числе дел, связанных с алиментными обязательствами. Так, в 2025 году судами общей юрисдикции было рассмотрено 114 408 дел о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей [2]. Каждый год тысячи детей остаются без положенной им финансовой помощи со стороны недобросовестного родителя, а вопрос о том, как принудить его платить алименты, продолжает оставаться крайне актуальным. Это подчеркивает необходимость в исследовании вопросов ответственности родителей за невыполнение или ненадлежащее исполнение алиментных обязательств.

Меры ответственности

Проблема неуплаты алиментов, по нашему мнению, обусловлена небрежным отношением плательщика к своей обязанности по их своевременной уплате. Многие родители не осознают, к каким негативным последствиям могут привести утаивание доходов, отказ от выплаты алиментов или их уплата в неполном размере. Даже при увеличении суммы долга многие должники считают, что они смогут погасить накопившуюся задолженность и тем самым избежать привлечения к ответственности. На деле же ситуация обстоит иначе. В связи с особой социальной значимостью алиментных обязательств законодательство устанавливает широкий комплекс мер ответственности за уклонение родителей от содержания своих детей: лицо может нести гражданско-правовую, административную и уголовную ответственность.

1. Гражданско-правовая ответственность

Мерой гражданско-правовой ответственности в алиментных правоотношениях является начисление неустойки за неуплату алиментов. Её суть заключается в том, что если плательщик не перечислил денежные средства в срок, установленный судом либо нотариальным соглашением, закон предусматривает для него ответственность в виде неустойки, призванной компенсировать получателю алиментов убытки, вызванные просрочкой выплат. Согласно положениям ст. 330 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), неустойка представляет собой заранее установленную законом или соглашением сторон фиксированную сумму, подлежащую уплате кредитору должником при неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательства, в том числе в случае его просрочки [3]. Неустойка, выступая средством обеспечения исполнения обязательств и формой ответственности, прежде всего, призвана гарантировать выполнение обязательства и компенсировать причинённый ущерб. Однако в неустойке, начисляемой на сумму невыплаченных алиментов, проявляются не только обеспечительная функция и компенсационная, но также и карательная, направленная на наказание должника. Это должно стимулировать его к добровольному и своевременному выполнению обязательств по содержанию нуждающегося лица.

Правовую основу данной меры составляет ст. 115 СК РФ. При этом, если алименты взысканы в судебном порядке, применяется установленная законом ставка в размере 0,1% от суммы невыплаченных алиментов за каждый день просрочки (п. 2 ст. 115 СК РФ) [1]. Если же алименты выплачиваются на основании соглашения об уплате алиментов, то неустойка начисляется в размере, предусмотренном данным соглашением. При отсутствии такого условия расчёт производится в соответствии с положениями ст. 395 ГК РФ [3].

Несмотря на то что осуществление данной

меры строго регламентировано, на практике все же встречаются проблемы. Так, неустойка подлежит начислению при наличии задолженности по алиментам, если она возникла по вине плательщика. Если же просрочка произошла по обстоятельствам, не зависящим от него (например, из-за задержки работодателем заработной платы или ошибки банка), обязанность по уплате неустойки не возникает. Для этого необходимо представить доказательства, и именно на этом этапе могут возникнуть проблемы. В частности, лицо, обязанное выплачивать алименты, может столкнуться с трудностями при доказательстве того, что просрочка в выплатах произошла не по его вине. Причина в том, что не каждый работодатель готов признать факт несвоевременной выплаты заработной платы. Это связано с тем, что в соответствии со ст. 236 Трудового кодекса Российской Федерации работодатель обязан выплачивать сотруднику денежную компенсацию за каждый день задержки [4]. Поэтому, стремясь избежать финансовых потерь, руководитель может отказаться брать на себя ответственность, даже если нарушение формально есть.

Помимо указанного, нередко причиной отсутствия выплат алиментов становится тот факт, что исполнительный документ был утерян компанией, в которой трудится должник. В таком случае, несмотря на наличие обязательств, удержания из его зарплаты для выплаты алиментов не осуществляются, что, как следствие, приводит к задолженности [5, с. 52]. Доказать факт халатности довольно сложно.

2. Административная ответственность

В случае если начисление неустойки не побудило должника исполнить обязательства по уплате алиментов, судебный пристав-исполнитель инициирует привлечение к административной ответственности.

Административная ответственность за неисполнение обязательств по выплате алиментов предусмотрена ст. 5.35.1 КоАП РФ [6]. В соответствии с данной нормой за неуплату алиментов в размере, определенном судебным решением или нотариально заверенным соглашением, на содержание несовершеннолетних или совершеннолетних нетрудоспособных детей в течение двух месяцев и более с момента возбуждения исполнительного производства, при отсутствии уважительных причин, могут быть применены следующие меры: обязательные работы продолжительностью до 150 часов, административный арест на срок от 10 до 15 суток или наложение административного штрафа в размере 20 000 рублей.

По статистике Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, за 2025 год по ст. 5.35.1 КоАП РФ было вынесено 50 953 постановлений. В результате рассмотрения дел судами 48 922 должника были привлечены к административной ответственности. Среди них: 20 человек (0,04%) получили письменное предупреждение, 45 388 лицам (92,78%) были назначены обязательные работы, 2703 человека (5,53%) подверглись административному аресту, а 811 человек (1,66%) были оштрафованы [2]. Как показывает практика, суды наиболее часто привлекают должников к обязательным работам. Этот вид наказания предполагает выполнение бесплатных общественно полезных работ (уборка территории, благоустройство и прочее) в свободное от основной деятельности (работы, службы, учебы) время [7, с. 16]. Однако надо отметить, что в связи с тем, что общественно полезные работы не оплачиваются, такой подход не способствует уменьшению задолженности по алиментам [8].

3. Уголовная ответственность

Если применение административных мер не привело к погашению задолженности по алиментам, должника привлекают к уголовной ответственности на основании ст. 157 УК РФ. Это наиболее строгая мера, предусмотренная за неуплату алиментов. Многие родители, сознательно и без уважительных причин уклоняющиеся от алиментных платежей, не думают о том, что их действия могут повлечь уголовную ответственность. Они в первую очередь стремятся сохранить собственное материальное благополучие [9, с. 33].

Согласно ст. 157 УК РФ, само по себе отсутствие выплат не является основанием для возбуждения уголовного дела. Уголовная ответственность наступает при установлении неоднократности и умысла [10]. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2022 № 39 «О судебной практике по уголовным делам о неуплате средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (статья 157 Уголовного кодекса Российской Федерации)», деяние считается неоднократным, если в период неуплаты лицо было подвергнуто административному наказанию за аналогичное нарушение (по ст. 5.35.1 КоАП РФ), а годичный срок с момента окончания исполнения соответствующего постановления ещё не истёк. Умысел выражается в сознательном уклонении от исполнения возложенной обязанности, несмотря на фактическую возможность её выполнить [11]. В частности, это может проявляться в отказе трудоустроиться или зарегистрироваться в центре занятости при отсутствии работы. Примером может быть дело № 1-370/2021, рассмотренное 22 февраля 2022 г. Шелеховским городским судом Иркутской области в отношении гражданина РФ, официально нетрудоустроенного, имеющего одного малолетнего ребёнка и обязанного выплачивать алименты на его содержание. Судом установлено, что подсудимый, являясь родителем несовершеннолетнего ребёнка, несмотря на достоверную осведомлённость о судебном решении, согласно

которому он обязан ежемесячно перечислять денежные средства на его содержание, а также о возбуждении в отношении него исполнительного производства, ранее привлечённый мировым судьёй к административной ответственности по ч. 1 ст. 5.35.1 КоАП РФ, необходимых выводов не сделал и продолжил уклоняться от исполнения судебного решения. Подсудимый, осведомлённый о назначенном ему административном наказании, при отсутствии уважительных причин для неисполнения алиментных обязательств, не имея постоянного дохода, несмотря на трудоспособность, в течение продолжительного времени не предпринимал мер для устройства на постоянное место работы. Получаемые им средства от временной трудовой деятельности на выплату алиментов не направлялись, а расходовались по собственному усмотрению; о месте работы судебному приставу-исполнителю он не сообщал и подтверждающие уплату алиментов документы не предоставлял. За содействием в трудоустройстве в ОГКУ «Центр занятости населения» он не обращался, невзирая на то, что имел шанс найти постоянную работу, и не оформлял статус безработного, несмотря на возможность получать пособие по безработице и исполнять алиментные обязательства. В полном объеме и с установленной судом периодичностью (ежемесячно) алименты на содержание несовершеннолетнего не перечислял, участия в воспитании сына, его духовном и физическом развитии, а также в становлении личности, обладающей необходимыми для жизни в обществе качествами, не принимал и мер по погашению задолженности не предпринимал. Суд постановил признать подсудимого виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 157 УК РФ, и назначить ему наказание в виде исправительных работ сроком на 8 (восемь) месяцев с удержанием 5 % (пяти процентов) заработка в доход государства [12].

Статистические данные, собранные Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, показывают, что в 2025 году по ст. 157 УК РФ к уголовной ответственности было привлечено 18 161 лицо. Наказание в виде лишения свободы назначено 1272 лицам, условное осуждение к лишению свободы – 1245 лицам, исправительные работы – 12 193 лицам, обязательные работы – 7 лицам, принудительные работы – 1736 лицам, штраф – 113 лицам [2].

Представленные статистические данные свидетельствуют о том, что в соответствии со ст. 157 УК РФ основным видом наказания является назначение исправительных работ. Осуждённое лицо, имеющее постоянное место занятости, проходит исправительные работы по месту своей основной деятельности (ч. 1 ст. 50 УК РФ) [10]. В тех случаях, когда гражданин не имеет такового, к должникам могут быть применены принудительные работы, так как согласно положениям действующего закона, назначение исправительных работ осуждённым возможно лишь при условии наличия у них официального места трудоустройства. Данный подход представляется особенно эффективным в отношении лиц, имеющих задолженность по алиментным обязательствам, так как, несмотря даже на угрозу уголовного наказания по ст. 157 УК РФ, многие из них по-прежнему избегают официальной трудовой занятости. Применение же наказания в виде принудительных работ предполагает обязательное трудоустройство осуждённых, при этом часть их заработка будет направляться на погашение задолженности по алиментам, а другая часть – в доход государства. Исправительные и принудительные работы эффективны, поскольку обеспечивают принудительное исполнение обязанности по уплате алиментов. В период отбывания такого наказания из заработка осужденного удерживаются алиментные платежи, а также суммы в доход государства в размере, установленном приговором суда [13, с.48].

Однако, несмотря на наказания, решить проблему невыплаты алиментов не удаётся. Это связано с тем, что, как утверждает Л. С. Ржаницына, часть лиц, признанных виновными по ст. 157 УК РФ за уклонение от содержания несовершеннолетних детей, ведут асоциальный образ жизни, склонны к злоупотреблению наркотическими веществами и/или алкоголем, не имеют постоянного места работы и, как следствие, не могут производить алиментные выплаты [14, с. 132]. В 2025 году лишь 1330 человек (7,32%), имевших задолженность по алиментам, были освобождены от уголовной ответственности в связи с полным погашением долга [2]. Учитывая вышеизложенное, становится очевидным, что даже применение уголовного наказания далеко не всегда побуждает к погашению задолженности по алиментам.

Заключение

Таким образом, результаты проведенного анализа позволяют сделать вывод о том, что законодательством предусмотрены достаточные меры гражданско-правовой, административной и уголовной ответственности. Однако использование мер воздействия к должникам не всегда способствует эффективному взысканию алиментов, поскольку многие из них сознательно уклоняются от исполнения соответствующих обязательств. Исходя из этого, полагаем, что сосредоточение исключительно на применении наказаний недостаточно для побуждения плательщика алиментов к их добровольной уплате. Для решения этой задачи необходим комплексный подход, включающий профилактическую работу, направленную на формирование у граждан более ответственного отношения к своим обязанностям. Можно запустить информационную кампанию, которая подчеркнёт значимость своевременных алиментных выплат и осветит негативные последствия их неуплаты. Важно донести до каждого члена об-

щества, что обеспечение детей – это не только юридическое обязательство, но и нравственный долг.

Необходимо также совершенствовать механизмы досудебного урегулирования споров, позволяющие супругам, находящимся в процессе расторжения брака, достигать соглашения по вопросам содержания детей. Нередко отказ от выплаты алиментов обусловлен не злым умыслом, а взаимными обидами и недопониманием. Кроме того, в контексте российского законодательства представляется целесообразным рассмотреть возможность введения нормы, обязывающей супругов урегулировать вопрос об уплате алиментов в рамках бракоразводного процесса. На наш взгляд, только такой подход позволит обеспечить реальное соблюдение права детей на получение материальной поддержки.

Список литературы:

[1] Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.

[2] Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2025 год // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный интернет-портал. URL: https://cdep.ru/?id=79 (дата обращения 08.08.2026).

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.

[4] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 года № 197-ФЗ (ред. от 25.05.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

[5] Слабоспицкий А. С., Царев Д. Л. Некоторые аспекты взыскания алиментов в исполнительном производстве // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. – 2023. –Спецвыпуск № 1.1 (37). – С. 49-56.

[6] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч.1). Ст. 1.

[7] Байсалуева Э. Ф. Обязательные работы как вид административного наказания: некоторые проблемы исполнения // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2020. – №1 (51). – С. 15 -20.

[8] Орлова С. Ю. Счетная палата оценила результаты принудительного взыскания алиментов // Счетная палата Российской Федерации: официальный интернет-портал. URL: https://ach.gov.ru/checks/alimenty?ysclid=mueycpwr2z994965704 (дата обращения 20.08.2026).

[9] Ягодин Р. С., Елисеева Е. С. Проблемные аспекты принудительного взыскания алиментов и применения мер уголовно-правового воздействия на должников, уклоняющихся от содержания своих несовершеннолетних детей // Вестник БелЮИ МВД России. – 2018. – №4. – С. 31-35.

[10] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954

[11] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2022 № 39 «О судебной практике по уголовным делам о неуплате средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (статья 157 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/law/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-22122022/?ysclid=muexq9vl3l819081267 (дата обращения 20.08.2026).

[12] Приговор Шелеховского городского суда Иркутской области от 22 февраля 2022 г. № 1-370/2021 1-81/2022 по делу № 1-370/2021 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/3ZZGbUGwnfO/?ysclid=mu7yi4h53p73751855 (дата обращения: 10.09.2026)

[13] Абовян Э. П., Юнусова К. В. Виды юридической ответственности родителей (осужденных) в алиментных правоотношениях // Право и государство: теория и практика. – 2020. – №7 (187). – С. 46 – 48.

[14] Ржаницына Л. С. Совершенствование системы получения алиментов – путь снижения бедности // Социологические исследования / СОЦИС. – 2021. – № 4. – С. 130-135.

References:

[1] Family Code of the Russian Federation dated December 29, 1995, No. 223-FZ (as amended on March 23, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 1. Art. 16.

[2] Consolidated Statistical Data on the Activities of Federal Courts of General Jurisdiction and Justices of the Peace for 2025 // Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation: Official Website. URL: https://cdep.ru/?id=79 (accessed August 8, 2026).

[3] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994, No. 51-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32, Art. 3301.

[4] Labor Code of the Russian Federation dated December 30, 2001, No. 197-FZ (as amended on May 25, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (Part 1). Art. 3.

[5] Slabospitsky A. S., Tsarev D. L. Certain Aspects of Alimony Collection in Enforcement Proceedings // Bulletin of the S. Y. Witte Moscow University. Series 2: Legal Sciences. – 2023. – Special Issue No. 1.1 (37). – pp. 49–56.

[6] Code of the Russian Federation on Administrative Offenses dated December 30, 2001, No. 195-FZ (as amended on July 26, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002, No. 1 (Part 1), Art. 1.

[7] Baysalueva E. F. Compulsory Labor as a Type of Administrative Penalty: Some Issues Regarding Enforcement // Legal Science and Law Enforcement Practice. – 2020. – No. 1 (51). – pp. 15–20.

[8] Orlova S. Yu. The Accounts Chamber Assesses the Results of Compulsory Child Support Collection // Accounts Chamber of the Russian Federation: Official Website. URL: https://ach.gov.ru/checks/alimenty?ysclid=mueycpwr2z994965704 (accessed August 20, 2026).

[9] Yagodin R. S., Eliseeva E. S. Problematic Aspects of Compulsory Child Support Collection and the Application of Criminal Law Measures Against Debtors Evading the Maintenance of Their Minor Children // Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2018. – No. 4. – pp. 31–35.

[10] Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended on August 4, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.

[11] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 39 of December 22, 2022, «On Judicial Practice in Criminal Cases Concerning the Failure to Pay Funds for the Maintenance of Children or Disabled Parents (Article 157 of the Criminal Code of the Russian Federation)» // Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation. URL: https://sudact.ru/law/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-22122022/?ysclid=muexq9vl3l819081267 (accessed August 20, 2026).

[12] Judgment of the Shelekhov City Court of the Irkutsk Region dated February 22, 2022, No. 1-370/2021 1-81/2022, in case No. 1-370/2021 // Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation. URL: https://sudact.ru/regular/doc/3ZZGbUGwnfO/?ysclid=mu7yi4h53p73751855 (accessed September 10, 2026).

[13] Abovyan E. P., Yunusova K. V. Types of Legal Liability of Parents (Convicts) in Alimony-Related Legal Relations // Law and State: Theory and Practice. – 2020. – No. 7 (187). – pp. 46–48.

[14] Rzhanitsyna L. S. Improving the Alimony Collection System as a Way to Reduce Poverty // Sociological Studies (Sotsiologicheskie issledovaniya / SOCIS). – 2021. – No. 4. – pp. 130–135.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.11.2026 г.
DOI: 10.24412/3033-6724-2026-4-44-48

КЕРИМОВ Ниязи Ибрагим оглы,
студент магистратуры, курс ЮДм-3,
кафедра ПРГД, ФГБОУ ВО «СПбГАСУ,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ АНТИМОНОПОЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Статья посвящена анализу правовых проблем, возникающих при применении антимонопольного законодательства к деятельности цифровых платформ в России. Рассмотрены ключевые новеллы Пятого антимонопольного пакета, включая введение категории «сетевой эффект» и новых пороговых значений контроля экономической концентрации. Исследована практика Федеральной антимонопольной службы на примере дела, связанного с ростом цифровых экосистем на примере ПАО «Сбербанк». Особое внимание уделено принятому в 2025 году Федеральному закону о платформенной экономике и его соотношению с уже действующими нормами конкурентного права. Новизна работы заключается в системной оценке разрыва между традиционными критериями доминирования и многосторонней природой платформенных рынков. Сформулированы предложения по совершенствованию правового регулирования цифровых платформ с учетом накопленной правоприменительной практики.*

Ключевые слова: *цифровые платформы, антимонопольное регулирование, сетевой эффект, доминирующее положение, ФАС России, цифровые экосистемы, конкурентное право.*

KERIMOV Niyazi Ibrahim oglu,
Master's student, cohort YuDm-3,
Department of Legal Regulation of Economic Activity,
Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering (SPbGASU)

LEGAL ISSUES IN THE ANTITRUST REGULATION OF DIGITAL PLATFORMS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *This article analyzes the legal issues that arise when applying antitrust legislation to the operations of digital platforms in Russia. It examines key innovations introduced by the «Fifth Antitrust Package,» including the incorporation of the «network effect» concept and new threshold values for the control of economic concentration. The practice of the Federal Antimonopoly Service (FAS) is explored through a case study involving the growth of digital ecosystems, specifically focusing on Sberbank PJSC. Particular attention is given to the Federal Law on the Platform Economy—adopted in 2025—and its relationship with existing competition law norms. The study's novelty lies in its systematic assessment of the gap between traditional criteria for market dominance and the multi-sided nature of platform markets. Proposals are formulated for improving the legal regulation of digital platforms, taking into account established law-enforcement and regulatory practice.*

Key words: *digital platforms, antitrust regulation, network effect, dominant position, FAS of Russia, digital ecosystems, competition law.*

Цель исследования — выявление основных правовых проблем применения антимонопольного законодательства к деятельности цифровых платформ в Российской Федерации и разработка предложений по совершенствованию соответствующего правового регулирования.

Задачи

1. определить особенности цифровых платформ как объектов антимонопольного регулирования;

2. проанализировать влияние сетевых эффектов на определение рыночной власти цифровых платформ;

3. исследовать изменения, внесенные Пятым антимонопольным пакетом;

4. проанализировать практику применения антимонопольного законодательства к цифровым платформам;

5. определить соотношение антимонопольного законодательства с Федеральным законом от

31.07.2025 № 289-ФЗ;

6. сформулировать предложения по совершенствованию правового регулирования цифровых платформ.

Цифровые платформы как объект антимонопольного контроля: масштаб проблемы

Оборот российских маркетплейсов за два с половиной года увеличился почти в семь раз – с 167 млрд до 1,214 трлн рублей, а число продавцов на этих площадках выросло с 100 тысяч до 700 тысяч организаций. анализ состояния конкуренции на рынке маркетплейсов выявил впечатляющий рост: за 2,5 года товарооборот увеличился более чем в семь раз - с 167 млрд. руб. до 1,214 трлн. руб., количество продавцов выросло в семь раз - с 100 тыс. до 700 тыс. организаций, а аудитория покупателей расширилась почти в шесть раз. За этими цифрами скрывается не просто торговая экспансия, а формирование принципиально новой инфраструктуры экономических отношений, в которой один хозяйствующий субъект одновременно выступает и организатором рынка, и его участником.

Именно эта двойственность делает применение классического антимонопольного аппарата затруднительным. Закон о защите конкуренции построен на модели одностороннего товарного рынка: есть продавец, есть покупатель, есть доля выручки, которую можно измерить в денежном выражении. Цифровая платформа устроена иначе – она соединяет два, а часто и три десятка сторон одновременно, причем для одной из них услуга нередко предоставляется бесплатно. Как в таком случае считать рыночную власть, если формальная «цена» товара равна нулю? Вопрос не риторический – именно на нем спотыкается значительная часть правоприменительной практики последних лет.

Маслов А.О. в диссертационном исследовании, посвященном антимонопольным требованиям к функционированию цифровых платформ, обращает внимание на то, что традиционные количественные пороги доминирования плохо совместимы с транзакционной моделью платформенного бизнеса [8]. Экономическая власть здесь измеряется не столько долей выручки, сколько контролем над инфраструктурой сделки – возможностью определять правила доступа продавцов к покупателям, ранжирование в выдаче, условия оплаты. Регулятор, привыкший работать с товарными рынками в их традиционном понимании, вынужден фактически создавать новый понятийный аппарат на ходу.

Пятый антимонопольный пакет: попытка законодателя догнать реальность

С 1 сентября 2023 года в Закон о защите конкуренции введено понятие «сетевой эффект» – свойство цифрового товарного рынка, которое ставит потребительскую ценность программы в зависимость от изменения количества ее пользователей. Формулировка выглядит громоздкой, но по сути она признает то, что экономисты знали давно: ценность платформы для одного пользователя растет пропорционально числу других пользователей, и именно этот механизм создает естественные барьеры для входа конкурентов.

Одновременно законодатель установил количественный ориентир: сделки экономической концентрации на цифровых рынках стоимостью свыше 7 миллиардов рублей теперь подлежат обязательному согласованию с ФАС России. Добавлено и новое условие для согласования сделки слияния и поглощения с ФАС. Теперь одобрение потребуется, если цена договора превышает 7 млрд руб. Мера призвана предотвратить скупку перспективных стартапов крупными экосистемами до того, как последние успеют превратиться в реальных конкурентов – сценарий, хорошо знакомый по истории поглощения WhatsApp компанией Facebook на других рынках.

Ниже приведено сопоставление регулятивных параметров до и после принятия пакета.

Таблица 1.

Критерий	До 1 сентября 2023 года	После 1 сентября 2023 года
Порог доли рынка для признания доминирования	Общий критерий 50% по ст. 5 Закона о защите конкуренции	35% для владельца платформы при наличии сетевого эффекта [12]
Учет сетевых эффектов	Нормативно не закреплен, применялся ФАС фактически	Введено легальное определение «сетевого эффекта» [12]
Контроль сделок концентрации	Пороги по величине активов и выручки участников	Дополнительный порог – сделки дороже 7 млрд руб. [11]
Административная ответственность за картели	Общие составы ст. 14.32 КоАП РФ	Отягчающее обстоятельство – использование алгоритма, принимающего решение без участия человека [9]

Последняя строка таблицы заслуживает отдельного комментария. Партнер практики антимонопольного права «Пепеляев Групп» Елена Соколовская подчеркивала, что пятый «антимонопольный пакет» включает еще и поправки к КоАП, которые тоже заработают с 1 сентября… отягчающим обстоятельством признается использование участником картеля алгоритма, который позволяет принять антиконкурентное решение автоматически, без участия человека [9]. Норма реагирует на реальную проблему алгоритмического ценового сговора, но ее практическая реализация упирается в сложность доказывания – как установить умысел там, где решение формально принимает не человек, а код?

Здесь стоит сделать оговорку: доктринальная критика новых категорий не заканчивается на процедурных вопросах. Варламова А.Н., рассматривая категории «цифровая платформа» и «цифровой товарный рынок» для целей конкурентного права, указывает на неопределенность границ этих понятий и риск их избыточно широкого толкования правоприменителем [2]. Схожую озабоченность выражает Андреева Л.В., анализируя трансформацию правового понятия посредника при использовании цифровых технологий в торговом обороте, – по ее мнению, действующее законодательство недостаточно четко разграничивает информационного посредника и полноценного участника рыночных отношений [1]. Практика, впрочем, демонстрирует, что регулятор пока предпочитает решать эти вопросы казуально, дело за делом, а не через немедленную корректировку легальных дефиниций.

Цифровые экосистемы и проблема «невидимой» рыночной власти

Финансовая экосистема Сбера дает показательный пример того, как рыночная власть может формироваться без формального нарушения ни одного из существующих антимонопольных запретов. По данным аналитического доклада Банка России, Сбер занимает доминирующее положение в российской банковской системе, обслуживая более половины всех клиентов – физических и юридических лиц (доля Сбера по количеству их счетов составляет 56 %), контролируя порядка 65 % активных платежных карт и более 70 % оборота торгового эквайринга и P2P-переводов. Эти показатели относятся к банковскому сектору как таковому, но экосистема давно вышла за его пределы – в логистику, медицину, образование, развлекательные сервисы.

Регулирование подобных конгломератов пока остается фрагментарным. Деятельность экосистем слабо охвачена специальным антимонопольным контролем именно потому, что формальные признаки доминирования на каждом отдельном рынке – доставке, стриминге, страховании – по отдельности могут не достигать пороговых значений, тогда как совокупный эффект перекрестного субсидирования и передачи данных между сегментами создает конкурентное преимущество, которое традиционный анализ товарного рынка просто не улавливает.

Здесь напрашивается развернутое наблюдение, не привязанное к конкретному источнику. Экосистемная модель бизнеса устроена так, что убыточный на первый взгляд сервис – например, бесплатная доставка или дешевая подписка – финансируется за счет прибыли смежного направления, и именно эта внутренняя субсидия позволяет экосистеме демпинговать против узкоспециализированных конкурентов, которые такой подушки не имеют. Доказать в рамках действующей методологии анализа товарных рынков, что подобное перекрестное субсидирование представляет собой недобросовестную конкуренцию, крайне сложно: формально каждый отдельный сервис работает в своих законных границах, а совокупный эффект накопления рыночной власти остается за скобками правового анализа. Возможно, будущее регулирование пойдет по пути анализа экосистемы как единого хозяйствующего субъекта, а не суммы формально разделенных юридических лиц – но эта идея пока обсуждается скорее в экспертном сообществе, чем в текстах нормативных актов.

Закон о платформенной экономике 2025 года и векторы дальнейшего развития

Определенный сдвиг в этом направлении обозначился летом 2025 года. Проанализированы положения Федерального закона от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации», показывающие попытку системного, а не казуального подхода к платформенным отношениям [7]. Закон впервые на уровне отдельного акта пытается развести понятия оператора платформы, продавца и информационного посредника – проблему, на которую ранее указывали и Андреева [1], и Карапетян в исследованиях о правовой природе оператора посреднической цифровой платформы как информационного посредника [6].

Карапетян А.А., рассматривая особенности правового регулирования платформенной экономики, отмечает сложность самого определения «цифровая платформа» для целей правоприменения – категория оказывается слишком широкой, чтобы служить точным инструментом квалификации нарушений, и слишком узкой, чтобы охватить все многообразие бизнес-моделей [6]. Это, пожалуй, один из наиболее дискуссионных аспектов всей темы: любое нормативное определение рискует либо оставить пробелы для новых форм платформенного бизнеса, либо создать избыточно жесткие рамки, тормозящие развитие технологий.

Практика по-прежнему демонстрирует неоднородную картину применения новых норм в

разных отраслях. В сфере электронной торговли ФАС уже накопила определенный опыт квалификации нарушений через призму сетевых эффектов, тогда как в сегменте финансовых экосистем, о котором говорилось выше, методология анализа только формируется. Овакимян К.Б. в монографии, посвященной правовому регулированию государственного контроля за экономической концентрацией, справедливо указывает на необходимость дифференцированных пороговых значений для разных типов цифровых рынков – единый норматив в 7 миллиардов рублей одинаково применяется и к сделкам с маркетплейсами, и к сделкам с узкоспециализированными сервисами, что не всегда соразмерно реальным рискам для конкуренции [4].

Рачковский И.Б. и Яковлев А.Р., оценивая эффективность цифровой трансформации в целом, приходят к выводу, что институциональная адаптация регулирования систематически отстает от темпов внедрения новых бизнес-моделей на два-три года. Применительно к антимонопольной сфере это означает, что даже удачные законодательные решения – такие как введение категории сетевого эффекта – начинают действовать уже после того, как соответствующие рыночные практики успели укорениться и создать труднообратимые барьеры для конкурентов.

Результаты исследования: в ходе исследования установлено, что применение традиционных критериев определения доминирующего положения не в полной мере учитывает многостороннюю структуру цифровых платформ и влияние сетевых эффектов. Выявлена необходимость комплексного подхода к оценке рыночной власти цифровых экосистем, учитывающего не только долю на отдельном товарном рынке, но и совокупность сетевых эффектов, объём пользовательской базы, доступ к данным и взаимосвязь нескольких рынков.

Заключение

Проведенное рассмотрение позволяет зафиксировать несколько устойчивых выводов. Российское антимонопольное законодательство прошло значимый путь адаптации к платформенной экономике – от полного отсутствия специальных норм до появления категории сетевого эффекта, дифференцированных порогов доминирования и отдельного закона о платформенной экономике 2025 года. Вместе с тем разрыв между многосторонней природой платформенных рынков и традиционным инструментарием анализа товарного рынка сохраняется, особенно применительно к цифровым экосистемам, где формальные признаки доминирования размываются между множеством формально самостоятельных сегментов бизнеса.

Практическая значимость представленного анализа заключается в систематизации проблемных точек, которые могут быть полезны как для правоприменителя при квалификации новых видов нарушений, так и для законодателя при подготовке дальнейших изменений – условно говоря, Шестого антимонопольного пакета, обсуждение которого уже начато в профессиональном сообществе. Дальнейшие исследования, на наш взгляд, должны сосредоточиться на двух направлениях: разработке методологии анализа экосистем как консолидированных экономических субъектов и уточнении критериев доказывания алгоритмического сговора, поскольку без решения этих вопросов даже самые прогрессивные нормативные новеллы рискуют остаться декларативными.

Список литературы:

[1] Андреева Л.В. Трансформация правового понятия посредника при применении цифровых технологий в торговом обороте // Право и цифровая экономика. 2024. № 2. С. 5-12.

[2] Варламова А.Н. Категории «цифровая платформа» и «цифровой товарный рынок» для целей конкурентного права // Конкурентное право. 2025. № 4. С. 6-12.

[3] Дахаева З.И. Цифровые права в системе объектов гражданских прав: проблемы правового регулирования в Российской Федерации // Экономика и управление: проблемы, решения. 2025. С. 114–120.

[4] Карапетян А.А. Оператор посреднической цифровой платформы как информационный посредник // Российское конкурентное право и экономика. URL: https://rkpie.elpub.ru/jour/article/view/651/0 (дата обращения: 28.08.2026).

[5] Карапетян А.А. Особенности правового регулирования платформенной экономики // Российское конкурентное право и экономика. 2025. URL: https://rkpie.elpub.ru/jour/article/view/605 (дата обращения: 28.08.2026).

[6] Маслов А.О. Антимонопольные требования к функционированию цифровых платформ: правовой аспект: дисс. канд. юрид. наук. М., 2022. 196 с.

[7] Овакимян К.Б. Правовое регулирование государственного контроля за экономической концентрацией: монография. М.: Проспект, 2024. 128 с.

References:

[1] Andreeva L.V. Transformation of the Legal Concept of an Intermediary in the Context of Digital Technologies in Commercial Transactions // Law and the Digital Economy. 2024. No. 2. pp. 5–12.

[2] Varlamova A.N. The Categories of «Digital Platform» and «Digital Commodity Market» for the Purposes of Competition Law // Competition Law. 2025. No. 4. pp. 6–12.

[3] Dakhaeva Z.I. Digital Rights within the System of Objects of Civil Rights: Issues of Legal Regulation in the Russian Federation // Economics and Management: Problems, Solutions. 2025. pp. 114–120.

[4] Karapetyan A.A. The Operator of an Intermediary Digital Platform as an Information Intermediary // Russian Competition Law and Economy. URL: https://rkpie.elpub.ru/jour/article/view/651/0 (accessed: 28.08.2026).

[5] Karapetyan A.A. Specifics of the Legal Regulation of the Platform Economy // Russian Competition Law and Economy. 2025. URL: https://rkpie.elpub.ru/jour/article/view/605 (accessed: 28.08.2026).

[6] Maslov A.O. Antitrust Requirements for the Functioning of Digital Platforms: A Legal Perspective: Candidate of Legal Sciences Dissertation. Moscow, 2022. 196 p.

[7] Ovakimyan K.B. Legal Regulation of State Control over Economic Concentration: A Monograph. Moscow: Prospekt, 2024. 128 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.11.2026 г.
DOI: 10.24412/3033-6724-2026-4-49-53

ЧЕРЕПАНОВ Илья Евгеньевич,
студент,
Московский финансово-юридический университет МФЮА,
г. Москва, Россия,
e-mail: sled.com.vsu@bk.ru

Научный руководитель:
ГОГРИЧИАНИ Майя Георгиевна,
кандидат юридических наук, доцент,
Московский финансово-юридический университет МФЮА,
г. Москва, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ВНЕБЮДЖЕТНЫХ ФОНДОВ

Аннотация. *В работе рассматривается, когда целевые публичные средства получают статус государственного внебюджетного фонда и почему эта конструкция не переносится на муниципальный уровень. После начала работы Социального фонда России в 2023 г. правовая конструкция стала компактнее, но не проще: бюджеты государственных внебюджетных фондов утверждаются и проверяются в рамках бюджетного процесса. Сформулированы признаки, отграничивающие фонд от иных целевых средств: публично-правовое основание, самостоятельный бюджет, страховая направленность, специальный управляющий субъект, целевой режим расходования. Показано, что местные программы и инициативные проекты не образуют самостоятельный внебюджетный фонд, а их базовой формой остается местный бюджет.*

Ключевые слова: *государственные внебюджетные фонды, СФР, обязательное медицинское страхование, бюджетный процесс, муниципальные финансы, местный бюджет, финансовый контроль.*

CHEREPANOV Ilya Evgenievich,
Student,
Moscow Financial and Law University MFUA,
Moscow, Russia

Academic Supervisor:
GOGRICHIANI Maya Georgievna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Moscow Financial and Law University MFUA,
Moscow, Russia

ON THE ISSUE OF THE LEGAL STATUS OF STATE AND MUNICIPAL EXTRA-BUDGETARY FUNDS

Annotation. *The paper examines when earmarked public money acquires the status of a state extra-budgetary fund and why this model cannot be transferred to the municipal level. After the Social Fund of Russia started operating in 2023, the institutional design became more compact, although not simpler: the budgets of state extra-budgetary funds are still approved and controlled within the budget process. The features distinguishing a fund from other earmarked funds are formulated: a public-law basis, a separate budget, an insurance purpose, a special managing entity and a targeted spending regime. It is shown that local programmes and initiative projects do not create separate extra-budgetary funds; the local budget remains their basic legal form.*

Key words: *state extra-budgetary funds, Social Fund of Russia, compulsory medical insurance, budget process, municipal finance, local budget, financial control.*

Введение

Термин «внебюджетный фонд» нередко читается буквально, будто речь идет о деньгах за пределами бюджета. В финансовом праве смысл иной. Через такие фонды проходят массовые социальные обязательства: пенсии, пособия, страховые выплаты, финансирование медицинской помощи по обязательному медицинскому стра-

хованию (далее – ОМС). Конституционная характеристика России как социального государства придает этой теме не только техническое, но и правовое значение [1].

В науке финансового права бюджетно-правовой статус государственных внебюджетных фондов рассматривали Н. А. Поветкина и О. С. Соболь; причины создания Социального фонда России и особенности его статуса анализировала А. А. Малышева; вопросы целевых бюджетных фондов затрагивал А. А. Бляшкин [2, с. 10-12; 3, с. 96-104; 4, с. 7-10; 5, с. 23-26]. Вместе с тем соотношение государственных фондов и муниципальных целевых механизмов остается разработанным недостаточно.

Цель статьи – уточнить правовой статус государственных внебюджетных фондов и показать, почему выражение «муниципальный внебюджетный фонд» сегодня требует оговорок. Использованы формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы, а также анализ нормативных актов, правоприменительной практики и доктринальных источников.

Основная часть

Состав государственных внебюджетных фондов не оставлен на усмотрение органов управления. На федеральном уровне в этой группе находятся бюджет Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации (далее – СФР, Социальный фонд России) и бюджет Федерального фонда обязательного медицинского страхования (далее – ФФОМС). На уровне субъектов действуют территориальные фонды обязательного медицинского страхования (далее – ТФОМС) [6].

СФР появился после крупной реформы 2022–2023 гг., когда прежние пенсионный и социальный страховой блоки были сведены в одну организацию. Федеральный закон от 14.07.2022 № 236-ФЗ прямо связывает образование фонда с реорганизацией Пенсионного фонда России и присоединением Фонда социального страхования [7]. Для граждан эта реформа прежде всего заметна через получение выплат и услуг в одном контуре. Пенсионное обеспечение, страхование на случай временной нетрудоспособности, выплаты в связи с материнством и страхование от производственных рисков остались связанными с целевым бюджетным режимом.

У фонда есть центральный аппарат, территориальные органы, подведомственные учреждения, но его бюджет утверждается федеральным законом. Доходы и расходы проходят через бюджетную классификацию, отчетность и контрольные процедуры. Распоряжение денежными средствами остается ограниченным законом и утвержденным бюджетом.

ФФОМС и ТФОМС устроены иначе, чем СФР. Они связаны с обязательным медицинским страхованием, где федеральный уровень задает базовые правила, а территориальный уровень привязан к программам ОМС в субъектах Российской Федерации. Федеральный закон от 29.11.2010 № 326-ФЗ закрепляет участников этой системы, источники финансового обеспечения базовой и территориальных программ, а также полномочия фондов [8].

На доходной стороне фондов находятся страховые взносы, трансферты из бюджета, отдельные неналоговые поступления и иные разрешенные законом источники. На расходной стороне пенсии, пособия, страховое обеспечение, оплата медицинской помощи по ОМС и сопутствующие административные расходы.

Из изложенного следует, что отличать государственный внебюджетный фонд от иных целевых средств позволяет совокупность признаков: публично-правовое основание образования (федеральный закон); наличие самостоятельного бюджета, входящего в бюджетную систему; страховая направленность средств; специальный субъект, управляющий средствами (СФР, ФФОМС, ТФОМС); целевой режим расходования, подчиненный бюджетной отчетности и внешнему контролю. Государственный внебюджетный фонд можно определить как форму образования и расходования публичных денежных средств, обладающую этими признаками [2, с. 10-12; 3, с. 96-104].

Не всякий целевой фонд отвечает названным признакам. Дорожные и иные целевые бюджетные фонды, существовавшие в бюджетной практике, образуются внутри соответствующего бюджета и не составляют отдельного звена бюджетной системы [5, с. 23-26]. В экономико-правовой литературе также выделяют государственные фонды специального назначения, правовой режим которых отличается от режима социальных страховых фондов [9]. Благотворительные и иные частные фонды не имеют публично-правового характера и к рассматриваемой категории не относятся.

Бюджетный процесс по государственным внебюджетным фондам близок к федеральному бюджетному процессу, хотя имеет собственный предмет. Проект бюджета фонда готовится в рамках установленной процедуры, затем он проходит внесение, рассмотрение и утверждение. В законе фиксируются доходы, расходы, дефицит или профицит, источники его покрытия, распределение ассигнований. Отдельно утверждаются отчеты об исполнении.

Счетная палата проверяет федеральный бюджет и бюджеты государственных внебюджетных фондов [10]. Ошибка в прогнозе взносов, задержка трансферта или нецелевое расходование средств быстро отражаются на выплатах гражданам и на оплате медицинской помощи.

Судебная практика показывает, как бюджетные правила работают уже после возникновения денежного требования к публичному субъекту. В постановлениях от 22.06.2023 № 34-П и от

25.01.2024 № 3-П Конституционный Суд РФ рассматривал вопрос об индексации присужденных сумм при исполнении судебных актов через механизм Бюджетного кодекса [11; 12]. В постановлении от 31.03.2026 № 19-П похожая логика была применена к невыплаченным пенсионным суммам и действиям территориального органа СФР [13].

Бюджетный кодекс не содержит конструкции, которая позволяла бы поставить рядом с местным бюджетом самостоятельный муниципальный внебюджетный фонд по образцу СФР или ФФОМС. У каждого муниципального образования есть собственный бюджет; через него должны проходить расходные обязательства муниципального образования. Иные формы образования и расходования средств для этих обязательств бюджетным законодательством не предусмотрены [6]. Как отмечается в учебной литературе, экономическую основу местного самоуправления составляют местный бюджет и муниципальная собственность [14].

Закон 2003 г. связывал экономическую основу муниципального уровня с местным бюджетом и муниципальным имуществом [15]. Закон 2025 г. перестроил модель местного самоуправления в единой системе публичной власти, но специальный вид муниципальных внебюджетных фондов в нее не добавил [16]. Если у муниципалитета возникает программа благоустройства, поддержки инициативных проектов или развития инфраструктуры, ее финансирование должно быть видно в бюджетной росписи, отчетности и контрольных материалах.

Практика инициативного бюджетирования подтверждает этот вывод. По данным НИФИ Минфина России, в 2024 г. в субъектах Российской Федерации было реализовано 37 351 проект инициативного бюджетирования, а общий объем средств, привлеченных от граждан и бизнеса, составил порядка 1,41 млрд руб. [17]. Эти средства вовлекаются в местные бюджеты и не образуют самостоятельных фондов.

Путаница возникает из-за близости нескольких понятий. Есть целевые средства. Есть публичный денежный фонд. Есть местный бюджет. Есть государственный внебюджетный фонд. В обычной речи эти выражения легко смешиваются, но для финансового права между ними проходит граница. Целевое назначение отвечает на вопрос, на что можно потратить деньги. Статус внебюджетного фонда отвечает на другой вопрос, каким законом создан фонд, кто утверждает его бюджет, кто проверяет исполнение и как учитываются доходы и расходы. Без этих признаков корректнее говорить о целевых средствах или бюджетных ассигнованиях.

Для муниципалитетов более реалистичен не поиск новой формы фонда, а аккуратная настройка целевых инструментов внутри местного бюджета. Это муниципальные программы, инициативное бюджетирование, межбюджетные трансферты, субсидии, публичные отчеты о результатах расходов. Такие механизмы не выглядят столь автономно, зато они понятны для проверки: есть решение о бюджете, лимиты, исполнение, отчет. Для государственных внебюджетных фондов набор задач иной: устойчивость страховых поступлений, точность прогноза, зависимость от трансфертов и способность обеспечить выплаты в срок.

Выводы

Государственные внебюджетные фонды занимают особое место в бюджетной системе Российской Федерации. Они имеют собственные бюджеты и управленческую инфраструктуру, но не отделены от федеральных правил планирования, исполнения и контроля. Их назначение связано прежде всего с социальными выплатами и обязательным медицинским страхованием. Отграничивать фонд от иных целевых средств следует по совокупности признаков: публично-правовое основание, самостоятельный бюджет, страховая направленность, специальный управляющий субъект и целевой режим расходования. Муниципальный уровень построен иначе: денежные обязательства муниципальных образований должны проходить через местные бюджеты, а не через параллельные фонды. Поэтому термин «муниципальный внебюджетный фонд» не должен подменять целевые инструменты местного бюджета, к числу которых относятся инициативные проекты и муниципальные программы

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ, включающий новые субъекты Российской Федерации – Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую область и Херсонскую область, опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации http://pravo.gov.ru, 06.10.2022. (дата обращения: 02.09.2026).

[2] Поветкина, Н. А. Государственные внебюджетные фонды: специфика бюджетно-правового статуса // Финансовое право. 2024. № 11. С. 10-12.

[3] Соболь, О. С. Бюджеты государственных внебюджетных фондов: правовое регулирование в современный период // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 7 (119). С. 96-104.

[4] Малышева, А. А. Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации: причины создания и особенности финансово-правового статуса // Налоги. 2023. № 2. С. 7-10.

[5] Бляшкин, А. А. О некоторых вопросах института целевых бюджетных фондов // Финансовое право. 2023. № 5. С. 23-26.

[6] Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 26.06.2026) // Со-

брание законодательства РФ, 03.08.1998, № 31, ст. 3823.

[7] Федеральный закон от 14.07.2022 № 236-ФЗ (ред. от 25.05.2026) «О Фонде пенсионного и социального страхования Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 18.07.2022, № 29, ст. 5203.

[8] Федеральный закон от 29.11.2010 № 326-ФЗ (ред. от 20.02.2026) «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 06.12.2010, № 49, ст. 6422.

[9] Полякова, О. А., Литвин В. В., Ложечко А. С. Теоретические основы функционирования государственных фондов специального назначения: российский и международный опыт // Вестник Евразийской науки. 2025. Т. 17. № 6. URL: https://esj.today/61ecvn625.html (дата обращения: 29.07.2026).

[10] Федеральный закон от 05.04.2013 № 41-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О Счетной палате Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 08.04.2013, № 14, ст. 1649.

[11] Постановление Конституционного Суда РФ от 22.06.2023 № 34-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 183 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, пунктов 1 и 2 статьи 242.1 и пункта 6 статьи 242.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_450280/ (дата обращения: 02.09.2026).

[12] Постановление Конституционного Суда РФ от 25.01.2024 № 3-П «По делу о проверке конституционности статьи 208 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, пунктов 1 и 2 статьи 242.1 и пункта 6 статьи 242.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации, а также отдельных положений Федерального закона от 08.05.2010 № 83-ФЗ в связи с жалобами граждан И.В. Гусевой и С.Н. Тихомирова» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_467919/ (дата обращения: 02.09.2026).

[13] Постановление Конституционного Суда РФ от 31.03.2026 № 19-П «По делу о проверке конституционности статьи 208 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 242.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки В.А. Левыкиной» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_530241/ (дата обращения: 02.09.2026).

[14] Кокотов, А. Н. Муниципальное право России: учебник для вузов. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2026. 368 с.

[15] Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 20.03.2025) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 06.10.2003, № 40, ст. 3822.

[16] Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Официальный интернет-портал правовой информации, http://pravo.gov.ru, 20.03.2025. (дата обращения: 02.09.2026).

[17] Доклад о лучших практиках развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях за 2024 год / НИФИ Минфина России. М., 2025. URL: https://www.nifi.ru/images/FILES/IB/2025/Doklad_o_luchshikh_praktikakh-2025.pdf (дата обращения: 30.07.2026).

References:

[1] Constitution of the Russian Federation (adopted by nationwide vote on December 12, 1993, with amendments approved during a nationwide vote on July 1, 2020) // The official text of the Constitution of the Russian Federation, incorporating the new constituent entities of the Russian Federation—the Donetsk People's Republic, the Luhansk People's Republic, the Zaporozhye Region, and the Kherson Region—was published on the Official Internet Portal of Legal Information (http://pravo.gov.ru) on October 6, 2022. (Accessed: September 2, 2026).

[2] Povetkina, N. A. State Extra-Budgetary Funds: Specifics of Their Budgetary-Legal Status // Financial Law. 2024. No. 11. pp. 10–12.

[3] Sobol, O. S. Budgets of State Extra-Budgetary Funds: Legal Regulation in the Contemporary Period // Bulletin of the O. E. Kutafin University (MSAL). 2024. No. 7 (119). pp. 96–104.

[4] Malysheva, A. A. The Pension and Social Insurance Fund of the Russian Federation: Reasons for Its Establishment and Specifics of Its Financial-Legal Status // Taxes. 2023. No. 2. pp. 7–10.

[5] Blyashkin, A. A. On Certain Issues Regarding the Institution of Targeted Budgetary Funds // Financial Law. 2023. No. 5. pp. 23–26. [6] Budget Code of the Russian Federation dated July 31, 1998, No. 145-FZ (as amended on June 26, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation, August 3, 1998, No. 31, Art. 3823.

[7] Federal Law dated July 14, 2022, No. 236-FZ (as amended on May 25, 2026) «On the Pension and Social Insurance Fund of the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation, July 18, 2022, No. 29, Art. 5203.

[8] Federal Law dated November 29, 2010, No. 326-FZ (as amended on February 20, 2026) «On Compulsory Medical Insurance in the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation, December 6, 2010, No. 49, Art. 6422.

[9] Polyakova, O. A., Litvin, V. V., & Lozhechko, A. S. Theoretical Foundations for the Functioning of State Special-Purpose Funds: Russian and International Experience // Bulletin of Eurasian Science. 2025. Vol. 17. No. 6. URL: https://esj.today/61ecvn625.html (accessed: July 29, 2026).

[10] Federal Law dated April 5, 2013, No. 41-FZ (as

amended on December 28, 2025) «On the Accounts Chamber of the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation, April 8, 2013, No. 14, Art. 1649.

[11] Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated June 22, 2023, No. 34-P "On the case concerning the constitutionality of the provisions of Article 183 of the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation, Clauses 1 and 2 of Article 242.1, and Clause 6 of Article 242.2 of the Budget Code of the Russian Federation, in connection with a request from the Supreme Court of the Russian Federation" // "ConsultantPlus" legal reference system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_450280/ (accessed: September 2, 2026).

[12] Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated January 25, 2024, No. 3-P "On the case concerning the constitutionality of Article 208 of the Civil Procedural Code of the Russian Federation, Clauses 1 and 2 of Article 242.1, and Clause 6 of Article 242.2 of the Budget Code of the Russian Federation, as well as certain provisions of Federal Law No. 83-FZ of May 8, 2010, in connection with complaints filed by citizens I. V. Guseva and S. N. Tikhomirov" // "ConsultantPlus" legal reference system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_467919/ (accessed: September 2, 2026). [13] Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 31, 2026, No. 19-P "On the Case Concerning the Constitutionality of Article 208 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation and Article 242.1 of the Budget Code of the Russian Federation, in Connection with a Complaint Filed by Citizen V. A. Levykina" // "ConsultantPlus" Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_530241/ (accessed: September 2, 2026).

[14] Kokotov, A. N. Municipal Law of Russia: A Textbook for Higher Education Institutions. 9th ed., revised and supplemented. Moscow: Yurayt, 2026. 368 p.

[15] Federal Law No. 131-FZ of October 6, 2003 (as amended on March 20, 2025) "On General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation, October 6, 2003, No. 40, Art. 3822.

[16] Federal Law No. 33-FZ of March 20, 2025 "On General Principles of the Organization of Local Self-Government within the Unified System of Public Authority" // Official Internet Portal of Legal Information, http://pravo.gov.ru, March 20, 2025 (accessed: September 2, 2026).

[17] Report on Best Practices in the Development of Participatory Budgeting in the Constituent Entities of the Russian Federation and Municipalities for 2024 / Financial Research Institute (NIFI) of the Ministry of Finance of Russia. Moscow, 2025. URL: https://www.nifi.ru/images/FILES/IB/2025/Doklad_o_luchshikh_praktikakh-2025.pdf (accessed: 30.07.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.11.2026 г.
DOI: 10.24412/3033-6724-2026-4-54-58

РЫБАКОВА Л.А.,
студент 2 курса магистратуры
Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС,
Новосибирск, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
КАЛЬЯК А.М.,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса,
Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС,
Новосибирск, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО К ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Аннотация. *В статье исследуются актуальные проблемы, возникающие при привлечении арбитражного управляющего к ответственности. Установлено, что действующее правовое регулирование содержит ряд существенных недостатков: нормативную неопределенность критериев добросовестности и разумности, несоразмерно низкий размер административных санкций, пробелы в механизме страхования ответственности, отсутствие четко очерченных оснований для дисквалификации. На основе системного анализа норм Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», КоАП РФ и УК РФ предложен комплекс мер по совершенствованию законодательства в данной сфере.*

Ключевые слова: *арбитражный управляющий, несостоятельность (банкротство), гражданско-правовая ответственность, административная ответственность, дисквалификация, добросовестность, саморегулируемая организация, страхование ответственности.*

RYBAKOVA L.A.,
2nd-year Master's student,
Siberian Institute of Management – a branch of RANEPA,
Novosibirsk, Russia

Academic Supervisor:
KALYAK A.M.,
Candidate of Legal Sciences (PhD in Law),
Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure,
Siberian Institute of Management – a branch of RANEPA,
Novosibirsk, Russia

CURRENT ISSUES REGARDING THE LIABILITY OF INSOLVENCY ADMINISTRATORS IN THE RUSSIAN FEDERATION AND WAYS TO ADDRESS THEM

Annotation. *This article examines current issues arising in connection with holding an insolvency administrator (arbitration manager) liable. It is established that the existing legal framework contains several significant shortcomings: regulatory ambiguity regarding the criteria for «good faith» and «reasonableness,» disproportionately low administrative sanctions, gaps in the liability insurance mechanism, and a lack of clearly defined grounds for disqualification. Based on a systematic analysis of the provisions of the Federal Law «On Insolvency (Bankruptcy),» the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, and the Criminal Code of the Russian Federation, a set of measures is proposed to improve legislation in this area.*

Key words: *insolvency administrator (arbitration manager), insolvency (bankruptcy), civil liability, administrative liability, disqualification, good faith, self-regulatory organization, liability insurance.*

За последние пять лет в Федеральный закон от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [4] было внесено более ста изменений, при этом основная масса поправок касалась уточнения процедурных вопросов, распределения полномочий между участниками дела и усиления контроля за проводимыми операциями. Центральная фигура

банкротного процесса – арбитражный управляющий –продолжает действовать в условиях нормативной неопределенности, прежде всего в части критериев оценки его поведения и механизмов реализации ответственности.

Вместе с тем представляется некорректным игнорировать те шаги, которые законодателем и Верховным Судом уже предприняты в направлении систематизации требований к арбитражному управляющему.

Ряд поправок в Федеральный закон № 127-ФЗ, а также утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ Обзор судебной практики по вопросам участия арбитражного управляющего в деле о банкротстве ориентированы на более четкое очерчивание его процессуального статуса и выработку единых подходов к оценке исполнения им обязанностей.

Однако данные меры, имея определенную позитивную роль, носят преимущественно точечный характер, вследствие чего базовые вопросы содержания стандартов добросовестности и разумности, а также конструкция ответственности управляющего остаются предметом научной дискуссии и неоднородной правоприменительной практики.

На сегодняшний день управляющий наделен значительным объемом полномочий: он управляет имуществом должника, оспаривает подозрительные сделки, взыскивает дебиторскую задолженность, распределяет конкурсную массу между кредиторами.

Пункт 4 статьи 20.3 Федерального закона № 127-ФЗ прямо предписывает арбитражному управляющему действовать добросовестно и разумно. Проблема в том, что ни этот закон, ни связанные с ним нормативные акты не раскрывают содержание указанных категорий применительно к конкретной профессиональной деятельности.

Аблятипова Н. А. и Еремин В. Ю. в своем исследовании обращают внимание на то, что принцип добросовестности в деятельности арбитражного управляющего фактически превращается в «каучуковую норму», наполнение которой целиком зависит от усмотрения суда [7, с. 170]. С этим трудно не согласиться.

Если попытаться взглянуть на эту проблему иначе, обнаруживается еще одна неочевидная сторона. Отсутствие законодательных критериев добросовестности создает асимметрию процессуального положения сторон в обособленном споре о взыскании убытков. Кредитор обязан доказать факт нарушения, размер убытков и причинную связь, тогда как управляющий должен лишь опровергнуть предъявленные доводы. При этом управляющий, как правило, располагает несопоставимо большим объемом информации о реальном финансовом состоянии должника. Получается, что тот, кто лучше осведомлен о фактических обстоятельствах дела, несет меньшее доказательственное бремя, а это само по себе противоречит общей логике гражданского судопроизводства.

Кроме того, управляющий, принимающий то или иное решение в условиях информационной асимметрии о финансовом состоянии должника, не может с достаточной степенью уверенности предположить: признает ли суд его поведение добросовестным или нет.

Такая неопределенность действует в обе стороны – стимулирует избыточную осторожность у добросовестных управляющих и открывает простор для злоупотреблений со стороны недобросовестных кредиторов, стремящихся использовать размытость стандарта в собственных интересах. Думается, это одна из наиболее серьезных системных проблем всего института.

Решение видится во введении в статью 20.3 Закона о банкротстве открытого перечня типовых ситуаций, в которых поведение управляющего презюмируется недобросовестным. По аналогии с корпоративным законодательством следует закрепить опровержимые презумпции для следующих случаев: неоспаривание сделок должника при наличии явных признаков их подозрительности; длительное непринятие мер по взысканию дебиторской задолженности при реальной перспективе ее взыскания; непредъявление требований к контролирующим должника лицам при наличии документально подтвержденных оснований. При этом управляющий должен сохранить возможность опровергнуть такую презумпцию, доказав, что его бездействие было обусловлено объективными обстоятельствами и соответствовало стандарту разумного профессионального поведения.

Часть 3 статьи 14.13 КоАП РФ предусматривает ответственность за неисполнение арбитражным управляющим обязанностей, установленных законодательством о банкротстве, в виде предупреждения или штрафа [3]. Максимальный размер штрафа по данной норме – 50 тыс. рублей, тогда как вознаграждение управляющего в средних по объему делах о банкротстве юридических лиц составляет от нескольких сотен тысяч до нескольких миллионов рублей. Такое соотношение не создает реального сдерживающего эффекта.

В части административной ответственности показателен подход Девятого арбитражного апелляционного суда, который в постановлении от 27.06.2024 № 09АП-27456/24 по делу № А40-19422/2024, привлекая управляющего по части 3 статьи 14.13 КоАП РФ, избрал предупреждение, мотивируя это отсутствием ущерба и характером нарушений. Обзор практики по этой норме показывает, что суды постепенно дифференцируют меры наказания, используя штраф прежде всего в случаях с более тяжелыми последствиями [12].

Управляющие, допускающие процедурные нарушения, нередко рассматривают возможный штраф как допустимые издержки профессио-

нальной деятельности. Петрова Е. А. в своей работе констатирует, что подобная «ценовая политика» санкций применительно к профессиональным участникам рынка банкротств давно требует пересмотра [10, с. 93]. Средний размер назначенного судами штрафа сопоставим с вознаграждением управляющего за 1-2 месяца работы по делу – при таком соотношении санкция объективно не выполняет предупредительной функции, закрепленной в статье 3.1 КоАП РФ. Представляется, что максимальный размер штрафа по части 3 статьи 14.13 КоАП РФ следует увеличить до 300 тыс. рублей с дифференциацией в зависимости от тяжести нарушения и наступивших последствий.

Часть 3.1 статьи 14.13 КоАП РФ предусматривает дисквалификацию управляющего при повторном нарушении в течение одного года. Однако законодательство не содержит критериев, разграничивающих нарушения, при которых дисквалификация является обязательной, и те случаи, когда суд вправе назначить иное наказание. На практике это порождает значительный разброс подходов: в схожих ситуациях один суд применяет дисквалификацию, другой - ограничивается штрафом.

Мы полагаем, что целесообразно закрепить в статье 14.13 КоАП РФ перечень обязательных оснований для дисквалификации. К таковым следует отнести: причинение убытков конкурсной массе в крупном размере (свыше 5 млн рублей), подтвержденное вступившим в силу судебным актом; совершение трех и более однородных нарушений в течение одного года; воспрепятствование контрольной деятельности Росреестра или саморегулируемой организации.

Одновременно необходимо предусмотреть механизм замены дисквалификации повышенным штрафом при наличии смягчающих обстоятельств, прежде всего – при добровольном возмещении ущерба до вынесения постановления по делу об административном правонарушении.

Статья 24.1 Федерального закона № 127-ФЗ закрепляет обязанность арбитражного управляющего заключать договор обязательного страхования ответственности. Страховой механизм призван обеспечить реальное возмещение убытков в случаях, когда личного имущества управляющего для этого недостаточно. Однако анализ показывает: действующее регулирование содержит существенные пробелы, снижающие практическую ценность страховой защиты.

Закон не определяет порядок взаимодействия страховщика, саморегулируемой организации и кредиторов в ситуации, когда размер убытков превышает страховую сумму. Формально кредитор вправе обратиться за компенсационной выплатой из компенсационного фонда саморегулируемой организации, однако механизм реализации этого права в законе прописан крайне неполно: не установлены сроки рассмотрения обращения, не определены критерии отказа в выплате, не урегулирован порядок регрессного требования организации к управляющему. Обращает на себя внимание и то, что законодатель не предусмотрел единого реестра договоров страхования ответственности арбитражных управляющих – его отсутствие затрудняет оперативное привлечение страховщиков к участию в судебных спорах.

Предлагается ввести трехуровневую систему возмещения убытков: страховщик – компенсационный фонд саморегулируемой организации – личное имущество управляющего, с четкой регламентацией порядка последовательного предъявления требований на каждом уровне. Одновременно необходимо создать единый электронный реестр договоров страхования и уточнить критерии соразмерности страховой суммы реальным рискам конкретного дела.

Уголовная ответственность арбитражного управляющего, предусмотренная статьями 160, 165, 201 УК РФ [2], представляет собой крайнюю меру воздействия. Она наступает при совершении деяний, обладающих признаками присвоения имущества должника, злоупотребления полномочиями с причинением существенного вреда или причинения имущественного ущерба путем злоупотребления доверием.

Разграничение между уголовно наказуемым деянием и административным правонарушением составляет одну из наиболее дискуссионных практических проблем. Неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей, не содержащее признаков состава преступления, влечет лишь административную ответственность по части 3 статьи 14.13 КоАП РФ. Переход за эту черту требует установления умысла на причинение вреда либо факта извлечения личной выгоды – что само по себе является процессуально непростой задачей. Афанасьева А. Р. в своей работе отмечает, что число реально завершенных уголовных преследований в отношении арбитражных управляющих остается низким именно в силу сложности доказывания субъективной стороны состава преступления [9, с. 553].

Сарнаков И. В. указывает на нередкое смешение оснований административной и уголовной ответственности при квалификации действий управляющего, что ведет либо к избыточной уголовной репрессии, либо к фактической безнаказанности при наличии признаков преступления [11, с. 46]. Представляется, что решить эту проблему без четкой доктринальной позиции Верховного Суда невозможно.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

Система ответственности арбитражного управляющего в российском праве сформирована и включает гражданско-правовую, административную, дисциплинарную и уголовную составляющие. Вместе с тем каждый из этих видов ответственности обнаруживает собственные

проблемы.

Совершенствование законодательства должно идти по нескольким направлениям одновременно. Необходимо ввести в статью 20.3 Закона о банкротстве перечень опровержимых презумпций недобросовестности, увеличить максимальный размер штрафа по части 3 статьи 14.13 КоАП РФ до 300 тыс. рублей, формализовать основания для дисквалификации и заполнить пробелы в регулировании страхового механизма путем введения трехуровневой системы возмещения убытков. Параллельно – на уровне разъяснений Верховного Суда – требуется установить единые стандарты оценки разумности действий управляющего и решить вопрос об отнесении судебных расходов по обособленным спорам на личные средства управляющего при признании его действий незаконными.

Реализация предложенных мер не только повысит предсказуемость правового положения арбитражного управляющего, но и укрепит доверие участников гражданского оборота к институту несостоятельности в целом. Можно предположить, что в долгосрочной перспективе повышение качества правового регулирования ответственности управляющих будет способствовать росту эффективности всех процедур банкротства, снижению числа злоупотреблений и более справедливому распределению имущества несостоятельных должников между кредиторами.

Подводя результаты проведенного анализа в более широкий контекст, следует признать, что институт ответственности арбитражного управляющего находится в точке, когда частичных «точечных» поправок уже недостаточно. Разрозненные изменения в КоАП РФ, ФЗ-127 или разъяснениях судебных инстанций будут давать локальный эффект, но не устранят системного противоречия между публично-правовой природой деятельности управляющего и преимущественно частноправовым характером его ответственности.

Разрешение этого противоречия требует концептуального подхода и, возможно, в форме отдельной главы Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», специально посвященной стандартам поведения и системе ответственности управляющего, где в единой логике были бы закреплены критерии добросовестности, санкционный инструментарий и механизм страхования.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

[3] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ (ред. от 07.04.2025 г.)) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

[4] Федеральный закон от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 09.04.2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.

[5] Федеральный закон от 1 декабря 2007 года № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» (ред. от 31.07.2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 49. Ст. 6076.

[6] Абзаева Т. П., Шишмарева Т. П. Гражданско-правовая ответственность арбитражного управляющего: основания, условия, страхование // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2023. № 4. С. 92-103.

[7] Аблятипова Н. А., Еремин В. Ю. Проблематика принципа добросовестности в деятельности арбитражного управляющего в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (7). № 3. С. 170-176.

[8] Алимова Я. О., Викторова Н. Н., Енькова Е. Е. Правовое регулирование банкротства: учебник. М.: Проспект, 2021. 720 с.

[9] Афанасьева А. Р. Уголовная ответственность арбитражного управляющего в деле о банкротстве // E-Scio. 2021. № 5 (56). С. 553-560.

[10] Петрова Е. А. Актуальные вопросы привлечения арбитражного управляющего к ответственности // Научный журнал. 2025. № 7. С. 93-98.

[11] Сарнаков И. В., Мазур О. В. Проблемы применения административной ответственности к арбитражным управляющим // Ученые записки. 2023. № 9-7 (5). С. 46-49.

[12] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 27.06.2024 № 09АП-27456/24 по делу № А40-19422/2024 // СПС Гарант. URL: https://base.garant.ru/66120966/?ysclid=mvz96cz7xo751395114 (дата обращения: 19.09.2026).

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation. Part One, dated November 30, 1994, No. 51-FZ (as amended on July 31, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.

[2] Criminal Code of the Russian Federation, dated June 13, 1996, No. 63-FZ (as amended on April 9, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.

[3] Code of the Russian Federation on Administrative Offenses, dated December 30, 2001, No. 195-FZ (as amended on April 7, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (Part I). Art. 1.

[4] Federal Law dated October 26, 2002, No. 127-FZ «On Insolvency (Bankruptcy)» (as amended on April 9, 2026) // Collected Legislation of the Russian

Federation. 2002. No. 43. Art. 4190.

[5] Federal Law dated December 1, 2007, No. 315-FZ «On Self-Regulatory Organizations» (as amended on July 31, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2007. No. 49. Art. 6076.

[6] Abzaeva T. P., Shishmareva T. P. Civil Liability of an Arbitration Manager: Grounds, Conditions, and Insurance // Bulletin of the Arbitration Court of the Moscow District. 2023. No. 4. pp. 92–103.

[7] Ablyatipova N. A., Eremin V. Yu. Issues Concerning the Principle of Good Faith in the Activities of an Arbitration Manager within Insolvency (Bankruptcy) Proceedings // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal Sciences. 2019. Vol. 5 (7). No. 3. pp. 170–176.

[8] Alimova Ya. O., Viktorova N. N., Enkova E. E. Legal Regulation of Bankruptcy: A Textbook. Moscow: Prospekt, 2021. 720 p.

[9] Afanasyeva A. R. Criminal Liability of an Arbitration Manager in Bankruptcy Proceedings // E-Scio. 2021. No. 5 (56). pp. 553–560.

[10] Petrova E. A. Current Issues Regarding the Imposition of Liability on an Arbitration Manager // Scientific Journal. 2025. No. 7. pp. 93–98.

[11] Sarnakov I. V., Mazur O. V. Problems in Applying Administrative Liability to Arbitration Managers // Scientific Notes. 2023. No. 9-7 (5). pp. 46–49.

[12] Ruling of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated June 27, 2024, No. 09AP-27456/24, in Case No. A40-19422/2024 // Garant Legal Reference System. URL: https://base.garant.ru/66120966/?ysclid=mvz96cz7xo751395114 (accessed: 19.09.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.11.2026 г.
DOI: 10.24412/3033-6724-2026-4-59-63

ГОЛУБЕВА Юлия Дмитриевна,
магистрант 3 курса, направление подготовки 40.04.01
Правосудие по уголовным делам,
Ростовского института (филиал)
ВГУЮ (РПА Минюста России),
e-mail: juliagolubeva16@yandex.ru

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАРКОБИЗНЕСУ И ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. *В статье исследуется зарубежный опыт противодействия наркобизнесу с учетом цифровизации незаконного рынка и транснационального характера поставок. На основе сравнительно-правового, статистического и кейс-методов рассмотрены механизмы США и Европейского союза: межведомственные оперативные группы, совместные расследования, финансовое преследование, контроль портовой инфраструктуры и ускоренное получение электронных доказательств. Эмпирическую основу составили международные доклады 2025–2026 годов и материалы резонансных операций «RapTor», «Deep Sentinel» и пресечения поставки десяти тонн кокаина в Испании. Выявлены препятствия для прямого переноса зарубежных решений: различия юрисдикций, стандартов допустимости доказательств, режимов доступа к данным и конфискации активов, а также эффект перемещения преступной активности. Предложены решение проблем, включающие правовую совместимость, процессуальную воспроизводимость, институциональную реализуемость и измеримый антикриминальный эффект.*

Ключевые слова: *наркобизнес, зарубежный опыт, организованная преступность, даркнет, электронные доказательства, международное сотрудничество, конфискация активов, Europol, Eurojust, DEA.*

GOLUBEVA Yulia Dmitrievna,
3rd-year Master's student, field of study 40.04.01
Criminal Justice,
Rostov Institute (branch)
VGUYu (Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia)

FOREIGN EXPERIENCE IN COMBATING THE DRUG TRADE AND KEY CHALLENGES TO ITS APPLICATION IN THE CONTEMPORARY CONTEXT

Annotation. *This article examines foreign approaches to combating the drug trade, taking into account the digitalization of illicit markets and the transnational nature of supply chains. Utilizing comparative legal analysis, statistical data, and case studies, the article explores mechanisms employed by the United States and the European Union, including interagency task forces, joint investigations, financial investigations, the monitoring of port infrastructure, and expedited access to electronic evidence. The empirical basis includes international reports from 2025–2026, as well as materials from high-profile operations such as «RapTor» and «Deep Sentinel,» and the interdiction of a ten-ton cocaine shipment in Spain. The study identifies obstacles to the direct adoption of these foreign models, such as jurisdictional disparities, varying standards for the admissibility of evidence, differences in data access and asset forfeiture regimes, and the «displacement effect» (where criminal activity shifts to other areas). The article proposes solutions based on legal compatibility, procedural replicability, institutional feasibility, and measurable anti-crime impact.*

Key words: *drug trade, foreign experience, organized crime, darknet, electronic evidence, international cooperation, asset forfeiture, Europol, Eurojust, DEA.*

Транснациональный характер наркобизнеса обусловливает необходимость изучения зарубежного опыта, однако его использование не может сводиться к буквальному копированию иностранных норм. Современные преступные сети одновременно эксплуатируют морскую логистику, цифровые площадки, шифрованную связь, виртуальные активы и различия национальных юрисдикций. Поэтому цель настоящего исследования состоит в определении результативных

зарубежных механизмов противодействия наркобизнесу и критериев их допустимого применения в российских условиях. Методологическую основу составили сравнительно-правовой и формально-юридический методы, анализ международной статистики 2025 года и материалов части 2026 года, а также кейс-анализ резонансных расследований.

Масштаб явления подтверждается Всемирным докладом о наркотиках 2025 года. По оценке Управления ООН по наркотикам и преступности, в 2023 году наркотики употребляли около 316 млн человек, или 6 % населения мира в возрасте 15–64 лет. Незаконное производство кокаина достигло рекордных 3 708 т, увеличившись за год на 34 % [1]. Эти данные опубликованы в 2025 году, но относятся к более раннему периоду, что отражает объективное запаздывание международной статистики. Такое запаздывание само по себе является проблемой: преступные маршруты и химические формулы меняются быстрее, чем формируются сопоставимые межгосударственные массивы данных.

Европейский доклад о наркотиках 2026 года, характеризующий ситуацию до конца 2025 года, также предупреждает о неодинаковых отчетных периодах государств. По наиболее полным данным за 2024 год, в Европейском союзе зарегистрировано около 1 млн изъятий наркотиков и 1,6 млн правонарушений, из которых 161 тыс. относились к предложению и сбыту. За 2014–2024 годы масса изъятого кокаина выросла на 471 %, метамфетамина – на 1 019 %. Предварительные сведения 2025 года показывают появление новых неконтролируемых альтернатив прекурсоров ВМК; только Испания сообщила об изъятии 2 т таких веществ [2]. Следовательно, зарубежная практика вынуждена сочетать уголовное преследование с оперативным обновлением контроля за прекурсорами и ранним предупреждением о новых веществах.

В Соединенных Штатах Америки центральное место занимает межведомственная специализация. В расследованиях участвуют антинаркотическое ведомство, ФБР, финансовые, таможенные и прокурорские органы. Показателен механизм «JCODE» Министерства юстиции, ориентированный на крупные предприятия даркнета. Он объединяет киберразведку, контроль почтовых отправлений, расследование отмывания денег и международную правовую помощь вокруг одной преступной инфраструктуры.

Результативность такого подхода продемонстрировала операция «RapTor», итоги которой объявлены в мае 2025 года. В десяти государствах Европы, Америки и Азии были задержаны 270 предполагаемых продавцов, покупателей и администраторов даркнет-ресурсов; изъято более 200 млн долларов США в денежных средствах и цифровых активах, свыше 2 т наркотиков, включая 144 кг фентанила и содержащих его веществ, а также более 180 единиц оружия [3]. Операция была основана на сведениях, полученных после ликвидации нескольких маркетплейсов, которые преобразовывались в проверяемые пакеты данных для национальных расследований. Тем самым зарубежный опыт подтверждает: отключение площадки дает долгосрочный эффект только тогда, когда изъятая цифровая инфраструктура используется для атрибуции учетных записей, кошельков, поставщиков и покупателей.

В рамках опубликованных результатов «RapTor» приведено дело поставщиков фентанилсодержащих таблеток Адана Руиса и Омара Навиа. В январе 2025 года федеральный суд назначил им соответственно 17 и 15 лет лишения свободы. Участники сети продали через даркнет и шифрованные приложения более 120 тыс. таблеток, около 9 кг метамфетамина и другие вещества более чем тысяче покупателей во всех штатах; с деятельностью сети связывались несколько смертельных передозировок [3]. Для российской методики значим не размер назначенного наказания, а доказательственная модель: сопоставление онлайн-профилей, переписки, почтовой логистики, лабораторных исследований таблеток и движения виртуальной валюты.

Европейский союз развивает иную, наднациональную модель. «Europol» обеспечивает криминальный анализ и обмен информацией, «Eurojust» – координацию прокуроров и судебных органов, а совместные следственные группы позволяют представителям нескольких государств работать по согласованному плану. Платформа «EMPACT» объединяет полицейские, таможенные, пограничные и финансовые меры по приоритетным угрозам. В портовой сфере применяется риск-ориентированное взаимодействие государства и бизнеса: защита контейнерных кодов, проверка персонала, выявление коррупционного воздействия и обмен сведениями о нетипичных маршрутах. При этом усиление крупных портов уже привело к использованию преступными сетями меньших терминалов, перегрузок в открытом море, беспилотников и полупогружных судов [2].

Резонансным примером стала координируемая «Europol» и «Eurojust» операция «Deep» «Sentinel» против «Archetyp Market». В июне 2025 года действия прошли в Германии, Нидерландах, Румынии, Испании и Швеции; серверная инфраструктура была отключена, в Барселоне задержан предполагаемый администратор. За пять лет площадка объединила более 600 тыс. пользователей, около 3 200 продавцов и свыше 17 тыс. предложений, а объем операций оценивался как минимум в 250 млн евро [4]. Международные средства массовой информации особо отмечали, что ресурс допускал продажу фентанила и других высокоактивных синтетических опиоидов [5]. Поскольку задержание не тождественно обвинительному приговору, оценка ответственности фигурантов должна основываться на результатах

последующего судебного разбирательства.

Материалы 2026 года показывают дальнейшее развитие европейского подхода. В марте 2026 года Совет Европейского союза одобрил стратегическую рамочную программу по наркотикам, объединившую новую стратегию и план действий против наркотрафика. В том же году испанские органы при содействии международных партнеров изъяли 10 т кокаина, скрытого в грузе соли [2]. Подобные операции демонстрируют значение постоянных морских аналитических центров и совместной оценки риска, однако одновременно подтверждают сохранение крупнотоннажных поставок даже при развитой системе контроля.

Особое направление зарубежного опыта – ускорение доступа к электронным доказательствам. Регламент ЕС 2023/1543, применяемый с 18 августа 2026 года, ввел европейские приказы о предоставлении и сохранении электронных доказательств, адресуемые поставщикам услуг в другом государстве Союза. Обычный срок ответа составляет десять дней, при чрезвычайной ситуации – восемь часов; сохранение данных препятствует их удалению до направления основного требования [6]. Такая модель сокращает зависимость от длительных запросов о правовой помощи, но действует внутри основанного на взаимном признании правового пространства и не является универсальным трансграничным полномочием.

Актуальность проблемы подтверждена совместным докладом «SIRIUS», опубликованным «Europol» и «Eurojust» в августе 2026 года на основе данных 2025 года и предшествующего отчетного периода. Объем запросов компетентных органов к выборке крупнейших поставщиков услуг достиг 303 289, что примерно в 3,5 раза выше уровня 2018 года. При этом 41 % опрошенных судебных органов сталкивались с ситуацией, когда запрашиваемые за рубежом данные уже отсутствовали; только 8 % опрошенных сотрудников правоохранительных органов оценили свою осведомленность о новом пакете правил как высокую [7]. Следовательно, даже унификация процедур не решает проблем коротких сроков хранения, качества запросов и подготовки специалистов.

Первая проблема применения зарубежного опыта в России заключается в различии юридических оснований. Европейский приказ, совместная следственная группа в формате ЕС и американская модель межведомственного расследования встроены в собственные системы судебного контроля и защиты данных. Российский орган не приобретает право требовать сведения у иностранного поставщика только потому, что подобное полномочие существует в другом государстве. Базой остаются договоры о правовой помощи и конвенционные механизмы, включая Конвенцию ООН 1988 года [8].

Вторая проблема связана с допустимостью цифровых и финансовых доказательств. Зарубежный аналитический отчет, сведения частной компании о блокчейн-транзакциях или переданный партнером массив серверных данных могут обосновывать следственную версию, но не должны автоматически приобретать доказательственное значение. Необходимо установить источник данных, полномочия лица, которое их получило, примененный метод, целостность массива, соответствие времени и идентификаторов, а также возможность проверки стороной защиты. Аналогично иностранные модели расширенной конфискации и гражданского изъятия активов нельзя переносить без учета презумпции невиновности, права собственности и российского порядка признания имущества полученным преступным путем.

Третья проблема – эффект перемещения. После отключения крупного маркетплейса продавцы переходят на другие площадки, в мессенджеры или создают закрытые магазины. Усиление контроля одного порта меняет маршрут, но не обязательно сокращает предложение. Поэтому количество задержаний, заблокированных ресурсов и масса изъятого вещества не являются самодостаточными показателями эффективности: рост изъятий может одновременно отражать как успешную работу органов, так и увеличение рынка. Оценка должна учитывать устойчивость разрушения сети, изъятие преступного дохода, снижение доступности наркотиков, предотвращенные отравления и способность группы восстановить деятельность.

Для применения зарубежного опыта предлагается закрепить в «Положении о Государственном антинаркотическом комитете» [9] порядок проведения ограниченного правового эксперимента. Иностранный механизм первоначально должен внедряться на срок не более одного года в двух–трех субъектах Российской Федерации. Решение о проведении эксперимента должно определять его территорию, ответственные органы, категории уголовных дел, порядок обработки информации и конкретные показатели эффективности. До начала эксперимента Минюст России, Генеральная прокуратура Российской Федерации и Роскомнадзор должны подготовить совместное заключение о соответствии предлагаемой меры российскому законодательству и требованиям защиты персональных данных.

В качестве экспериментальной меры предлагается создать единый центр направления срочных запросов о сохранении электронных данных по делам, предусмотренным статьями 228.1 и 229.1 УК РФ [10]. Каждый запрос должен регистрироваться под единым номером и направляться оператору связи, владельцу информационного ресурса либо иностранному компетентному органу не позднее 24 часов после установления цифрового идентификатора. По окончании эксперимента должны оцениваться средний срок

сохранения данных, доля сведений, признанных судом допустимыми доказательствами, количество установленных организаторов и объем арестованных преступных доходов. Распространение этого механизма на всю территорию России допускается только при подтверждении его эффективности и отсутствии существенных нарушений прав граждан.

Таким образом, зарубежный опыт 2025–2026 годов свидетельствует о том, что эффективность противодействия транснациональному наркобизнесу зависит от одновременного выявления цифровой инфраструктуры, движения преступных доходов и международных каналов поставки наркотиков. Вместе с тем результаты операций «RapTor» и «Deep Sentinel» показывают, что ликвидация отдельной интернет-площадки не приводит к прекращению незаконного рынка, поскольку его участники переходят на другие цифровые ресурсы. В связи с этим предлагается внедрять зарубежные механизмы посредством ограниченного правового эксперимента и создать единый центр направления срочных запросов о сохранении электронных данных. Распространение такого механизма на всю территорию Российской Федерации должно осуществляться только после оценки допустимости полученных доказательств, количества установленных организаторов, объема арестованных преступных доходов и соблюдения прав участников уголовного судопроизводства.

Список литературы:

[1] Всемирный доклад о наркотиках 2025 // Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности 2025. – URL: https://www.unodc.org/unodc/en/data-and-analysis/world-drug-report-2025.html (дата обращения: 15.09.2026).

[2] Европейский доклад о наркотиках 2026: тенденции и развитие ситуации // Агентство Европейского союза по наркотикам. 2026. – URL: https://www.euda.europa.eu/publications/european-drug-report/2026_en (дата обращения: 15.09.2026).

[3] Правоохранительные органы изъяли рекордное количество запрещенных наркотиков, огнестрельного оружия и доходов от незаконного оборота наркотиков в ходе международной операции против торговли фентанилом и опиоидами в даркнете; на четырех континентах задержано 270 человек // Министерство юстиции США. 2025. – URL: https://www.justice.gov/opa/pr/law-enforcement-seize-record-amounts-illegal-drugs-firearms-and-drug-trafficking-proceeds (дата обращения: 15.09.2026).

[4] Общеевропейская операция привела к ликвидации наиболее продолжительно действовавшего наркорынка в даркнете // Европол. 2025. – URL: https://www.europol.europa.eu/media-press/newsroom/news/europe-wide-takedown-hits-longest-standing-dark-web-drug-market (дата обращения: 15.09.2026).

[5] Европейские и американские правоохранительные органы ликвидировали наркорынок в даркнете // Reuters. 2025. – URL: https://www.reuters.com/world/dark-web-drug-market-busted-by-european-us-authorities-2025-06-16/ (дата обращения: 15.09.2026).

[6] Регламент Европейского парламента и Совета Европейского союза от 12 июля 2023 г. № 2023/1543 о европейских приказах на предоставление и сохранение электронных доказательств в уголовном судопроизводстве. // EUR-Lex. – URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/1543/oj/eng (дата обращения: 15.09.2026).

[7] Доклад SIRIUS о ситуации в сфере электронных доказательств за 2025 год // Европол, Евроюст. – URL: https://www.europol.europa.eu/publications-events/publications/sirius-electronic-evidence-situation-report-2025 (дата обращения: 15.09.2026).

[8] Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ: принята в Вене 20 декабря 1988 г. // United Nations Office on Drugs and Crime. – URL: https://www.unodc.org/pdf/convention_1988_en.pdf (дата обращения: 15.09.2026).

[9] Указ Президента Российской Федерации от 18.10.2007 № 1374 «О дополнительных мерах по противодействию незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров» (ред. от 31.10.2022) (вместе с Положением о Государственном антинаркотическом комитете, Положением об антинаркотической комиссии в субъекте Российской Федерации) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 43. Ст. 5167.

[10] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

References:

[1] World Drug Report 2025 // United Nations Office on Drugs and Crime, 2025. – URL: https://www.unodc.org/unodc/en/data-and-analysis/world-drug-report-2025.html (accessed: 15.09.2026).

[2] European Drug Report 2026: Trends and Developments // European Union Drugs Agency, 2026. – URL: https://www.euda.europa.eu/publications/european-drug-report/2026_en (accessed: 15.09.2026).

[3] Law Enforcement Seize Record Amounts of Illegal Drugs, Firearms, and Drug Trafficking Proceeds in International Operation Against Darknet Fentanyl and Opioid Trafficking; 270 Arrested Across Four Continents // U.S. Department of Justice, 2025. – URL: https://www.justice.gov/opa/pr/law-enforcement-seize-record-amounts-illegal-drugs-firearms-and-drug-trafficking-proceeds (accessed: 15.09.2026).

[4] Europe-wide Operation Leads to Takedown of Longest-standing Dark Web Drug Market // Europol, 2025. – URL: https://www.europol.europa.eu/media-press/newsroom/news/europe-wide-takedown-hits-

longest-standing-dark-web-drug-market (accessed: 15.09.2026). [5] European and US law enforcement agencies take down dark web drug market // Reuters. 2025. – URL: https://www.reuters.com/world/dark-web-drug-market-busted-by-european-us-authorities-2025-06-16/ (accessed: 15.09.2026).

[6] Regulation (EU) 2023/1543 of the European Parliament and of the Council of 12 July 2023 on European Production and Preservation Orders for electronic evidence in criminal proceedings // EUR-Lex. – URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/1543/oj/eng (accessed: 15.09.2026).

[7] SIRIUS Electronic Evidence Situation Report 2025 // Europol, Eurojust. – URL: https://www.europol.europa.eu/publications-events/publications/sirius-electronic-evidence-situation-report-2025 (accessed: 15.09.2026).

[8] United Nations Convention against Illicit Traffic in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances: adopted in Vienna on 20 December 1988 // United Nations Office on Drugs and Crime. – URL: https://www.unodc.org/pdf/convention_1988_en.pdf (accessed: 15.09.2026). [9] Decree of the President of the Russian Federation No. 1374 dated October 18, 2007, "On Additional Measures to Counter the Illicit Trafficking of Narcotic Drugs, Psychotropic Substances, and Their Precursors" (as amended on October 31, 2022) (including the Regulation on the State Anti-Drug Committee and the Regulation on the Anti-Drug Commission in a Constituent Entity of the Russian Federation) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2007. No. 43. Art. 5167.

[10] Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated June 13, 1996 (as amended on August 4, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.09.2026 г. DOI: 10.24412/3033-6724-2026-4-64-71
Дата принятия рукописи в печать: 02.11.2026 г.

МАЛКОВ Дмитрий Владимирович,
аспирант кафедры гражданского права и процесса,
Уральский институт управления Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Екатеринбург, Россия,
тел.: +7-982-740-78-47,
e-mail: malkovd449@gmail.com

Научный руководитель:
МАНСУРОВ Гафур Закирович,
доктор юридических наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса,
Уральский институт управления Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Екатеринбург, Россия,
e-mail: mansurov-gz@ranepa.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА В ОБЛАСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА ФЕДЕРАЛЬНОМ УРОВНЕ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ

Аннотация. *В статье исследуется эволюция понятийного аппарата искусственного интеллекта на федеральном уровне в Соединенных Штатах Америки. Анализируются дефиниции искусственного интеллекта и связанных с ним категорий, закрепленные в федеральных законах, исполнительных указах Президента США, а также сформированные в судебной практике. По результатам исследования установлено отсутствие в федеральном законодательстве США универсального определения искусственного интеллекта, применимого независимо от сферы регулируемых общественных отношений.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, понятийный аппарат, федеральное законодательство США, исполнительные указы Президента США, судебная практика США.*

MALKOV Dmitry Vladimirovich,
Postgraduate Student, Department of Civil Law and Procedure,
Ural Institute of Management – The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Yekaterinburg, Russia

Academic Supervisor:
MANSUROV Gafur Zakirovich,
Doctor of Legal Sciences,
Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure,
Ural Institute of Management – The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Yekaterinburg, Russia

THE EVOLUTION OF THE CONCEPTUAL FRAMEWORK IN THE FIELD OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AT THE FEDERAL LEVEL IN THE UNITED STATES OF AMERICA

Annotation. *This article examines the evolution of the conceptual framework of artificial intelligence at the federal level in the United States of America. It analyzes definitions of artificial intelligence and related categories established in federal statutes, executive orders of the President of the United States, as well as those developed in judicial practice. The study concludes that federal legislation of the USA lacks a universal definition of artificial intelligence applicable regardless of the sphere of regulated social relations.*

Key words: *artificial intelligence, conceptual framework, federal legislation of the USA, executive orders of the President of the USA, judicial practice of the USA.*

Введение

В настоящее время искусственный интеллект получает широкое распространение в различных направлениях человеческой деятельности. Вместе с тем А.Г. Шейкин отмечает, что эволюция искусственного интеллекта в последние годы приобрела стремительный характер и подошла к этапу, когда становится очевидной необходимость регламентации сферы общественных отношений, связанных с использованием этой технологии [1, с. 30]. Кроме того, А.П. Чижик и Т.С. Саяпина подчеркивают, что на совершенствование правового регулирования рассматриваемой области влияют мировые тенденции. Существенную роль в ее изучении играют такие страны, как Соединенные Штаты Америки (далее – США) и Китайская Народная Республика, на долю которых приходится 80 % мировых научных работ в данном направлении [2, с. 82]. В этой связи заслуживает внимания факт, согласно которому США являются безусловным лидером по всем показателям развития этой отрасли. Указанное обстоятельство обусловливает актуальность анализа американского правового опыта в сфере искусственного интеллекта [1, с. 28]. При этом разработка эффективного регулирования искусственного интеллекта связана, в частности, с выработкой понятийного аппарата, позволяющего раскрыть содержание и основные признаки соответствующих технологий. Таким образом, научный интерес представляет системный анализ дефиниций искусственного интеллекта, сформировавшихся в законодательстве и судебной практике.

Степень научной разработанности рассматриваемой темы характеризуется наличием научных публикаций, посвященных, в частности, отдельным аспектам правового регулирования искусственного интеллекта за рубежом. Так, для настоящего исследования заслуживают внимания работы А.Г. Шейкина, Д.Е. Яковлева, совместная работа А.В. Минбалеева и Д.П. Осипова, а также труды других авторов.

Цель настоящей статьи заключается в выявлении тенденций развития понятийного аппарата искусственного интеллекта на федеральном уровне в США. Для достижения поставленной цели требуется выполнение следующих задач: 1) проанализировать содержание дефиниций искусственного интеллекта, сформулированных в действующих федеральных законах и исполнительных указах Президента США; 2) изучить подход к характеристике искусственного интеллекта, выработанный в судебной практике США; 3) выявить закономерности эволюции исследуемого понятийного аппарата.

Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания. Историко-правовой метод использован для последовательного рассмотрения становления терминологии. Формально-юридический метод позволил исследовать содержание дефиниций, закрепленных в федеральных законах, исполнительных указах Президента США и судебной практике. Сравнительно-правовой метод применялся при сопоставлении различных подходов к определению искусственного интеллекта и связанных с ним категорий. Кроме того, использовались методы анализа, синтеза и системного толкования, позволившие установить взаимосвязь между понятиями и выявить их векторы эволюции.

Формирование и развитие легальных дефиниций в сфере искусственного интеллекта в федеральном законодательстве Соединенных Штатов Америки

Начальным этапом формирования легального понимания феномена «искусственный интеллект» в американском федеральном законодательстве стало принятие Федерального закона США «О полномочиях в области национальной обороны имени Джона С. Маккейна на 2019 финансовый год» от 13.08.2018 г. № 115-232 [3] (далее – Федеральный закон США № 115-232). При этом действие акта ограничено по кругу субъектов и предмету регулирования. Его основные положения, исходя из структуры акта, предусмотренной в разд. 2, касаются Министерства обороны США, Министерства энергетики США в сфере национальной безопасности и военного строительства. Вместе с тем отдельные нормы распространяются и на иных субъектов.

Пар. 238 подтитула «B» титула 2 разд. «A» Федерального закона США № 115-232 посвящен деятельности Министерства обороны США в сфере искусственного интеллекта, осуществляемой во взаимодействии с оборонной и частной промышленностью, академическим сообществом и исследовательскими организациями, другими федеральными органами, а также в рамках международного сотрудничества, что следует из пп. «A», «B» пп. 2 п. «c» и пп. «ii» пп. «I» пп. 2 п. «c» указанного параграфа. В соответствии с п. «g» пар. 238 подтитула «B» титула 2 разд. «A» Федерального закона США № 115-232 для целей настоящего параграфа «искусственный интеллект» – это: любая искусственная система, которая выполняет задачи в изменяющихся и непредсказуемых условиях без существенного контроля со стороны человека либо способна обучаться на основе опыта и повышать эффективность своей работы при обработке наборов данных; искусственная система, реализованная в виде программного обеспечения, физического аппаратного обеспечения или в иной форме и предназначенная для решения задач, требующих свойственных человеку восприятия, познания, планирования, обучения, коммуникации или физических действий; искусственная система, предназначенная для мышления или совершения действий подобно человеку,

включая когнитивные архитектуры и нейронные сети; совокупность методов, включая машинное обучение, предназначенных для приближенного выполнения когнитивной задачи; искусственная система, предназначенная для рационального поведения, включая интеллектуального программного агента или физически воплощенного робота, который достигает поставленных целей посредством восприятия, планирования, рассуждения, обучения, коммуникации, принятия решений и совершения действий.

На наш взгляд, недопустимо обращение к когнитивным способностям человека как к одному из критериев определения понятия «искусственный интеллект». Конструкции, закрепленные в пп. 3, 5 п. «g» пар. 238 подтитула «B» титула 2 разд. «A» Федерального закона США № 115-232, способны привести к излишней антропоморфизации искусственного интеллекта и создать представление о наличии у искусственной системы свойств, тождественных человеческому мышлению и сознанию.

Вместе с тем согласно пп. 1 п. «a» пар. 1051 подтитула «D» титула 10 разд. «A» Федерального закона США № 115-232 «в структуре исполнительной власти учреждается независимая Комиссия для проведения обзора достижений в области искусственного интеллекта, связанных с ним разработок в сфере машинного обучения и сопутствующих технологий». Что касается категории «искусственный интеллект», то п. «f» пар. 1051 подтитула «D» титула 10 разд. «A» Федерального закона США № 115-232 для целей данного параграфа полностью дублирует определение, установленное в п. «g» пар. 238 подтитула «B» титула 2 разд. «A» Федерального закона США № 115-232.

В период президентства Д. Трампа был подписан Исполнительный указ Президента США «О сохранении лидерства США в области искусственного интеллекта» от 11.02.2019 г. № 13859 [4] (далее – Исполнительный указ Президента США № 13859). Как следует из абз. 1 разд. 1 акта, его направленность заключается в укреплении научного, технологического и экономического лидерства США в сфере искусственного интеллекта, а также в разработке и внедрении обсуждаемых технологий посредством скоординированной стратегии Федерального правительства. Подчеркнем, что согласно абз. 1 разд. 2, разд. 3–5, пп. «i» п. «a» разд. 6, п. «b», «c» разд. 6, пп. «ii» п. «d» разд. 6, разд. 7 Исполнительного указа Президента США № 13859 его предписания адресованы широкому кругу субъектов федерального уровня, включая федеральные министерства, ведомства и учреждения, органы и структуры при Президенте США, межведомственные консультативно-координационные образования, а также руководителей соответствующих органов и иных федеральных должностных лиц в соответствии с положениями указа.

В пп. «a» разд. 9 Исполнительного указа Президента США № 13859 предусмотрено, что для целей акта понятие «искусственный интеллект» означает: «весь объем федеральных инвестиций в область искусственного интеллекта, включая исследования и разработки основных методов и технологий искусственного интеллекта; прототипы систем искусственного интеллекта; применение и адаптацию методов искусственного интеллекта; архитектурную и системную поддержку искусственного интеллекта, а также киберинфраструктуру, наборы данных и стандарты в области искусственного интеллекта».

Таким образом, термин «искусственный интеллект», закрепленный в пп. «a» разд. 9 Исполнительного указа Президента США № 13859, носит в большей степени программно-экономический характер. Его содержание ориентировано не на раскрытие сущностных признаков искусственного интеллекта как объекта правового регулирования, а на определение круга направлений федерального финансирования, относимых к сфере искусственного интеллекта.

В рамках исследования необходимо обратиться к анализу Федерального закона США «О полномочиях в области национальной обороны имени Уильяма М. (Мака) Торнберри на 2021 финансовый год» от 01.01.2021 г. № 116-283 [5] (далее – Федеральный закон США № 116-283). Рассматриваемый закон во многом схож с Федеральным законом США № 115-232 по предмету регулирования и кругу субъектов. Изучение структуры акта, предусмотренной в разд. 2, показывает, что значительная часть его положений также касается Министерства обороны США, Министерства энергетики США в сфере национальной безопасности и военного строительства. Вместе с тем закон охватывает более широкий круг отношений, включая Национальную инициативу в области искусственного интеллекта, противодействие отмыванию денежных средств, деятельность Береговой охраны США и иные направления. Помимо этого, ряд норм Федерального закона США № 116-283 адресован и другим участникам соответствующих правоотношений.

Разд. «E» Федерального закона США № 116-283 посвящен Национальной инициативе в области искусственного интеллекта. Так, в п. «a» пар. 5101 титула 51 разд. «E» Федерального закона США № 116-283 определены основные цели обозначенной инициативы: сохранение лидерства США в исследованиях и разработках искусственного интеллекта, обеспечение ведущих позиций в создании и использовании надежных систем искусственного интеллекта, подготовка рабочей силы к их внедрению, а также координация текущей деятельности гражданских федеральных ведомств, Министерства обороны США и Разведывательного сообщества. Если говорить о понятийном аппарате, то в п. 3 пар. 5002 разд. «E» Федерального закона США № 116-283 закреплен

термин «искусственный интеллект», имеющий значение для целей указанного раздела. Он трактуется как «основанная на машинных технологиях система, которая применительно к заданному набору целей, определенных человеком, способна формировать прогнозы, рекомендации или решения, влияющие на реальные либо виртуальные среды. «Системы искусственного интеллекта используют машинные и человеческие входные данные», чтобы: воспринимать реальные и виртуальные среды; преобразовывать результаты такого восприятия в модели посредством автоматизированного анализа; использовать выводы, полученные на основе модели, для формирования вариантов информации или действий.

Исходя из изложенного, рассматриваемая дефиниция характеризует искусственный интеллект как инструмент, функционирующий для достижения поставленных человеком целей. Стоит признать обоснованным, что законодатель теперь не прибегает к антропоморфизации искусственного интеллекта, сохраняя за человеком ключевую роль.

Отметим, что обозначенное понятие было кодифицировано в п. 3 пар. 9401 гл. 119 титула 15 Свода законов США [6]. Содержание гл. 119 свидетельствует о том, что определение искусственного интеллекта для целей главы используется исключительно в положениях, регламентирующих деятельность федеральных органов и структур Национальной инициативы в области искусственного интеллекта, включая их взаимодействие с научно-образовательными организациями, частным сектором, органами власти штатов, местными и племенными органами власти и иными субъектами.

Но в то же время Федеральный закон США № 116-283 содержит отсылочную норму, касающуюся категории «искусственный интеллект» в контексте предписаний о Совете консультантов Объединенного центра искусственного интеллекта. В силу пп. 1 п. «g» пар. 233 подтитула «C» титула 2 разд. «A» Федерального закона США № 116-283 понятие «искусственный интеллект» имеет значение, установленное в п. «g» пар. 238 подтитула «B» титула 2 разд. «A» Федерального закона США № 115-232.

Последующий генезис нормативного понимания искусственного интеллекта получил отражение в Федеральном законе США «О полномочиях в области национальной обороны имени Джеймса М. Инхофа на 2023 финансовый год» от 23.12.2022 г. № 117-263 [7] (далее – Федеральный закон США № 117-263), которым был закреплен новый термин — «система искусственного интеллекта». Федеральный закон США № 117-263 демонстрирует определенную преемственность по отношению к Федеральному закону № 116-283 и Федеральному закону США № 115-232 по предмету регулирования и кругу субъектов. Структура данного акта, согласно разд. 2, говорит о том, что значительная часть его положений также касается Министерства обороны США, Министерства энергетики США в сфере национальной безопасности и военного строительства. Вместе с тем закон охватывает и иные направления, включая разведывательную деятельность, полномочия Береговой охраны США и Государственного департамента, внутреннюю безопасность, водные ресурсы, океаны и атмосферу, а также распространяется на иных субъектов, определяемых соответствующими нормами.

Пар. 7222 подтитула «B» титула 72 разд. «G» Федерального закона США № 117-263 регламентирует, что целями настоящего подтитула являются: стимулирование федеральных программ и инициатив в сфере искусственного интеллекта, расширение возможностей Федерального правительства внедрять результаты научных исследований, распространение модернизированных методов и технологий во всем Федеральном правительстве, а также апробация и практическое применение искусственного интеллекта для повышения эффективности реализации задач, возложенных на руководителей федеральных органов. В соответствии с пп. «A» п. 4 пар. 7223 подтитула «B» титула 72 разд. «G» Федерального закона США № 117-263 для целей указанного подтитула «система искусственного интеллекта» представляет собой «любую систему данных, программное обеспечение, приложение, инструмент или служебное средство, которые полностью или частично функционируют с использованием динамических или статических алгоритмов машинного обучения либо иных форм искусственного интеллекта», независимо от того: «созданы ли система данных, программное обеспечение, приложение, инструмент или служебное средство преимущественно в целях исследования, разработки либо внедрения технологии искусственного интеллекта»; или «интегрированы ли функциональные возможности искусственного интеллекта в иную систему, процесс деятельности государственного органа, операционную деятельность или технологическую систему». Вместе с тем пп. «B» п. 4 пар. 7223 подтитула «B» титула 72 разд. «G» Федерального закона США № 117-263 устанавливает исключение из содержания данной дефиниции. Так, категория «система искусственного интеллекта» не включает «обычный коммерческий продукт, в который встроен искусственный интеллект, например текстовый процессор или систему навигации по картам».

При этом Федеральный закон США № 117-263 наряду с термином «система искусственного интеллекта» оперирует и термином «искусственный интеллект». Однако самостоятельного определения последнего закон не содержит, а использует отсылку к ранее закрепленному понятию. Согласно п. 1 пар. 6701 подтитула «A» титула 67 разд. «F», а также п. 3 пар. 7223 подтитула «B» титула 72 разд. «G» Федерального закона США

№ 117-263 для целей соответствующего титула и подтитула дефиниция искусственного интеллекта имеет значение, установленное в п. «g» пар. 238 подтитула «B» титула 2 разд. «A» Федерального закона США № 115-232. Если говорить о соотношении обозначенных подходов, то термин «искусственный интеллект» раскрывает содержание вопроса о том, каковы функциональные признаки изучаемой технологии, тогда как термин «система искусственного интеллекта» направлен на определение того, какие технические средства могут быть отнесены к системам, использующим технологию искусственного интеллекта. Следует подчеркнуть, что понятие «система искусственного интеллекта» имеет более широкий объектный охват, поскольку, помимо отмеченного выше, включает и различные программные либо технологические средства, в которых искусственный интеллект интегрирован полностью или частично.

Продолжая исследование эволюции легального понимания искусственного интеллекта в федеральном законодательстве, необходимо обратиться к Федеральному закону США «О полномочиях в области национальной обороны на 2024 финансовый год» от 22.12.2023 г. № 118-31 [8] (далее – Федеральный закон США № 118-31). Рассматривая указанный акт в контексте ранее проанализированных федеральных законов США, можно отметить сохранение сложившегося характера законодательного воздействия.

Структура Федерального закона США № 118-31 в соответствии с разд. 2 не свидетельствует о существенном изменении основного круга охватываемых им отношений. В частности, самостоятельные разделы закона по-прежнему посвящены Министерству обороны США, Министерству энергетики США в сфере национальной безопасности, Государственному департаменту, военному строительству и разведывательной деятельности. Наряду с этим закон охватывает и иные направления, а отдельные его нормы распространяются на других субъектов.

Анализ пп. 1 п. «a» пар. 1542 подтитула «E» титула 15 разд. «A» Федерального закона США № 118-31 позволяет установить основную направленность регулирования, предусмотренного данным параграфом. Согласно вышеуказанному Главный директор Министерства обороны США по цифровым технологиям и искусственному интеллекту должен разработать программу поощрения за выявление уязвимостей базовых моделей искусственного интеллекта, используемых в деятельности Министерства обороны США. Отдельный интерес для настоящего исследования представляет п. «c» пар. 1542 подтитула «E» титула 15 разд. «A» Федерального закона США № 118-31, поскольку в нем для целей обозначенного параграфа закрепляется новая категория, развивающая понятийный аппарат в рассматриваемой сфере. Так, «базовая модель искусственного интеллекта» определяется как «адаптивная генеративная модель, обученная на широком наборе неразмеченных данных, которая может использоваться для выполнения различных задач с минимальной дополнительной настройкой».

Термин «базовая модель искусственного интеллекта» для целей параграфа получает также закрепление в п. «e» пар. 1545 подтитула «E» титула 15 разд. «A» Федерального закона США № 118-31. Как следует из п. «a» пар. 1545 подтитула «E» титула 15 разд. «A» Федерального закона США № 118-31, направленность параграфа заключается в том, что Министр обороны США должен провести исследование возможностей военных приложений на основе искусственного интеллекта, связанных с ними потребностей в исследованиях и разработках, а также уязвимостей с точки зрения конфиденциальности, безопасности и точности.

По своему содержанию дефиниция базовой модели искусственного интеллекта, урегулированная в Федеральном законе США № 118-31, имеет связь с дефиницией искусственного интеллекта, сформулированной в п. 3 пар. 5002 разд. «E» Федерального закона США № 116-283. Вместе с тем указанные категории раскрывают различные аспекты рассматриваемой технологии. Если понятие «искусственный интеллект» описывает феномен через функционирующую машинную систему, то «базовая модель искусственного интеллекта» характеризует отдельный технологический компонент — конкретный вид модели искусственного интеллекта, который может составлять основу соответствующей системы либо быть интегрирован в нее.

Новый этап развития понятия «искусственный интеллект» связан уже со следующим президентским сроком Д. Трампа. Им был подписан Исполнительный указ Президента США «О предотвращении использования идеологически предвзятого искусственного интеллекта в федеральном правительстве» от 23.07.2025 г. № 14319 [9] (далее – Исполнительный указ Президента США № 14319). При этом обозначенный акт содержательно связан с Исполнительным указом Президента США «О содействии использованию заслуживающего доверия искусственного интеллекта в федеральном правительстве» от 03.12.2020 г. № 13960 [10] (далее – Исполнительный указ Президента США № 13960). Это прямо прослеживается в абз. 4 разд. 1 Исполнительного указа Президента США № 14319. В частности, в вышеуказанном фрагменте закреплено, что, развивая подход, сформированный Исполнительным указом Президента США № 13960, данный указ «способствует выполнению указанной обязанности применительно к большим языковым моделям».

В силу абз. 1, 3, 4 разд. 1 Исполнительного указа Президента США № 13960 цель данного акта заключается в том, чтобы обеспечить над-

лежащее и заслуживающее общественного доверия использование искусственного интеллекта федеральными органами США для повышения эффективности их деятельности при одновременной защите прав, свобод и иных охраняемых ценностей. Анализ п. «a», «b» разд. 2, абз. 1 разд. 3, п. «b» разд. 3, п. «a», «b» разд. 4, п. «d» разд. 5 Исполнительного указа Президента США № 14319 позволяет выделить круг субъектов, на которых распространяются его предписания: руководители органов [11, пар. 101; пар. 102; п. 1 пар. 104; 12, п. 1 пар. 9101], разработчики, Директор Административно-бюджетного управления, Управление общих служб США.

С точки зрения эволюции изучаемого понятийного аппарата представляет интерес п. «c» разд. 2 Исполнительного указа Президента США № 14319, в котором получает нормативное урегулирование термин «большая языковая модель». Для целей данного указа под ней понимается «генеративная модель искусственного интеллекта, обученная на обширных и разнообразных наборах данных, которые позволяют ей формировать ответы на естественном языке в ответ на запросы пользователей».

Следует отметить, что Исполнительный указ Президента США № 13960 при этом не формулирует самостоятельного определения понятия «искусственный интеллект».

Сопоставление указанной дефиниции с дефиницией искусственного интеллекта, регламентированной в п. 3 пар. 5002 разд. «E» Федерального закона США № 116-283, позволяет сделать вывод о том, что понятие «большая языковая модель» является более узким по отношению к понятию «искусственный интеллект». Большая языковая модель представляет собой специальную разновидность моделей искусственного интеллекта и не охватывает всего многообразия технологий, подпадающих под общую категорию «искусственный интеллект».

Судебная характеристика искусственного интеллекта и ее соотношение с легальной дефиницией

Дальнейшее рассмотрение определения искусственного интеллекта предполагает обращение к судебной практике. Так, в абз. 5 подразд. 1 разд. «A» ч. 1 особого мнения судьи Алито по решению Верховного суда США по судебному делу «Муди, Генеральный прокурор штата Флорида, и др. против компании ООО «НетЧойс» и др.» от 01.07.2024 г. № 22-277 [13] «искусственный интеллект» характеризуется как «инструмент машинного обучения, который упорядочивает, удаляет и изменяет контент, а также обучается на основе собственных решений».

Сравнение обозначенного подхода с дефиницией искусственного интеллекта, закрепленной в п. 3 пар. 5002 разд. «E» Федерального закона США № 116-283, позволяет выявить различия в используемых критериях. Хотя трактовка, приведенная судьей С. Алито, концентрируется преимущественно на возможностях искусственного интеллекта, связанных с обработкой контента, понятие, сформулированное в Федеральном законе США № 116-283, охватывает более широкий функциональный цикл и не ограничивает его характеристику операциями по обработке информации.

Заключение

Согласимся с позицией ряда исследователей, согласно которой анализ законодательства США об искусственном интеллекте свидетельствует об отсутствии единого нормативного акта, регулирующего отношения в сфере искусственного интеллекта [14, с. 104; 15, с. 293]. В этой связи представляется обоснованной точка зрения Д.Е. Яковлева о том, что американская модель регулирования видится как «сочетание гибкости, инновационности, но в то же время и высокой фрагментарности». Принятие комплексного нормативного акта, напротив, могло бы способствовать снижению правовой неопределенности [15, с. 293, 296]. Один из аргументов в пользу сохранения фрагментарного подхода заключается в опасениях относительно «возможной неэффективности и непредвиденных последствий преждевременного жесткого регулирования», что, в свою очередь, ведет к подавлению инноваций [16, с. 1434].

Проведенный анализ также подтверждает отсутствие в федеральном законодательстве США универсального определения понятия «искусственный интеллект», действие которого распространялось бы на весь круг физических и юридических лиц независимо от конкретной сферы правоотношений. В то же время прослеживается переход от антропоморфной характеристики искусственного интеллекта к более функциональным и технологически конкретизированным юридическим конструкциям. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает дефиниция искусственного интеллекта, закрепленная в п. 3 пар. 5002 разд. «E» Федерального закона США № 116-283 и впоследствии кодифицированная в п. 3 пар. 9401 гл. 119 титула 15 Свода законов США. Настоящее исследование позволяет выявить преемственность вышеуказанного подхода – его отдельные содержательные элементы прослеживаются как в федеральном регулировании, так и в рассмотренной судебной практике.

Наряду с этим федеральное законодательство США демонстрирует стремление к дифференциации искусственного интеллекта посредством регламентации специальных категорий, характеризующих отдельные формы и элементы. Однако сфера применения соответствующих понятий определяется целями и предметом конкретного нормативного акта и соответственно не имеет всеобщего характера.

Список литературы:

[1] Шейкин А.Г. Принципы законодательного регулирования искусственного интеллекта в США и их влияние на развитие технологического сектора // Пролог: журнал о праве. 2024. № 2 (42). С. 28–38.

[2] Чижик А.П., Саяпина Т.С. Тенденции развития правового регулирования искусственного интеллекта // Юридическая наука. 2022. № 1. С. 82–84.

[3] Федеральный закон США «О полномочиях в области национальной обороны имени Джона С. Маккейна на 2019 финансовый год» от 13.08.2018 № 115-232 // Свод законов и официальных актов Соединенных Штатов. 2018. Т. 132. С. 1636.

[4] Исполнительный указ Президента США «О сохранении лидерства США в области искусственного интеллекта» от 11.02.2019 № 13859 // Федеральный реестр США. 2019. Т. 84. № 31. С. 3967–3972.

[5] Федеральный закон США «О полномочиях в области национальной обороны имени Уильяма М. (Мака) Торнберри на 2021 финансовый год» от 01.01.2021 № 116-283 // Свод законов и официальных актов Соединенных Штатов. 2021. Т. 134. С. 3388.

[6] Свод законов США. Пар. 9401. Гл. 119. Титул 15. // GovInfo | U.S. Government Publishing Office. URL: https://www.govinfo.gov/link/uscode/15/9401 (дата обращения: 17.09.2026).

[7] Федеральный закон США «О полномочиях в области национальной обороны имени Джеймса М. Инхофа на 2023 финансовый год» от 23.12.2022 № 117-263 // Свод законов и официальных актов Соединенных Штатов. 2022. Т. 136. С. 2395.

[8] Федеральный закон США «О полномочиях в области национальной обороны на 2024 финансовый год» от 22.12.2023 № 118-31 // Свод законов и официальных актов Соединенных Штатов. 2023. Т. 137. С. 136.

[9] Исполнительный указ Президента США «О предотвращении использования идеологически предвзятого искусственного интеллекта в федеральном правительстве» от 23.07.2025 № 14319 // Федеральный реестр США. 2025. Т. 90. № 142. С. 35389–35391.

[10] Исполнительный указ Президента США «О содействии использованию заслуживающего доверия искусственного интеллекта в федеральном правительстве» от 03.12.2020 № 13960 // Сборник президентских документов США. 2020. № DCPD202000870. // GovInfo | U.S. Government Publishing Office. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/DCPD-202000870/pdf/DCPD-202000870.pdf (дата обращения: 17.09.2026).

[11] Свод законов США. Пар. 101–105. Гл. 1. Ч. 1. Титул 5. // GovInfo | U.S. Government Publishing Office. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/USCODE-2024-title5/pdf/USCODE-2024-title5-partI-chap1.pdf (дата обращения: 17.09.2026).

[12] Свод законов США. Пар. 9101. Гл. 91. Подтитул 6. Титул 31. // GovInfo | U.S. Government Publishing Office. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/USCODE-2024-title31/pdf/USCODE-2024-title31-subtitleVI-chap91-sec9101.pdf (дата обращения: 17.09.2026).

[13] Решение Верховного суда США по судебному делу «Муди, Генеральный прокурор штата Флорида, и др. против компании ООО «НетЧойс» и др.» от 01.07.2024 № 22-277 // Сборник решений Верховного суда США. 2024. Т. 603. С. 707.

[14] Минбалеев А.В., Осипов Д.П. Особенности регулирования наборов данных для искусственного интеллекта за рубежом // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 104–107.

[15] Яковлев Д.Е. Децентрализованная модель регулирования искусственного интеллекта и автоматизированных систем принятия решений в США // Теория и практика общественного развития. 2025. № 12. С. 292–297.

[16] Чон И., Калискан А., Коно Т. Защита человеческих ценностей: переосмысление законодательства США в контексте общественного воздействия генеративного искусственного интеллекта // ИИ и этика. 2025. Т. 5. № 2. С. 1433–1459.

References:

[1] Sheikin A.G. Principles of Legislative Regulation of Artificial Intelligence in the USA and Their Impact on the Development of the Technology Sector // Prologue: Law Journal. 2024. No. 2 (42). pp. 28–38.

[2] Chizhik A.P., Sayapina T.S. Trends in the Development of Legal Regulation of Artificial Intelligence // Legal Science. 2022. No. 1. pp. 82–84.

[3] John S. McCain National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2019, Pub. L. No. 115-232 (Aug. 13, 2018) // United States Statutes at Large. 2018. Vol. 132. p. 1636.

[4] Executive Order 13859: Maintaining American Leadership in Artificial Intelligence (Feb. 11, 2019) // Federal Register. 2019. Vol. 84. No. 31. pp. 3967–3972.

[5] William M. (Mac) Thornberry National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2021, Pub. L. No. 116-283 (Jan. 1, 2021) // United States Statutes at Large. 2021. Vol. 134. p. 3388.

[6] United States Code, Title 15, Chapter 119, Section 9401 // GovInfo | U.S. Government Publishing Office. URL: https://www.govinfo.gov/link/uscode/15/9401 (accessed: September 17, 2026).

[7] James M. Inhofe National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2023, Pub. L. No. 117-263, 136 Stat. 2395 (Dec. 23, 2022).

[8] National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2024, Pub. L. No. 118-31, 137 Stat. 136 (Dec. 22, 2023).

[9] Executive Order, «Preventing the Use of Ideologically Biased Artificial Intelligence in the Federal Government,» No. 14319 (July 23, 2025), 90 Fed. Reg. 142, pp. 35389–35391.

[10] Executive Order, «Promoting the Use of Trustworthy Artificial Intelligence in the Federal

Government,» No. 13960 (Dec. 3, 2020), 2020 Daily Compilation of Presidential Documents, No. DCPD202000870. // GovInfo | U.S. Government Publishing Office. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/DCPD-202000870/pdf/DCPD-202000870.pdf (accessed: September 17, 2026).

[11] United States Code. Sections 101–105. Chapter 1. Part I. Title 5. // GovInfo | U.S. Government Publishing Office. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/USCODE-2024-title5/pdf/USCODE-2024-title5-partI-chap1.pdf (accessed: September 17, 2026).

[12] United States Code. Section 9101. Chapter 91. Subtitle VI. Title 31. // GovInfo | U.S. Government Publishing Office. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/USCODE-2024-title31/pdf/USCODE-2024-title31-subtitleVI-chap91-sec9101.pdf (accessed: September 17, 2026).

[13] U.S. Supreme Court decision in the case of *Moody, Attorney General of Florida, et al. v. NetChoice, LLC, et al.*, July 1, 2024, No. 22-277 // United States Reports. 2024. Vol. 603. P. 707.

[14] Minbaleev A.V., Osipov D.P. Specifics of the Regulation of Datasets for Artificial Intelligence Abroad // Agrarian and Land Law. 2025. No. 9. pp. 104–107.

[15] Yakovlev D.E. A Decentralized Model for the Regulation of Artificial Intelligence and Automated Decision-Making Systems in the United States // Theory and Practice of Social Development. 2025. No. 12. pp. 292–297.

[16] Jeong I., Caliskan A., Kono T. Protecting Human Values: Reimagining U.S. Legislation in the Context of the Societal Impact of Generative Artificial Intelligence // AI and Ethics. 2025. Vol. 5. No. 2. pp. 1433–1459.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.11.2026 г.
DOI: 10.24412/3033-6724-2026-4-72-76

КАПАЕВ Максим Романович,
магистр, 1 курс, Юридический факультет,
Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Московский университет «Синергия»
г. Москва, Россия,
e-mail: kapaev.maxim2016@yandex.ru

ДОСУДЕБНОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ НАЛОГОВЫХ СПОРОВ: ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Аннотация. *Обязательное досудебное обжалование актов налоговых органов способствует снижению нагрузки на арбитражные суды. Однако о его эффективности судят по неоднозначным показателям: падение числа удовлетворенных жалоб может означать и рост качества контроля, и ослабление защиты. Цель - оценить, насколько действующие показатели отражают результативность досудебного урегулирования для налогоплательщика и налогового администрирования, и обосновать направления их корректировки. Использованы формально-юридический, сравнительно-правовой и статистический методы, а также анализ и синтез. Установлено, что в региональной практике доля удовлетворенных сумм снижается быстрее доли удовлетворенных жалоб; вышестоящие органы чаще исправляют частные ошибки, чем пересматривают крупные доначисления по проверкам. Упрощенный порядок, введенный с 2025 года, ускоряет рассмотрение, но не распространяется на решения по проверкам. Предложено оценивать досудебную стадию по фискальным, процессуально-защитным и информационным критериям, а при рассмотрении крупных споров обеспечить участие независимого лица; результаты применимы при совершенствовании отчетности ФНС России и главы 20 Налогового кодекса.*

Ключевые слова: *досудебное урегулирование налоговых споров, жалоба, апелляционная жалоба, упрощенный порядок обжалования, эффективность налогового администрирования, ФНС России.*

KAPAYEV Maksim Romanovich,
Master's Student, 1st Year, Faculty of Law,
Moscow University "Synergy"
(Autonomous Non-Profit Organization of Higher Education),
Moscow, Russia

PRE-TRIAL SETTLEMENT OF TAX DISPUTES: EFFECTIVENESS ISSUES

Annotation. *Mandatory pre-trial appeal against acts of tax authorities reduces the burden on arbitration courts. However, its efficiency is judged by ambiguous indicators. A falling share of satisfied complaints may mean better tax control or weaker protection of taxpayers. The aim is to assess whether current indicators reflect the real results of pre-trial settlement for taxpayers and tax administration, and to justify their adjustment. Formal legal, comparative legal and statistical methods, analysis and synthesis are used. Regional data show that the share of satisfied amounts falls faster than the share of satisfied complaints. Higher tax authorities mostly correct minor errors and rarely revise large additional assessments. The simplified procedure introduced in 2025 speeds up consideration but does not cover audit decisions. A system of fiscal, procedural and informational criteria is proposed, together with an independent participant in large disputes. The results can be used to improve the reporting of the Federal Tax Service and Chapter 20 of the Tax Code.*

Key words: *pre-trial settlement of tax disputes, complaint, appeal, simplified appeal procedure, efficiency of tax administration, Federal Tax Service of Russia.*

Введение

С 2014 г. пункт 2 статьи 138 НК РФ закрепляет правило, по которому ненормативные акты налоговых органов, действия или бездействие их должностных лиц «могут быть обжалованы в судебном порядке только после их обжалования в вышестоящем налоговом органе» [5].

Досудебная стадия превратилась в основной

фильтр налоговых споров. В первом полугодии 2026 г. суды Тюменской области рассмотрели 39 дел по спорам, прошедшим досудебное урегулирование, что на 38,1% меньше, чем годом ранее [4]. Региональное управление ФНС России считает, что этот порядок «способствует снижению количества судебных разбирательств» [4]. Сокращение судебной нагрузки, однако, может объясняться и отказом налогоплательщиков от дальнейшей защиты. Поэтому само по себе оно не говорит ни о качестве проверок, ни о действенности жалобы.

С.А. Сосновский уже через два года после введения обязательного обжалования выявил в правоприменительной практике проблемы, снижающие эффективность этого института [8]. А.З. Бадалова рассматривает досудебное урегулирование как институт повышения эффективности налогового администрирования и приводит данные УФНС России по Приморскому краю, согласно которым основная доля налоговых споров разрешается в досудебном порядке [1].

Защите прав налогоплательщиков в условиях цифровизации посвящена работа Д.М. Белоуса, где досудебное урегулирование трактуется как способ такой защиты [2]. В журнале «Налоги» тот же институт связывается с достижением показателей цифровой трансформации государственного и муниципального управления [6, с. 23]. Позиции различаются тем, чей интерес принят за мерило результата. Согласованного набора критериев эффективности при этом не сложилось. Цель статьи - оценить, насколько используемые налоговыми органами показатели отражают результативность досудебного урегулирования для обеих сторон спора, и обосновать направления их корректировки.

Правовая природа досудебного урегулирования и критерии его эффективности

Пункт 1 статьи 138 НК РФ разграничивает обращения по моменту вступления акта в силу: жалобой признается обжалование «вступивших в силу ненормативных актов налогового органа, действий или бездействия его должностных лиц» [5]. Апелляционная жалоба подается на еще не вступившее в силу решение по статье 101 или 101.4 НК РФ, и до ее рассмотрения решение в силу не вступает (п. 9 ст. 101 НК РФ). От вида жалобы зависит, будет ли доначисление взыскиваться в период спора.

Для решений по проверкам досудебная стадия оказывается одновременно защитной и обеспечительной: пока апелляционная жалоба не рассмотрена, доначисленные суммы не поступают в бюджет, и заинтересованность налогового органа в скорейшем завершении спора заложена в саму процедуру.

А.З. Бадалова описывает досудебное урегулирование как совокупность мероприятий, «осуществляемых должностными лицами налоговых органов в административном порядке, в целях урегулирования налогового спора до суда» [1]. Действующим лицом здесь выступает только администрация. У Д.М. Белоуса акценты расставлены иначе: досудебная процедура для него прежде всего служит защите прав налогоплательщика [2]; в журнале «Налоги» институт оценивается с точки зрения «снижения транзакционных издержек и выстраивания системы эффективной обратной коммуникации» [6, с. 23]. Подходы сходятся в том, что процедура заменяет суд, но расходятся в выборе стороны, чей выигрыш считается результатом.

Ни один из подходов не предлагает измеримого критерия. Ведомственная отчетность восполняет этот пробел по-своему: результат измеряется долей удовлетворенных жалоб, долей удовлетворенных сумм и числом судебных дел по спорам, прошедшим досудебную стадию [4; 7].

Каждый из ведомственных показателей допускает противоположные толкования. Низкая доля удовлетворенных жалоб совместима и с безупречными проверками, и с формальным рассмотрением, при котором вышестоящий орган поддерживает инспекцию по умолчанию. Полагаем, что оценку следует строить по трем группам критериев (классификация авторская): - фискальные - доля доначислений, сохранившихся после рассмотрения жалобы и последующего судебного контроля; - процессуально-защитные, к которым относятся сроки рассмотрения и доля нарушений, устраненных инспекцией до рассмотрения жалобы по существу; - информационные: в какой мере выводы по жалобам меняют практику нижестоящих инспекций.

Одно и то же правило п. 2 ст. 138 НК РФ по-разному действует для разных заявителей. Организация, оспаривающая решение по выездной проверке, получает прежде всего время: до рассмотрения апелляционной жалобы доначисление не взыскивается. Для гражданина, несогласного с начислением имущественных налогов, досудебная стадия заменяет судебный процесс с его издержками (жалоба не облагается государственной пошлиной). Отсюда разный вес критериев: процессуально-защитные важнее для граждан; фискальные - для крупных споров по проверкам. Единая доля удовлетворенных жалоб смешивает эти потоки.

Результаты рассмотрения жалоб в практике региональных управлений ФНС России

Данные управлений ФНС России по Самарской области (первые кварталы 2024 и 2025 гг.) и Тюменской области (первые полугодия 2025 и 2026 гг.) позволяют сопоставить, как изменилась доля жалоб, удовлетворенных полностью или частично, в общем количестве рассмотренных (таблица 1).

Таблица 1. Доля удовлетворенных жалоб в общем количестве рассмотренных, %

Управление ФНС России	Базовый период	Доля	Отчетный период	Доля	Изменение, п.п.
по Самарской области	I квартал 2024 г.	39,4	I квартал 2025 г.	13,8	-25,6
по Тюменской области	I полугодие 2025 г.	38,6*	I полугодие 2026 г.	34,0	-4,6

*Источник: составлено по [7; 4]; * - рассчитано автором по данным об изменении показателя [4].*

Изменения однонаправленны, но различаются масштабом: в Самарской области доля удовлетворенных жалоб сократилась почти втрое; в Тюменской снижение оказалось умеренным. Одинаковое направление при разной глубине падения не позволяет свести динамику к одному общему фактору вроде изменения федерального законодательства.

Абсолютные значения по Самарской области уточняют картину. Поток поступивших жалоб за первый квартал 2025 г. сократился на 20,6%; число удовлетворенных уменьшилось со 106 до 31 [7]. Удовлетворенных жалоб стало меньше на 70,8% (авторский расчет), то есть более чем втрое быстрее, чем сократился их поток. Еще резче изменилась доля удовлетворенных требований в оспариваемой сумме, отраженная в таблице 2.

Таблица 2. Доля удовлетворенных требований общей оспариваемой сумме, %

Управление ФНС России	Базовый период	Доля	Отчетный период	Доля	Изменение, п.п.
по Самарской области	I квартал 2024 г.	11,6*	I квартал 2025 г.	0,7	-10,9
по Тюменской области	I полугодие 2025 г.	4,4*	I полугодие 2026 г.	1,1	-3,3

*Источник: составлено по [7; 4]; * - рассчитано автором по данным об изменении показателя.*

По авторскому расчету на данных [7], заявители Самарской области оспаривали за квартал около 3 млрд руб. Удовлетворена из этой суммы менее чем сотая часть; при этом положительное решение, полное или частичное, получала примерно каждая седьмая рассмотренная жалоба. Крупные доначисления на досудебной стадии, по всей видимости, почти не пересматриваются.

Различие между долей удовлетворенных жалоб и долей удовлетворенных сумм представляется наиболее содержательным итогом сопоставления: вышестоящие органы, вероятно, исправляют частные и процедурные ошибки инспекций; выводы проверок, на которые приходится основной объем оспариваемых сумм, меняются ими редко.

Управление ФНС России по Тюменской области расценивает одновременное сокращение судебных дел и удовлетворенных жалоб как подтверждение возросшей эффективности досудебного урегулирования [4]. С таким толкованием можно согласиться лишь отчасти. Если вышестоящий орган реже удовлетворяет жалобы, а суды реже получают дела, налогоплательщики либо соглашаются с выводами проверок, либо отказываются от защиты, считая ее бесперспективной. Отчетность эти варианты не различает. Разграничить их позволяет лишь исход судебных дел по спорам, прошедшим досудебную стадию: он прямо показывает, ошибался ли вышестоящий орган, когда отказывал в жалобе.

Упрощенный порядок обжалования и направления повышения результативности досудебной стадии

С 1 января 2025 г. действует статья 140.1 НК РФ: жалоба рассматривается вышестоящим должностным лицом той же инспекции, без передачи в управление, в течение семи рабочих дней [5]. Решения по камеральным и выездным проверкам, вынесенные по статьям 101 и 101.4 НК РФ, в этом порядке не обжалуются, и для них сохраняется общий порядок.

Первые результаты применения нормы опубликованы по Красноярскому краю: инспекции края удовлетворили в упрощенном порядке 124 жалобы (по итогам 2025 г.) [3]. После вступления в силу с 1 ноября 2025 г. нового порядка учета и погашения налоговой задолженности физических лиц, не являющихся предпринимателями, в управление обратились 37 граждан, несогласных с начислениями и взысканием [3]. Оба факта относятся к потоку споров, где сумма невелика и решающее значение имеет скорость. Сопоставить процедуры по единым критериям позволяет таблица 3.

Таблица 3. Сопоставление порядков досудебного обжалования по НК РФ

Критерий	Апелляционная жалоба (ст. 139.1, 140)	Жалоба в общем порядке (ст. 139, 140)	Упрощенный порядок (ст. 140.1)
Кто рассматривает	вышестоящий налоговый орган	вышестоящий налоговый орган	вышестоящее должностное лицо той же инспекции
Срок рассмотрения	один месяц с возможностью продления	от 15 дней до одного месяца, с возможностью продления	семь рабочих дней
Обжалуемые акты	не вступившие в силу решения по ст. 101, 101.4	вступившие в силу акты, действия, бездействие	акты, действия, бездействие, кроме решений по ст. 101, 101.4
Внешний характер проверки акта (авторская оценка)	внешний орган той же системы	внешний орган той же системы	проверка внутри инспекции

Источник: составлено автором по [5].

Самый быстрый порядок закрыт как раз для решений по проверкам; именно по ним, судя по данным таблицы 2, досудебная стадия дает заявителю наименьший результат в денежном выражении.

Корректировку целесообразно начать с ведомственной отчетности. Наряду с долей удовлетворенных жалоб в ней полезно раскрывать долю нарушений, устраненных инспекцией до рассмотрения жалобы по существу; не менее важна доля судебных решений в пользу заявителей по спорам, прошедшим досудебную стадию. Если последняя растет при падении доли удовлетворенных жалоб, вывод однозначен: процедура работает как барьер, а не как фильтр.

Для апелляционных жалоб по выездным проверкам с крупными суммами доначислений перспективно коллегиальное рассмотрение; в нем участвует лицо, не подчиненное налоговому органу, рассматривающему жалобу (например, представитель уполномоченного по защите прав предпринимателей). Предложение нуждается в проверке на нескольких пилотных регионах, поскольку его результат зависит от того, получит ли такой участник право голоса при принятии решения.

Жалобы несут сведения о типичных ошибках инспекций, и в журнале «Налоги» их предложено использовать для совершенствования законодательства и технологических процессов налоговых органов [6]. Практическим шагом может стать публикация обезличенных решений по жалобам, сгруппированных по видам нарушений. Тогда налогоплательщик заранее видит позицию вышестоящего органа, а инспекция - границы допустимых выводов. Прогноз здесь условен. Если отчетность дополнится исходом судебных дел, а в крупных спорах появится независимый участник, доля удовлетворенных сумм, по оценке автора, перестанет снижаться быстрее доли удовлетворенных жалоб; при прежних критериях разрыв сохранится.

Заключение

Досудебное урегулирование налоговых споров в силу п. 2 ст. 138 НК РФ совмещает защитную, обеспечительную и фильтрующую функции, а авторы, исходящие из интересов администрации, прав налогоплательщика или обратной связи, по-разному понимают его результат. Ведомственные показатели эту множественность не отражают. Предложенная классификация разделяет фискальные, процессуально-защитные и информационные критерии эффективности.

Сопоставление региональных данных показало, что доля удовлетворенных сумм снижается быстрее доли удовлетворенных жалоб (в Самарской области в первом квартале 2025 г. - 0,7% против 13,8%), и крупные доначисления по проверкам на досудебной стадии почти не пересматриваются.

Упрощенный порядок по ст. 140.1 НК РФ ускоряет разрешение небольших споров, как видно по практике Красноярского края, но не распространяется на решения по проверкам. Повысить результативность досудебной стадии способны дополнение отчетности исходом судебных дел, участие независимого лица в рассмотрении крупных апелляционных жалоб и публикация обезличенных решений. Выводы применимы к ведомственной отчетности ФНС России и главе 20 НК РФ. Пределы выводов определяются короткими сопоставимыми периодами, не позволяющими отделить влияние качества проверок от отказа налогоплательщиков от защиты.

Дальнейшего изучения требуют исходы судебных дел по спорам, прошедшим досудебную стадию, в разрезе отраслей и видов налогов. Перспективна и оценка пилотного участия независимых представителей в рассмотрении жалоб, если такая практика будет введена.

Список литературы:

[1] Бадалова А.З. Досудебное урегулирование налоговых споров как институт повышения эффективности налогового администрирования // Дневник науки. 2018. № 1. URL: http://edrj.ru/article/16-01-18 (дата обращения: 13.10.2026).

[2] Белоус Д.М. Досудебное урегулирование налоговых споров как способ защиты прав налогоплательщиков в эпоху цифровизации // Флагман науки. 2024. № 6 (17). DOI: 10.37539/2949-1991.2024.17.6.029. URL: https://www.researchgate.net/publication/382347282_dosudebnoe_uregulirovanie_nalogovyh_sporov_kak_sposob_zasity_prav_nalogoplatelsikov_v_epohu_cifrovizacii (дата обращения: 13.10.2026).

[3] В Управлении подвели итоги досудебного урегулирования налоговых споров за 2025 год // Официальный сайт ФНС России (Красноярский край). URL: https://www.nalog.gov.ru/rn24/news/activities_fts/16603501/ (дата обращения: 15.10.2026).

[4] Досудебное урегулирование налоговых споров: итоги первого полугодия // Официальный сайт ФНС России (Тюменская область). URL: https://www.nalog.gov.ru/rn72/news/tax_doc_news/16642528/ (дата обращения: 15.10.2026).

[5] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (в действующей редакции). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения: 13.10.2026).

[6] Новые подходы к урегулированию споров с налоговыми органами в досудебном порядке // Налоги. 2025. № 2. С. 23-27.

[7] Подведены итоги работы по досудебному урегулированию налоговых споров за 1 квартал 2025 года // Официальный сайт ФНС России (Самарская область). URL: https://www.nalog.gov.ru/rn63/news/activities_fts/16270035/ (дата обращения: 15.10.2026).

[8] Сосновский С.А. Досудебное обжалование актов, действий и решений налоговых органов: так ли все хорошо? // Налоговед. 2015. URL: https://www.nalogoved.ru/art/5455.html (дата обращения: 14.10.2026).

References:

[1] Badalova A.Z. Pre-trial settlement of tax disputes as an instrument for enhancing the efficiency of tax administration // Dnevnik nauki [Diary of Science]. 2018. No. 1. URL: http://edrj.ru/article/16-01-18 (accessed: 13.10.2026).

[2] Belous D.M. Pre-trial settlement of tax disputes as a means of protecting taxpayers' rights in the era of digitalization // Flagman nauki [Flagship of Science]. 2024. No. 6 (17). DOI: 10.37539/2949-1991.2024.17.6.029. URL: https://www.researchgate.net/publication/382347282_dosudebnoe_uregulirovanie_nalogovyh_sporov_kak_sposob_zasity_prav_nalogoplatelsikov_v_epohu_cifrovizacii (accessed: 13.10.2026).

[3] Regional Office summarizes results of pre-trial tax dispute settlements for 2025 // Official website of the Federal Tax Service of Russia (Krasnoyarsk Krai). URL: https://www.nalog.gov.ru/rn24/news/activities_fts/16603501/ (accessed: 15.10.2026).

[4] Pre-trial settlement of tax disputes: results for the first half of the year // Official website of the Federal Tax Service of Russia (Tyumen Oblast). URL: https://www.nalog.gov.ru/rn72/news/tax_doc_news/16642528/ (accessed: 15.10.2026).

[5] Tax Code of the Russian Federation (Part One) dated July 31, 1998, No. 146-FZ (as currently amended). // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (accessed: 13.10.2026).

[6] New Approaches to Pre-trial Dispute Resolution with Tax Authorities // Taxes (Nalogi). 2025. No. 2. pp. 23–27.

[7] Results of Pre-trial Tax Dispute Resolution for the First Quarter of 2025 // Official Website of the Federal Tax Service of Russia (Samara Region). URL: https://www.nalog.gov.ru/rn63/news/activities_fts/16270035/ (accessed: 15.10.2026).

[8] Sosnovsky S.A. Pre-trial Appeal of Acts, Actions, and Decisions of Tax Authorities: Is Everything Really That Good? // Nalogoved. 2015. URL: https://www.nalogoved.ru/art/5455.html (accessed: 14.10.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.11.2026 г.
DOI: 10.24412/3033-6724-2026-4-77-79

БЫКОВСКАЯ Владислава Денисовна,
студент 5 курса, Крымский филиал РГУП,
e-mail: vladayalta@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ АКТИВНОЙ РОЛИ СУДА В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. *В статье сделан анализ роли суда в процессе доказывания в административном судопроизводстве. Обосновано, что административном судопроизводстве различие правового статуса сторон требует более активного участия суда, чем в гражданском и арбитражном процессах. Доказано, что суд является субъектом собирания доказательств в административном процессе. Предложены изменения отдельных положений административно-процессуального законодательства, укрепляющие активную роль суда в процессе доказывания.*

Ключевые слова: *административное судопроизводство, доказывание, пределы доказывания, доказательства, оценка доказательств, суд.*

BYKOVSKAYA Vladislava Denisovna,
5th-year student,
Crimean Branch of the Russian State University of Justice

ON THE ACTIVE ROLE OF THE COURT IN THE EVIDENTIARY PROCESS IN ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS

Annotation. *This article analyzes the role of the court in the evidentiary process within administrative proceedings. It is argued that the disparity in the legal status of the parties in administrative proceedings necessitates a more active role for the court compared to civil or commercial (arbitration) litigation. The article establishes that the court functions as an active participant in the collection of evidence within the administrative process. Furthermore, it proposes amendments to specific provisions of administrative procedural legislation designed to strengthen the court's active role in the evidentiary process.*

Key words: *administrative proceedings, evidentiary process, scope of proof, evidence, evaluation of evidence, court.*

В Российской Федерации судебные споры частных субъектов права и органов публичной власти решаются в порядке административного судопроизводства. Спецификой сторон правового конфликта является подчиненное отношение одной стороны по отношению к другой, что без дополнительных вспомогательных процессуальных механизмов существенно затрудняет реализацию принципа состязательности сторон, особенно, на этапе доказывания, что компенсируется распределением бремени доказывания, а также особой ролью суда.

Традиционными принципами судопроизводства является состязательность и равноправие сторон. В гражданском и арбитражном процессах данные принципы реализуются наиболее «естественно» в силу одинакового правового статуса сторон. В административном судопроизводстве различие правового статуса сторон требует более активного участия суда, чем в гражданском и арбитражном процессах.

Традиционно в доказательственную деятельность включается собирание, исследование и оценку доказательств для установления объективной истины по делу. Ю.А. Широкопояс выделяет следующие этапы доказывания: «определение судом предмета доказывания; выявление, собирание и представление доказательств по делу; исследование доказательств и их оценка» [1, с. 46]. В.В. Ярков подчеркивает, что «доказывание, будучи общим процессуально-правовым институтом административного процессуального права, присутствует на любой стадии процесса и при рассмотрении каждой категории дел. В связи с этим стадии доказывания совпадают со стадиями процесса: определение предмета доказывания и обязанности доказывания, выявление и собирание доказательств; исследование доказательств в суде первой инстанции; проверка соблюдения норм права о доказывании при пересмотре судебных актов; доказывание при исполнении судебных актов» [2, с. 128].

Согласно п. 7 ст. 6 КАС РФ, принципов административного судопроизводства является: «состязательность и равноправие сторон административного судопроизводства при активной роли суда». По мнению Е.Н. Кулюшина, «активность суда в гражданском судопроизводстве по сравнению с административным имеет более ограниченный характер, что проявляется в специфике правового режима гражданского судопроизводства с преимущественным методом дозволения в отношении доказательственного материала и ограниченной активности суда первой инстанции» [4, с. 151].

В.А. Майборода определил следующее содержание активной деятельности суда в доказывании по административно-правовому спору: «истребование доказательств по собственной инициативе, что реализуется путем вызова свидетеля (чч. 4, 6 ст. 69 КАС РФ); полномочия суда по предмету доказывания в отношении публично-правовых споров (ч. 3 ст. 62 КАС РФ), особая роль суда в собирании доказательств (ч. 1 ст. 63)» [5, с. 58].

Однако, думается, содержание активной деятельности суда в процессе доказывания гораздо шире. Доказательственная деятельность суда начинается еще до проведения судебного разбирательства на стадии подготовки к нему. Судья должен сформировать систему доказательств, на основе которых в последующем будет осуществляться правосудие по публично-правовому спору. Из ст. 135 КАС РФ можно заключить, что суд реализует свои полномочия, привлекая лиц, участвующих в деле, экспертов, как источников доказательств, разрешает ходатайства. Решая организационные задачи на этой стадии, суд дает распоряжения о вызове в судебное заседание всех необходимых лиц, показания которых имеют значение для разрешения дела. Также активность суда на этой стадии выражается в реализации полномочий по назначению экспертных исследований, получению вещественных, письменных доказательств. Суд вправе инициировать неотложное рассмотрение административного дела, принимать решения по ходатайствам о необходимости неотложного судебного разбирательства.

Такими же доказательственными полномочиями наделен суд и при разрешении дела по существу. Также определяется предмет доказывания по делу, решаются вопросы о предоставлении в указанный судом срок значимых для решения дела доказательств. Суд может инициировать истребование доказательств – письменных, вещественных, видео- и аудиозаписей, провести допрос свидетеля, назначить экспертизу, допросить эксперта по поводу проведенной раннее экспертизы. Суд не ограничивается в праве вызывать в судебное заседание свидетелей, эксперта, специалиста, переводчика.

На этапе разрешения дела по существу происходит исследование доказательств. Правовое регулирование процесса исследования закрепляют ст.ст. 68-83 КАС РФ. В этих положениях раскрываются правила заслушивания участников дела, свидетелей, экспертов, ознакомление и оглашение письменных доказательств, осмотр вещественных доказательств, воспроизведение аудио- и видеозаписи. Суд на данном этапе в полном объеме реализует свои полномочия, осуществляя познавательную, исследовательскую, аналитическую деятельность. Суд может исследовать доказательства непосредственно в судебном заседании и опосредованно при помощи видеоконференц-связи.

В.В. Котлярова охарактеризовала данный этап следующим образом: «исследование судебных доказательств представляет собой самостоятельный этап судебного доказывания, направленный на восприятие имеющихся в деле доказательств с целью их изучения и последующей оценки» [3, с. 39].

Важнейшим этапом доказывания является оценка доказательств, содержание которой закрепляет ст. 88 КАС РФ. При оценке допустимости доказательств суд проверяет их соответствие требованию законодательства. Суд исключает из дальнейшего рассмотрения доказательства, полученные в нарушение закона. Причем решение об исключении доказательств суд принимает, как по собственной инициативе, так и по результату рассмотрения ходатайства сторон. Соответственно, на суде лежит обязанность рассмотреть такое ходатайство и принять по нему решение в зависимости от доказанности или недоказанности соответствия получения доказательства законодательству. Думается, если суд инициировал исключение недопустимого доказательства, необходимо мотивировать данное решение, поэтому целесообразно дополнить ч. 3 ст. 61 КАС РФ следующим положением: «При исключении недопустимого доказательства по инициативе суда бремя доказывания обстоятельств, на которых основывается вывод о недопустимости доказательств, возлагается на суд».

Думается, суд вправе исключить недопустимое доказательство при его выявлении на любом этапе процесса, как на подготовительном, так и при рассмотрении дела в судебном заседании.

Доказательство будет относимым, если оно дает значимую информацию для решения административного спора. Доказательство удовлетворяет требованию достоверности, если четко отображает обстоятельства, отвечает действительности, не противоречит иным доказательствам, находится с ними в логической взаимосвязи. Достаточность характеризует совокупность полученных по делу допустимых, относимых, достоверных доказательств.

Процессуальные кодексы регулируют действия суда при получении заявления о фальсификации доказательства. Как подчеркивает М.А. Фокина, «активная роль суда в административном судопроизводстве заключается также в обязан-

ности суда проверять доказательство, которое не отозвано стороной вопреки заявлению о его фальсификации» [7, с. 77].

В гражданском и арбитражном судопроизводстве на первый план выводится состязательность сторон, суд не относится к субъектам собирания доказательств, указывая только на содействие сторонам в данном этапе доказывания. При этом можно согласиться с И.В. Решетниковой, «как бы мы ни развивали состязательность, вводя обмен состязательными документами, раскрытие доказательств, профессиональное представительство и пр., стороны в нашем процессе не будут настолько же активны, как в исконно состязательном судопроизводстве стран общего права. Российская состязательность судопроизводства взращена на иной процессуальной почве, поэтому и в доказывании суд не будет столь же пассивен, как в странах с состязательным типом судопроизводства» [6].

Таким образом, в административном судопроизводстве суд играет ключевую роль в процессе доказывания, обеспечивая соблюдение принципов справедливости и законности. В отличии от гражданского и арбитражного судопроизводств, в административном процессе суд выступает субъектом собирания доказательств, что компенсирует различие правового статуса сторон и помогает обеспечить их процессуальное равенство. Активное участие суда в оценке доказательств позволяет не только правильно установить фактические обстоятельства дела, но и создать необходимые условия для обеспечения состязательности и процессуального равенства сторон, что имеет особое значение в административном споре между юридически неравными сторонами. Только активная позиция суда в административном судопроизводстве может обеспечить надлежащее качество итоговых решений, избежать их обжалований в вышестоящих инстанциях. Это требует дальнейшего развития инструментов, обеспечивающих активное участие суда в доказывании, как совершенствование законодательства, повышение квалификации судей, предоставления им необходимых ресурсов.

Список литературы:

[1] Административное судопроизводство (общие положения): учеб. пособие / Ю.А. Широкопояс, Е.Г. Томбулова. – Краснодар: КубГАУ, 2023. – 88 с.

[2] Административное судопроизводство: учебник / Под ред. В.В. Яркова. – М., Статут, 2026. – 560 с.

[3] Котлярова В.В. Судебное доказывание по гражданским и административным делам: учебное пособие. – Самара: Издательство Самарского университета, 2024. – 88 с.

[4] Кулюшина Е.Н. Суд первой инстанции как субъект административного судопроизводства: дис. … канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2020. – 214 с.

[5] Майборода В.А. Активная роль суда в административном судопроизводстве // Судья. 2017. № 3. С. 57-60.

[6] Решетникова И.В. Современные тенденции развития доказывания в арбитражном, гражданском и административном процессуальном праве // СПС КонсультантПлюс. Закон. 2025. № 2. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=11154734 (дата обращения: 09.09.2026).

[7] Фокина М. А. Доказывание в административном судопроизводстве: проблемы эффективности правового регулирования // Современное право. 2017. № 3. С. 75-79.

References:

[1] Administrative Legal Proceedings (General Provisions): A Study Guide / Yu.A. Shirokopoyas, E.G. Tombulova. – Krasnodar: KubSAU, 2023. – 88 p.

[2] Administrative Legal Proceedings: A Textbook / Ed. by V.V. Yarkov. – Moscow: Statut, 2026. – 560 p.

[3] Kotlyarova V.V. Judicial Proof in Civil and Administrative Cases: A Study Guide. – Samara: Samara University Press, 2024. – 88 p.

[4] Kulyushina E.N. The Court of First Instance as a Subject of Administrative Legal Proceedings: Dissertation for the Degree of Candidate of Legal Sciences. – Yekaterinburg, 2020. – 214 p.

[5] Mayboroda V.A. The Active Role of the Court in Administrative Legal Proceedings // Sudya [The Judge]. 2017. No. 3. pp. 57–60.

[6] Reshetnikova I.V. Modern Trends in the Development of Proof in Arbitration, Civil, and Administrative Procedural Law // ConsultantPlus Legal Reference System. Zakon [Law]. 2025. No. 2. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=11154734 (accessed: 09.09.2026).

[7] Fokina M.A. Proof in Administrative Legal Proceedings: Issues Regarding the Effectiveness of Legal Regulation // Sovremennoye Pravo [Modern Law]. 2017. No. 3. pp. 75–79.

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.11.2026 г.
DOI: 10.24412/3033-6724-2026-4-80-86

ПЕТРОВ Руслан Владимирович,
магистрант группы мПЛ41в,
ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ»,
г. Новосибирск, Россия,
e-mail: romf.rus@yandex.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Статья посвящена психологическим аспектам организации гражданского судопроизводства в Российской Федерации. В статье рассматривается взаимосвязь между особенностями модели отправления правосудия в рамках гражданского судопроизводства и психологией поведения участников гражданского процесса, а также роль судьи в гражданском процессе. В результате исследования делается вывод о том, что на психологию гражданского процесса влияют как особенности выстраивания гражданских правоотношений, так и модель организации гражданского судопроизводства.*

Ключевые слова: *юридическая психология, психология судебной деятельности, гражданский процесс, модель правосудия, гражданское судопроизводство, судебный процесс, суд.*

PETROV Ruslan Vladimirovich,
Master's student, group mPL41v,
Novosibirsk State University of Economics and Management (NSUEM),
Novosibirsk, Russia

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF THE ORGANIZATION OF CIVIL PROCEEDINGS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article is devoted to the psychological aspects of the organization of civil proceedings in the Russian Federation. The article examines the relationship between the features of the model of administration of justice in civil proceedings and the psychology of behavior of participants in civil proceedings, as well as the role of judges in civil proceedings. As a result of the study, it is concluded that the psychology of civil procedure is influenced by both the specifics of building civil legal relations and the model of organization of civil proceedings.*

Key words: *legal psychology, psychology of judicial activity, civil procedure, model of justice, civil proceedings, judicial process, court.*

Еще с начала последнего десятилетия прошлого века в Российской Федерации ведется планомерное и последовательное реформирование судебной системы, направленное в том числе на поиск и внедрение наиболее оптимальной модели правосудия во всех, закрепленных в части 2 статьи 118 Конституции России [1] видах судопроизводства, включая и гражданский процесс.

Современная судебная система Российской Федерации находится в процессе постоянного совершенствования, и интеграция психологических знаний способна внести существенный вклад в повышение её эффективности. Рост количества сложных гражданских дел требует от участников судебного процесса не только юридической грамотности, но и умения справляться с эмоциональными и психологическими нагрузками.

Внимание к психологическим аспектам при отправлении правосудия способствует гуманизации судебного процесса, что положительно сказывается на восприятии судопроизводства обществом как справедливого механизма разрешения сложившихся правовых проблем и в росте доверия к судебной системе в целом.

Безусловно, разработка эффективной концепции организации и отправления правосудия требует проработанного межотраслевого подхода, прежде всего это относится к области теоретического и практического регулирования посредством юридического инструментария, но также, и не в последнюю очередь, к решению важнейших задач при помощи психологической науки. Наиболее плодотворно такое межотраслевое взаимодействие в настоящее время уже нашло свое теоретическое применение и практическое воплощение в сфере уголовного права и уголовного судопроизводства.

Однако, область гражданского права и гражданского судопроизводства еще крайне мало исследована с позиции психологической науки.

Традиционно юридическая практика фокуси-

руется преимущественно на нормативно-правовых и процедурных вопросах, уделяя недостаточное внимание психологическим механизмам, которые могут как усиливать эффективность судебного разбирательства, так и создавать дополнительные барьеры на пути к справедливому разрешению гражданско-правовых споров. Отсутствие комплексного анализа таких факторов, как стресс, когнитивные искажения, межличностные конфликты и коммуникативные барьеры, может привести к необъективному толкованию норм и снижению качества судебного процесса.

В современном обществе вопросы правосудия занимают одно из центральных мест в обеспечении стабильности и справедливости, а гражданское судопроизводство является ключевым механизмом разрешения споров между гражданами и организациями. Несмотря на четко выстроенные правовые нормы и процедуры, практика судебных разбирательств часто осложняется влиянием психологических факторов, оказывающих значимое воздействие как на участников судебного процесса, так и на итоговое качество принимаемых решений. В связи с этим исследование психологических аспектов организации гражданского судопроизводства в Российской Федерации приобретает особую значимость.

На практике исследование психологических аспектов организации гражданского судопроизводства не в малой мере обусловлено концептуальными особенностями развития цивилистического процесса в Российской Федерации, а также психологическими установками гражданских правоотношений.

Традиционно гражданские правоотношения основываются на фундаментальных принципах равенства участников таких отношений, свободы договора. Соответственно им формируется модель поведения субъектов таких отношений, которые в полной мере должны осознавать свои действия и понимать их последствия.

В свою очередь психологические аспекты присущи и содержанию, и принципам гражданского права – принципам обеспечения равных правовых возможностей граждан, состязательности и др., и гражданско-правовому нормотворчеству: правовые нормы реализуются лишь при их соответствии общественным потребностям и поведенческим возможностям субъектов правового регулирования.

Ряд гражданско-правовых норм имеет нравственно-психологическое содержание (оспаривание сделок, совершенных под влиянием обмана, насилия, угрозы, злонамеренного соглашения представителя стороны с другой стороной, совершение сделки на крайне невыгодных условиях под влиянием стечения тяжелых обстоятельств) [16, с. 520].

Юридическое равенство участников гражданских правоотношений предполагает, что обязанное лицо не подчинено уполномоченному, а лишь функционально связано с ним посредством притязания [14, с. 144].

Таким образом, формально исключается внепроцессуальное давление на одну из сторон таких правоотношений.

Гражданское право напрямую связано с гражданским процессом, последний должен выступать механизмом преломления правовых норм к определенным правоотношениям. Соответственно, основополагающие начала гражданско-правового регулирования должны быть ретранслированы при отправлении правосудия по гражданским делам.

Гражданское-правовое регулирование, с точки зрения социальной справедливости, служит главным образом для решения и защиты разного рода социальных видов отношений, в которые граждане систематически вступают, направляя свою деятельность на достижение каких-либо конкретных целей и реализации своих интересов. В различных видах социального взаимодействия между гражданами складываются отношения сотрудничества и враждебности, соперничества и соревнования, поэтому у них должна быть возможность обращения к гражданскому судопроизводству для защиты своих личных прав, законных интересов, чести и достоинства [8, с. 106].

Принимая участие в общественных отношениях, граждане систематически показывают свои поведенческие особенности, регулирующие их психику и ценностные ориентации. Для реализации своих целей, люди осуществляют социальное межличностное взаимодействие, выступают в разнообразных гражданских отношениях, имеющих правовую и психологическую природу.

Гражданский судебный процесс представляет собой совокупность формальных и психологических составляющих, включая в себя строгую процедурность рассмотрения дела и выступая в качестве сферы общения между людьми. Поэтому судебный процесс связан с различными социально-психологическими явлениями, как например: восприятие и понимание людьми друг друга, особенности оценочных суждений в группе, внушение, авторитетность, социально-психологическая роль личности и т.п. [10, с. 478]. «Если с юридической точки зрения судопроизводство – строгая процедура, регламентируемая законом, то с психологической точки зрения – это познавательная деятельность суда, ведущая к справедливому разрешению дела» [21, с. 149].

В гражданском судопроизводстве участвуют судьи, истцы, ответчики, адвокаты, практикующие юристы и ряд других заинтересованных лиц. Взаимодействие этих субъектов подвержено влиянию различных психологических факторов, которые могут определять ход судебного разбирательства и итоговое решение, постановленное судом.

Процессы гражданско-правовой регуля-

ции и гражданского судопроизводства диктуют юристам необходимость глубокого понимания закономерностей человеческой психики. К психическим явлениям относят: возникновение сформированных мотивов и целей деятельности, выбора способов действия, структуры чувств и эмоций, волевой регуляции поведения и межличностных отношений, видов и причин конфликтов. Эти понятия широко отражаются в гражданском праве, поскольку перечисленные психические явления показаны во всех сферах частной жизни граждан [8, с. 115 - 116].

Говоря о гражданском судопроизводстве, также представляется важным отметить тот факт, что процесс познания истины в гражданском процессе происходит несколько сложнее, чем в уголовном. Когда уголовное дело поступает на рассмотрение в суд, то уже существует модель подлежащего исследованию преступления, тогда как в гражданском процессе подобная модель создается самим судьей [8, с. 478].

По мнению О.В. Шутенко: «Гражданское судопроизводство представляет собой, по сути, регламентированную форму правового конфликта» [26, с. 29].

В психологическом отношении в гражданском процессе главное место занимает противоборство интересов, и целью гражданского судопроизводства и в частности судьи является урегулирование данного противоборства на законном основании.

Исходя из данного положения, судья должен обладать таким качеством, как мастерство ведения переговоров, так как переговоры – это важнейшая составляющая судебного процесса и цивилизованное средство разрешения конфликта.

Именно судья организует и регулирует взаимодействие сторон гражданского процесса, следит за тем, чтобы ни одна из сторон не задавала аморальные вопросы, наводящие, провокационные и вопросы по уже выясненным обстоятельствам. Также судья отличается от других участников гражданского процесса и тем, что он является носителем властных полномочий. Если в процессе происходят нарушения порядка, суд может выразить обязательную для сторон волю под угрозой применения санкций, например, удаления нарушителя из зала судебных заседаний и/или наложение штрафа.

Роль судьи заключается не только в реализации процессуальных норм судопроизводства, но также председательствующий задает культурный тон судебного заседания, обеспечивает социально-ролевое поведение в соответствии с общепринятыми стандартами. Если исходить из позиций социальных ролей по Э. Берну, которые люди чаще всего берут на себя общаясь друг с другом (взрослый, родитель, ребенок), то личность судьи должна характеризовать качества, присущие «взрослому». Однако и некоторые качества «родителя» могут принести пользу, в частности ответственность, поскольку судья должен быть ответственен за результат рассмотрения дела и не может проявлять равнодушия и отрешенности. По словам В.Л. Васильева: «Деятельность судьи связана с высоким эмоциональным напряжением и требует от него умения управлять своей и чужой эмоциональной сферой» [10, с. 478].

Судьи в гражданском судопроизводстве от лица суда выполняет важнейшую, можно сказать ключевую функцию – осуществляют отправление правосудия и являются центральной фигурой в гражданском судопроизводстве, принимая решения, которые могут существенно повлиять на многие факторы жизни людей. Их профессиональная деятельность связана с высокой степенью ответственности, что накладывает отпечаток на их психологическое состояние и особенности принятия решений.

Установление судьей коммуникативного взаимодействия с участниками процесса считается важным условием эффективности гражданского процесса. Сущность которого заключается в выявлении фактической основы иска, соединении инициативы сторон с активностью суда, привлечение сторон и других участников процесса к плодотворному сотрудничеству. В процессе установления судьей коммуникативного взаимодействия с участниками процесса выясняются их позиции в имеющемся конфликте и сущности возникших между ними психологических барьеров и, конечно же ликвидируется напряжение между сторонами конфликта. Уже при подготовке дела к слушанию в суде, поиск путей снятия конфликтного противоборства сторон считается важным аспектом качественного рассмотрения гражданских дел. В гражданском судопроизводстве, важным считается противодействие психологических установок, а также имущественных и неимущественных личных интересов. И решение указанной проблемы естественно ложится на плечи судьи. В данном случае, выявляются два существенных элемента личности судьи, как субъекта гражданского процесса. Во-первых, судья должен показать себя перед участниками процесса как руководителя, который обладает следующими качествами: умением сохранять спокойствие в напряженных ситуациях, эмоциональной сдержанностью, самоконтролем, а также требовательностью к форме поведения и высказываниям лиц, участвующих в процессе. Во-вторых, судья должен являться, в некотором роде, психологом процесса, проявляющим тактичность, терпимость, способность к релаксации, а также к снижению чрезмерной эмоциональной возбужденности отдельных участников заседания. Судья должен заставить людей тщательно задуматься над причинами их конфликта. Довольно часто люди действуют под влиянием определенных эмоций и стрессов, не подвергая основательному логическому анализу суть конфликтной ситуации. Важно учитывать прочность

и устойчивость позиций, сформировавшихся у сторон, стратегию поведения, выбранную ими и характерологические и интеллектуальные особенности личностей [13, с. 153].

Судья должен уметь прогнозировать поведение сторон в период судебного разбирательства их дела, устанавливать характер их активных, честных, искренних и правдивых действий. Для судьи важное значение должно иметь опережение отдельных негативных проявлений поведения сторон и продумывание наиболее вероятностных ходов судебного разбирательства конкретного дела [16, с. 526].

Эффективность правового регулирования, зависит не только от необходимого количества правовых знаний, имеющихся у судей, но и от их способности творчески анализировать сложные правовые ситуации, от их волевого желания принимать ответственные, справедливые и обоснованные решения с «холодной головой».

Однако зачастую длительная работа в судебной системе приводит к изменению личностных качеств судей. Они становятся более сдержанными, критичными и склонными к формальному подходу, становятся склонными к шаблонному и стереотипному мышлению. Некоторые исследования указывают, что длительная работа в судебной сфере снижает уровень эмпатии, что может отражаться на качестве правосудия.

Психологические особенности судей оказывают существенное влияние на процедуру гражданского судопроизводства. Личностные характеристики, уровень стресса и когнитивные искажения могут как способствовать вынесению справедливых решений, так и создавать риски судебных ошибок. Поэтому важно учитывать эти факторы при организации судебной системы и разработке мер по поддержке судей и судебной системы в целом.

Анализ деятельности судьи с точки зрения психологии показал, что эта функция судьи представляет собой не только предпосылку качественного рассмотрения принятых к производству дел, но и причину развития будущих отношений конфликтующих сторон, которые являются участниками судебного процесса. Психологические особенности судебного разбирательства, являющиеся юридической деятельностью судьи, представлены в виде совокупности коммуникативного, познавательного, организационного и воспитательного подвидов профессиональной деятельности [22, с. 99].

Установление судьей коммуникативного взаимодействия с участниками процесса считается важным условием эффективности гражданского процесса.

Активность сторон всегда направляется судом. Стороны не только вправе, но и обязаны сообщать суду факты в обоснование своих требований и приводить соответствующие доказательства [23, с. 66-67].

В то же время для анализа психологических аспектов гражданского процесса, очень важным является процесс и результат выявления общих закономерностей формирования моделей поведения и иных, помимо судей, участников гражданского судопроизводства, а также выявление психологических закономерностей, которые появляются при отправлении правосудия по гражданским делам, определения их роли в практике отправления правосудия, достижение поставленных перед правосудием целей и особенности воспитательного воздействия в суде общей юрисдикции.

Судебные разбирательства часто вызывают сильные эмоциональные реакции у их участников. Испытываемый стресс может приводить к повышенной тревожности, агрессии или даже апатии. Исследования показывают, что высокий уровень стресса снижает способность к объективному восприятию информации и приводит к когнитивным искажениям. Повышенная эмоциональная вовлеченность участников гражданского судопроизводства может приводить к несоответствию их показаний на разных стадиях процесса.

Эмоциональное состояние может также оказывать влияние и на профессиональных участников процесса (адвокатов и практикующих юристов), вынуждая их действовать импульсивно или делать ошибки в приведении различных доказательств и аргументации.

Кроме того, судьи, адвокаты и практикующие юристы подвержены синдрому профессионального выгорания, который снижает уровень эмпатии и внимательности к деталям дела. В результате чего по итогам рассмотрения дел суды могут принимать менее взвешенные решения и проявлять меньшую объективность при разрешении спора.

Психологические факторы, такие как эмоциональное состояние, когнитивные искажения и профессиональное выгорание, оказывают значительное влияние на гражданское судопроизводство. Их учет и применение научно обоснованных методик по снижению их воздействия может повысить объективность и справедливость судебных решений.

Объективность и справедливость решений в гражданском судопроизводстве требуют того, чтобы психологические знания стали для юристов профессиональными навыками, наряду с их знаниями в области юриспруденции.

Особенно сложной, психологизированной оказывается судебная ситуация при бескомпромиссном противоборстве сторон. Противоборствующее взаимодействие возникает в конфликтной ситуации имевшейся ранее между участниками процесса или возникшей уже в ходе судебного разбирательства. Конфликт обостряется на основе инцидента, когда одна из сторон осуществляет действия, ущемляющие интересы другой. При неконструктивном конфликте сторо-

ны, как правило, прибегают к нравственно осуждаемым методам борьбы. На базе первоначального конфликта надстраивается нравственный конфликт, применяются психотравмирующие средства взаимодействия. Возникает ситуация неадекватного морального выбора – действия, избираемые во исполнение одной социальной нормы, ведут к нарушению других социальных норм.

Гражданское судопроизводство может оказывать значительное психологическое воздействие на всех его участников. Стресс, неопределенность исхода дела, длительность процесса – все это приводит к изменениям эмоционального и когнитивного состояния сторон. Стресс может приводить к дезорганизации поведения, нарушению логичности изложения доводов, импульсивным реакциям. В ряде случаев это сказывается на восприятии их аргументов судьей и другими участниками процесса.

Полагаю, что те адвокаты и практикующие юристы, которые в большей мере обладают выдержкой и стрессоустойчивостью, чем их коллеги, могут проявлять более успешную стратегию поведения в суде и доведения правовой позиции своего доверителя до судьи, избегая каких-либо конфликтов и тем самым повышая доверие судьи.

В отличие от уголовного процесса, мнения адвоката и его доверителя в гражданском процессе чаще всего совпадают, доверитель определяет позицию для своего представителя [9, с. 60].

Адвокат, довольно долгое время практикующий и правильно излагающий позиции по делу, только с юридической точки зрения, а также логически квалифицирующий действия по иску, может быть приятно удивлен, когда в решении суда, судья в своем постановлении отразит его мысли. Если это так, значить адвокат сумел переложить свои идеи и мысли в голову правосудия [25, с. 78].

В гражданском судопроизводстве, как и в уголовном, при разрешении конфликта двух сторон в центре внимания появляются люди со всеми своими индивидуальными и психологическими особенностями, поэтому довольно часто возникают вопросы психологического содержания, которые призвана решать судебно-психологическая экспертиза.

Каждая группа участников гражданского судопроизводства испытывает влияние различных психологических факторов. Их учет и применение научно обоснованных методов взаимодействия с участниками судебного процесса способствуют объективному и справедливому разбирательству.

Принятие решений в гражданском судопроизводстве – сложный когнитивный процесс, который зависит не только от юридических норм, но и от психологических механизмов. Судьи, адвокаты, практикующие юристы и другие участники процесса опираются на определенные ментальные стратегии, когнитивные схемы и эмоции при вынесении решений.

Гражданский процесс – это процесс познания истины в ходе общения участников судебного разбирательства. В ходе судебного разбирательства стороны реализуют свое коммуникативное взаимодействие посредством речи. Судебная речь участников процесса должна быть понятной всей аудитории, несмотря на их разное интеллектуальное развитие, разный ритм мыслительной деятельности, разное мышление и память.

Особенную роль играет монолог, когда стороны обосновывают свои позиции в суде. Важность монолога, выражающего позицию, заключается в том, что он происходит в начале рассмотрения дела, а, как известно, хорошее первое впечатление можно произвести только один раз. Здесь в помощь оратору можно предложить строить свою речь таким образом, чтобы слушающий мог воспринимать ее, задействовав свое образное мышление, чтобы было легче понимать, запоминать, а главное – оценивать сказанное.

Известный английский юрист Р. Гаррис, отмечая роль образного мышления в восприятии речи судебного оратора, в 1910 г. писал: «…люди не столько слушают большую речь, сколько видят и чувствуют ее. Вследствие этого слова, не вызывающие образов, утомляют их» [20, с. 446].

Поскольку область гражданского судопроизводства в психологическом аспекте довольно обширна и затрагивает практически все процессы, стадии, события судебного разбирательства, то ее исследование представляет особый интерес для ученых. Принятие судебных решений в гражданском процессе представляет собой сложный психологический процесс, в котором участвуют рациональные и интуитивные механизмы.

В данной статье были рассмотрены лишь некоторые психологические особенности, связанные с гражданским судопроизводством. Подводя итог, необходимо отметить, что в судебном разбирательстве в психологическом плане крайне велика роль судьи, поскольку на него возлагается ответственность, в первую очередь, по построению модели подлежащего исследованию спора, и во вторую очередь – по ведению переговоров и урегулированию сложившегося конфликта.

Кроме того, несомненно, что эмоциональное состояние участников судебного процесса оказывает значительное влияние на принятие решений. Судьи, адвокаты, практикующее юристы, истцы, ответчики, свидетели и другие участники разбирательства неизбежно испытывают стресс, тревогу и эмоциональное напряжение, что может сказываться на их поведении и когнитивных процессах. Например, высокий уровень стресса у судьи может привести к снижению когнитивной гибкости, что ограничивает способность рассматривать дело всесторонне и объективно. В свою очередь, эмоциональная вовлеченность истца или ответчика может мешать им адекватно воспринимать аргументы противоположной стороны и даже ухудшать способность к логическому ана-

лизу предоставленных доказательств.

Помимо эмоционального фактора значительную роль также играют когнитивные искажения.

Важным фактором является также уровень межличностной коммуникации между участниками судопроизводства. Эффективность аргументации, способность убеждать и корректно доносить свою позицию во многом определяют ход гражданского процесса.

В целом, проведённое исследование подтверждает, что психологические аспекты играют значительную роль в организации гражданского судопроизводства. Их учет позволит повысить объективность судебных решений, минимизировать влияние предвзятости и стресса, а также создать более справедливую и эффективную систему правосудия.

Список литературы:

1] Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 19.09.2026).

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 19.09.2026).

[3] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 19.09.2026).

[4] Закон Российской Федерации от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/ (дата обращения: 19.09.2026).

[5] Федеральный закон от 31.05.2002 N 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945/ (дата обращения: 19.09.2026).

[6] Аврамцев В.В. Психология профессионального общения юриста. Нижний Новгород: 2018, 133 с.

[7] Ахмедшин Р.Л. Лекции по правовой психологии: учебное пособие. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2019, 454 с.

[8] Бандурка А.М., Бочарова С.П., Землянская Е.В. Юридическая психология. Харьков: Изд-во Нац. ун-та внутр. дел, 2002, 596 с.

[9] Берном У. Судебная адвокатура. СПб.: 2011, 230 с.

[10] Васильев В.Л. Юридическая психология. Спб.: 2009, 608 с.

[11] Власов А.А. Актуальные проблемы повышения эффективности правосудия в гражданском судопроизводстве. СПб.: 2016, 470 с.

[12] Головков Д.А., Пархимович П.И. Юридическая психология. Мн.: Акад. МВД, 2004, 144 с.

[13] Дикая Л.Г., Занковский А.Н. (ред.) Психологические проблемы профессиональной деятельности. М.: Наука, 1991, 166 с.

[14] Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Ленинград: Из-во Ленинградского ун-та, 1949, 358 с.

[15] Енгалычев В.Ф., Шипшин С.С. Судебно-психологическая экспертиза. Калуга, 1997, 190 с.

[16] Еникеев М.И. Основы юридическая психология: Учебник. М.: Норма, 2009, 448 с.

[17] Еникеев М.И. Структура и система категорий юридической психологии. М.: 1988, 223 с.

[18] Еникеев М.И. Юридическая психология. С основами общей и социальной психологии. М.: Норма: Инфра М, 2010, 610 с.

[19] Маклаков А. Г. Общая психология. Спб.: Питер, 2016, 583 с.

[20] Романов В.В. Юридическая психология. - М.: Норма, 2016. – 588 с.

[21] Петруня О.Э. Юридическая психология. М.: Изд. центр ЕАОИ, 2007, 149 с.

[22] Сорочан В.В. Юридическая психология. М.: МИ ЭМП, 2010, 105 с.

[23] Столяренко А.М. Психологические приемы в работе юриста. М.: Норма, 2018, 345 с.

[24] Столяренко А.М. Прикладная юридическая психология. М.: 2001, 473 с.

[25] Шиханцов Г.Г. Юридическая психология. М.: Юрайт, 2006, 288 с.

[26] Шутенко, О.В. Управление региональной инновационной инфраструктурой Москвы : диссертация ... кандидата экономических наук : 08.00.05 / Шутенко Олег Владимирович; [Место защиты: Ин-т регион. эконом. исслед.]. Москва, 2012. 152 с.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by nationwide vote on Dec. 12, 1993. // ConsultantPlus legal reference system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (accessed: Sept. 19, 2026).

[2] Civil Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law No. 51-FZ of Nov. 30, 1994. // ConsultantPlus legal reference system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (accessed: Sept. 19, 2026).

[3] Civil Procedure Code of the Russian Federation, No. 138-FZ of Nov. 14, 2002. // ConsultantPlus legal reference system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (accessed: Sept. 19, 2026).

[4] Law of the Russian Federation No. 3132-1 of June 26, 1992, «On the Status of Judges in the Russian Federation.» // ConsultantPlus legal reference system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/ (accessed: Sept. 19, 2026).

[5] Federal Law No. 63-FZ of May 31, 2002 (as amended on July 31, 2020), «On Advocacy and the Legal Profession in the Russian Federation.» // ConsultantPlus legal reference system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945/ (accessed: 19.09.2026).

[6] Avramtsev V.V. Psychology of Professional Communication for Lawyers. Nizhny Novgorod: 2018, 133 p.

[7] Akhmedshin R.L. Lectures on Legal Psychology: A Textbook. Tomsk: Tomsk State University Publishing House, 2019, 454 p.

[8] Bandurka A.M., Bocharova S.P., Zemlyanskaya E.V. Legal Psychology. Kharkiv: National University of Internal Affairs Publishing House, 2002, 596 p.

[9] Burnham W. Trial Advocacy. St. Petersburg: 2011, 230 p.

[10] Vasiliev V.L. Legal Psychology. St. Petersburg: 2009, 608 p.

[11] Vlasov A.A. Current Issues in Improving the Efficiency of Justice in Civil Litigation. St. Petersburg: 2016, 470 p.

[12] Golovkov D.A., Parkhimovich P.I. Legal Psychology. Minsk: Academy of the Ministry of Internal Affairs, 2004, 144 p.

[13] Dikaya L.G., Zankovsky A.N. (eds.) Psychological Problems of Professional Activity. Moscow: Nauka, 1991, 166 p.

[14] Ioffe O.S. Legal Relations under Soviet Civil Law. Leningrad: Leningrad University Press, 1949, 358 p.

[15] Engalychev V.F., Shipshin S.S. Forensic Psychological Expertise. Kaluga, 1997, 190 p.

[16] Enikeev M.I. Fundamentals of Legal Psychology: A Textbook. Moscow: Norma, 2009, 448 p.

[17] Enikeev M.I. Structure and System of Categories in Legal Psychology. Moscow, 1988, 223 p.

[18] Enikeev M.I. Legal Psychology: With Fundamentals of General and Social Psychology. Moscow: Norma: Infra-M, 2010, 610 p.

[19] Maklakov A.G. General Psychology. St. Petersburg: Piter, 2016, 583 p.

[20] Romanov V.V. Legal Psychology. Moscow: Norma, 2016, 588 p.

[21] Petrunya O.E. Legal Psychology. Moscow: EAOI Publishing Center, 2007, 149 p.

[22] Sorochan V.V. Legal Psychology. Moscow: MI EMP, 2010, 105 p.

[23] Stolyarenko A.M. Psychological Techniques in the Work of a Jurist. Moscow: Norma, 2018, 345 p.

[24] Stolyarenko A.M. Applied Legal Psychology. Moscow, 2001, 473 p.

[25] Shikhantsov G.G. Legal Psychology. Moscow: Yurayt, 2006, 288 p.

[26] Shutenko, O. V. Management of the Regional Innovation Infrastructure of Moscow: Dissertation for the degree of Candidate of Economic Sciences: 08.00.05 / Shutenko, Oleg Vladimirovich; [Defense institution: Institute for Regional Economic Research]. Moscow, 2012. 152 p.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

1. Представленная автором научная статья рецензируется экспертом редакционной коллегии журнала (доктором, кандидатом наук) в форме экспертной анкеты, утвержденной редакционной коллегией. Экспертиза носит закрытый характер, рецензия в форме экспертной анкеты предоставляется по соответствующему запросу в ВАК, без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.

2. Срок подготовки рецензии экспертом редакционной коллегии журнала устанавливается по согласованию с рецензентом, но не может превышать 15 дней с момента поступления рукописи к рецензенту.

3. Окончательное решение о принятии статьи автора и размещении ее в одном из номеров журнала принимается на заседании редакционной коллегии журнала либо главным редактором журнала.

4. По результатам рецензирования могут быть приняты следующие решения:
а) рекомендовать принять рукопись к публикации;

б) рекомендовать принять рукопись к публикации с внесением технической правки;

в) рекомендовать принять рукопись к публикации после устранения автором (авторами) замечаний рецензента, с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту (при рекомендации сокращения или переработки рукописи статьи в рецензии конкретно указывается, за счет чего должна быть сокращена рукопись, что в ней должно быть исправлено, чтобы помочь автору (авторам) в дальнейшей работе над рукописью). В случае если автор (авторы) не устранил замечания рецензента, редакционная коллегия Журнала вправе отказать в публикации рукописи с направлением автору (авторам) мотивированного отказа);

г) рекомендовать отказать в публикации рукописи по причине ее несоответствия требованиям, предъявляемым к научному уровню (в данном случае редакционная коллегия Журнала имеет право направить рукопись на рецензирование другому рецензенту либо направить автору (авторам) мотивированный отказ в публикации рукописи, с приложением копии отрицательной рецензии).

5. Редакционная коллегия информирует о принятом решении автора по его запросу. Автору не принятой к публикации статьи редакционная коллегия направляет по его запросу мотивированный отказ.

6. Редакционная коллегия осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки.

7. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет.

8. Максимальный срок рецензирования (с учетом повторного и дополнительного рецензирования) составляет один месяц с момента поступления рукописи в редакцию.

9. Редакция издания может направлять авторам копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

10. Опубликование представленного материала осуществляется в соответствии с планом работы редакции, с учетом необходимости формирования различных рубрик в каждом номере журнала и обеспечения финансирования выпуска журнала (оплатой автором организационного взноса за публикацию статьи).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Сведения общего характера:

Обращаем внимание авторов на то, что публикации статей в научно-правовом журнале «Частное право» осуществляется при условии соблюдения правил подготовки статей и при положительном решении редколлегии по итогам рецензирования, с учетом очередности присылаемых для публикации материалов.

Рукопись принимается к рассмотрению при условии, если она соответствует требованиям, предъявляемым к оформлению статей (материалов).

Срок рассмотрения рукописи: от 1 до 5 рабочих дней.

В случае, если рукопись статьи направлена на рассмотрение и в другие издания, об этом факте необходимо поставить в известность редакцию. Редакция не принимает к рассмотрению статьи с низким уровнем оригинальности текста (текст должен отличаться минимум на 35% от ранее опубликованных материалов).

Рукописи должны иметь авторство не менее 75%, что подтверждается системой Антиплагиат. Цитирования других авторов и цитирования законодательства при этом могут входить в 75%.

Тексты статей принимаются объемом от 5 до 15 машинописных страниц и (не более 30 000 знаков (с учетом пробелов), рецензии на монографии, учебники — до 6 машинописных страниц. В расчет объема статьи входят аннотация, ключевые слова, библиография, сведения об авторе(ах). Статья должна быть написана качественно, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Научная статья, оформленная по образцу, направляется на e-mail: info@law-books.ru или через форму на Главной странице сайта «Опубликовать статью РИНЦ».

Представленные материалы должны соответствовать общепринятым этическим нормам. Ответственный секретарь (заместитель главного редактора) направляет статью на рецензирование члену редакционной коллегии, курирующему соответствующее научное направление, при условии, что статья оформлена в соответствии с требованиями. Процедура рецензирования рукописей осуществляется конфиденциально в целях защиты прав автора.

Правила оформления статей:

Набор текста производится в формате Microsoft Word. Шрифт – Times New Roman; размер шрифта – 14; межстрочный интервал – 1,5.

Последовательность оформления статьи:

В начале статьи (на первой странице) приводятся на русском языке:

Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания, электронного адреса;

Название статьи (буквы – прописные);

Аннотация и ключевые слова на русском языке (выравнивание «По ширине», без отступа);

Указание на источник финансирования (если работа выполняется по гранту).

Затем размещается информация на английском языке:

1. Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания;

2. Название статьи (буквы – прописные);

3. Аннотация и ключевые слова (выравнивание «По ширине», без отступа).

После размещения технической информации следует текст статьи.

Структура статьи, как правило, включает: введение (характеристика актуальности темы и степени ее научной разработанности), указание на цель и задачи данной статьи, обозначение использованных методов, представление результатов, заключение. Отдельные блоки содержания выделяются подзаголовками (оформляются с выравниванием «По центру», строчными, полужирным курсивом).

В тексте статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1; 2]. Постраничные сноски допускаются только, если не содержат

ссылку на библиографический источник, например, разъяснение термина.

Правила транслитерации:

Транслитерацию можно делать по сайту www.translit.ru, выбирать вариант LC (Library of Congress). Транслитерированные русские источники оформлять по модели для российских источников. В квадратных скобках давать перевод названия статьи или книги, а также периодического издания, в котором статья была опубликована.

Для аспирантов, адъюнктов, соискателей ученой степени кандидата наук:

— в обязательном порядке в статье необходимо указывать: телефоны кафедр, научных подразделений, к которым они прикреплены, а также данные о научном руководителе (фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание, е-мейл),

— необходимо соблюдать правила научной этики при написании и публикации статей, в случае нарушения которых Редакция оставляет за собой право отказать в публикации предварительно одобренной статьи при обнаружении признаков использования ИИ, недобросовестного заимствования и/или недобросовестного повышения оригинальности текста в системе “Антиплагиат” (организационный взнос в этом случае не возвращается).

научно-издательская группа
ЮРКОМПАНИ

ЧАСТНОЕ ПРАВО

Научно-правовой журнал

№ 4
(октябрь - декабрь)
2026 г.

Опубликовано 02.11.2026 г. Формат 60x90/8. Печать цифровая. Печ. л. 5,25.
Макет подготовлен в типографии ООО «Издательский дом «Академик».
г. Москва, ул. Горбунова, д. 2 стр. 3, оф. В 218.